

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
НЕМЕЦКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
(памяти Г. Г. Едига)**

Материалы Всероссийского
научно-практического семинара

Красноярск, 2-4 июня 2008 г.

КРАСНОЯРСК 2008

ББК 81.2 Нем
А 38

Редакционная коллегия:
Дятлова В. А. (отв. ред.)
кандидат филологических наук, доцент
Штейнгатт Л.М.
кандидат филологических наук, доцент
Степанова М. М.
кандидат филологических наук, доцент

А 38 Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г. Г. Едига): материалы Всероссийского научно-практического семинара, Красноярск, 2-4 июня 2008 г. / отв. ред. В. А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. – Красноярск, 2008. – 168 с.

ISBN 978-5-85981-280-6

В сборнике представлены воспоминания о выдающемся отечественном диалектологе, создателе Омского научно-исследовательского центра по изучению немецких диалектов Г. Г. Едиге, материалы диалектологов из различных городов России и Германии. Затронуты вопросы, связанные с исследованием диалектов российских немцев; освещены проблемы методики преподавания немецкого языка для носителей диалектов.

Предназначен для специалистов, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами российской немецкой диалектологии.

Всероссийский научно-практический семинар «Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига)» проведен при финансовой поддержке Национально-культурной автономии немцев Красноярского края.

Издание сборника осуществлено при поддержке гранта КГПУ 110-08-2/ОК.

ББК 81.2 Нем

ISBN 978-5-85981-280-6

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П.Астафьева, 2008

*Гуго Гугович Едиг
(8 сентября 1920 г. – 11 октября 1991 г.)*

ОСТРОВНОЙ ГОВОР ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ДИАЛЕКТНАЯ СУБСИСТЕМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

О. А. Александров, З. М. Богословская

Томск, Томский технический университет

Необходимость работ, посвящённых исследованию устных видов немецкой речи, функционирующих в отрыве от основного континуума немецкого языка и развивающихся по нормам, обусловленным дописьменными традициями, убедительно доказана в специальной литературе, включая труды основоположников лингвоостровной диалектологии немецкого языка в России – Георгия Генриховича Дингеса, Владимира Максимовича Жирмунского, Андрея Петровича Дульзона – и публикации последних лет Гуго Гуговича Едига, Нины Беренд, Ларисы Ивановны Москалюк и др. Изучение диалектного языка российских немцев даёт возможность внести лепту в реконструкцию исторических процессов, протекавших в национальном немецком языке, выявить закономерности автономного развития ответвлений языка как самодостаточных систем, определить векторы языковых контактов, перенять опыт межкультурной коммуникации и др.

В настоящее время лингвоостровная диалектология немецкого языка в России находится на новом витке развития. Во-первых, появляются работы, авторы которых более детально разрабатывают вопросы, обозначенные в литературе ранее, например, вопросы взаимодействия языков и их диалектов, влияния новых социально-экономических условий на развитие немецких говоров, функционирующих в отрыве от материнских говоров, и др., и работы, посвящённые освоению уровней и сторон диалектных разновидностей немецкого языка, которые изучены ещё недостаточно (уровни лексики, синтаксиса, словообразования). Во-вторых, в рамках современной лингвоостровной диалектологии немецкого языка в России

стали выполняться исследования в соответствии с задачами ведущей парадигмы языкознания: функциональные, антропоцентрические, лингвокогнитивные, лингвокультурологические и др. В-третьих, расширяется география немецких «островных» говоров, подвергаемых обследованию.

По данным различных энциклопедий Томская область принадлежит к числу областей и краёв Российской Федерации, в которых имеются компактные поселения немцев. Однако, несмотря на наличие в данном регионе таких уникальных лингвистических объектов, языковые образования томских немцев долгое время оставались вне поля зрения учёных. Решение же в будущем такой актуальной задачи, как создание общей типологии немецких «островных» говоров, бытующих в России и за рубежом, предполагает отсутствие белых пятен на лингвогеографической карте.

Носители немецкой народно-разговорной речи в указанной области – потомки переселенцев из Германии в середине XVIII в. Из выделяемых в специальной литературе различных типов дочерних колоний немецкого языка в России – «старые дочерние колонии», «центральные деревни» и др. [4; 6] – поселения немцев в Томской области относятся к типу «смешанное поселение, возникшее с 40–50-х гг. в восточном регионе страны».

Предмет нашего изучения – немецкая народная речь жителей с. Кожевникова Томской области. Образование компактного анклава немецкого этноса в этом селе является результатом депортации российских немцев Поволжья в годы Второй мировой войны. Согласно переписи 1989 г., в Кожевниковском районе проживали 21,6 % всех немцев (15 541 чел.) Томской области, в то время как в Александровском районе – 6,5 %, Каргасокском – 11,6 %, Молчановском – 8,3 %. Численность данного языкового сообщества с каждым годом уменьшается как по области в целом, так и по исследуемому району в отдельности. На данный момент в с. Кожевниково насчитывается около 400 немцев.

В связи с отсутствием рядом близкородственных говоров диалектную форму немецкого языка в указанной местности логично определить в качестве изолированного говора. Как показывают предварительные наблюдения, немецкий говор соседних поселений Кожевниковского района не отличается принципиально от изучаемой страты.

Языковая ситуация в пределах данного ареала многокомпонентная, неодноязычная с нетождественным юридическим положением дистантнородственных языков (немецкого и русского), экзоглоссная, несбалансированная, диглоссная. Степень владения русским языком и немецким литературным языком у представителей разных социально-возрастных групп и отдельных личностей разная. Представителей асимметричного билингвизма (активно-пассивного немецко-русского двуязычия) среди 68 информантов, обследованных нами, насчитывается 17 чел. Основной же вид билингвизма – симметричный.

Проведённые полевые наблюдения позволяют сделать вывод о распространении у немцев двуязычия в больше мере не автономного, а совмещённого (т. е. в пределах одного текста), не двустороннего, а одностороннего (т. е. русские не переходят на немецкий язык). Билингвизм информантов можно квалифицировать как массовый (т. е. свойственный всем) и естественный (по-другому, освоение русского языка происходит в результате постоянных контактов с носителями этого языка).

Согласно полученным данным, важными социолингвистическими переменными являются возраст, образование, характер брака, конфессиональная принадлежность немцев. Подавляющая часть представителей старшей возрастной группы респондентов не имеет образования и обладает только базовыми знаниями русской письменности. Это сыграло положительную роль в сохранении исконной формы немецкого языка в данном ареале. Другими стабилизирующими факторами являются членство в религиозной общине, несмешанный (чистый) характер брака,

дающие возможность полноценного общения с помощью родной формы языка.

Таким образом, основной костяк немцев, выступивших в качестве наших респондентов, – представители традиционной немецкой культуры, ведущие сельский образ жизни, сочетающийся с их невысокой мобильностью. Существованию и функционированию данного немецкого говора способствует также «внутренний» фактор – этническая самоидентификация его носителей.

Выявленные нами фонетические, морфологические и лексические признаки позволяют отнести данный «островной» говор в генетическом плане к верхненемецкому диалектному ареалу.

По данным Л. И. Москалюк [2], основанием для идентификации того или иного говора российских немцев с верхненемецкими диалектами Германии является наличие результатов (разной степени) второго передвижения согласных, фортизация согласных, дифтонгизация долгих гласных срвн. *i*, *u*, *iu*. Все эти перечисленные явления обнаружены в пределах языковой страты, изучаемой нами. Из грамматических признаков наиболее веским аргументом принадлежности говора к верхненемецкому типу немецкого языка является вытеснение претерита перфектом (кроме глагола *sein*). Первые наблюдения в лингвогеографическом плане показали бытование в «островном» говоре с. Кожевниково некоторых лексических единиц, характерных также для верхненемецких диалектов исконной территории их распространения.

Как известно, в верхненемецком диалектном ареале выделяются восточнореднемецкие, западнореднемецкие и южнонемецкие диалектные образования. Проведённый анализ консонантизма немецкого говора с. Кожевниково с опорой на положения, сформулированные вышеуказанным учёным, позволяет очертить круг явлений западнореднемецкого характера:

1. Частичный перебой герм. *p*: а) перебой зафиксирован в интервокальной позиции, где ему соответствует спирант *v* (*pe:vər / Pfeffer, la:və / laufen, kəʃlovə / geschlafen, kavə / kaufen.*); б) перебой зафиксирован после плавных *r, l* (*torf / Dorf šarf / scharf, kəholvə / geholfen*); в) перебой зафиксирован в конце слова (*uf / auf, seif / Seife*); г) герм. *p* сохраняется в начале слова (*pan / Pfanne, plantsə / Pflanzen, paif / Pfeife, но fert / Pferd*); д) герм. *pp* сохраняется в конце слова (*kop / Kopf, tsop / Zopf, plumətop / Blumentopf*); е) герм. *pp* в интервокальной позиции подвергается озвончению (*ɛbəl / Apfel*).

2. Озвончение глухих согласных в интервокальной позиции и после сонорных перед гласными (*ve:dər / Wetter, bu:dər / Butter*).

3. Спирантизация интервокального *b* в *v* (*arvait / Arbeit, si:və / sieben, sɛlvə / selber*).

4. Сохранение *s* в сочетаниях *st, sp* в середине и в конце слова (*ist / ist, prust / Brust, keɪst / gehst, hast / hast*).

5. Распространение веляризованного *l*.

6. Сохранение во всех позициях переднеязычного дрожащего *r*.

7. Наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *jə*.

8. Спирантное произношение *g* в интервокальной позиции и в конце слова (*leɪjən / legen, morjə / morgen, feijəl / Vögel*).

Однако, как отмечает Лариса Ивановна Москалюк [2], в западносредненемецких говорах наблюдается тенденция смычного *g* к оглушению в конце слова и перед глухим согласным. Наш материал показывает сохранение спирантного произношения *g* в этой позиции (*tax / Tag, vɛç / weg*), что является, по мнению этого же исследователя, признаком южнонемецкого диалектного ареала.

Таким образом, имеются основания предположить, что изучаемый «островной» говор в генетическом плане восходит к верхненемецкому диалектному ареалу с преобладанием признаков западносредненемецких

диалектов. Но поскольку в нём обнаруживаются черты и других исконных диалектов немецкого языка, логично считать его, вслед за основоположниками исследования немецких говоров Поволжья [1; 5], смешанным. Создание более точной версии относительно происхождения немецкого говора с. Кожевниково требует дальнейших разысканий.

В исследовании, проведённом нами, сделаны лишь первые шаги в изучении немецкой диалектной страты в пределах Томской области, но его можно считать фундаментом для будущих разноаспектных исследований в этой сфере. Глубокое изучение локальной формы традиционной народной культуры немцев, формировавшейся на протяжении столетий, представляется важным и необходимым.

Представляется перспективным освещение вопросов немецкой «островной» диалектологии, пересекающихся с вопросами научных дисциплин, приобретших или приобретающих в настоящее время автономный статус: полевой лингвистики, лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, жанроведения, вариантологии и др. Актуальной задачей немецкой «островной» диалектологии является дальнейшая разработка её прикладного аспекта в соответствии с современными достижениями корпусной лингвистики, лексикографии, лингводидактики и др.

Библиографический список

1. Дульзон, А. П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья / А. П. Дульзон // Изв. АН СССР отд-ния лит-ры и яз. – М., 1941. – № 3. – С. 82-96.
2. Москалюк, Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов / Л. И. Москалюк. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2002. – 292 с.
3. Томская область: народы, культуры, конфессии / Отв. ред. О.М. Рындина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 382 с.
4. Фролова, Н. А. Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма на материале говоров деревни Гебель

Камышинского района Волгоградской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Фролова. – Саратов, 1999. – 17 с.

5. *Dinges, G. Über unsere Mundarten / G. Dinges // Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebietes. – Pokrowsk : Zentralstelle zur Erforschung der deutschen Mundarten, 1923. – S. 62–72.*
6. *Rosenberg, P. Varietätenkontakt und Varietätenausgleich bei den Russlanddeutschen: Orientierungen für eine moderne Sprachinselforschung / P. Rosenberg // Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Hrsg. v. N. Berend u. K. J. Mattheier. – Frankfurt am Mein, 1994. – S. 123–164.*

ДИАЛЕКТ В СИСТЕМЕ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

*Н.С.Бабенко, В.И.Карпов
Москва, Институт языкознания РАН*

Изучение немецких диалектов имеет давнюю традицию; в истории языкознания она идет от младограмматиков, которые описывали фонетические и морфологические особенности древних германских языков как диалектных образований [Kluge 1913] через диалектологию и диалектографию анкетологов [Wrede 1919] к школе Т. Фрингса [Frings 1957] и далее к диалектологическим работам В.М.Жирмунского, изучавшего диалекты в социолингвистическом, сравнительно-историческом и фактологическом аспектах [Жирмунский 1954; Светозарова 2006].

Исследования диалектов в русле лингвистической географии (или диалектографии) обнаружили, что само понятие «диалект» не имеет достаточного обоснования и в зависимости от задач исследования может пониматься по-разному. В.М.Жирмунский считал, что при сопоставлении карт диалектологического атласа, опирающихся на сплошное обследование и пользующихся методикой изоглосс, диалект теряет свой статический

характер неподвижной, структурно замкнутой системы признаков, прямолинейно восходящей по принципу родословного древа к общей основе с другими, также структурно замкнутыми системами родственных диалектов. «Диалект представляет единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции» [Жирмунский 1954: 23].

Попыткой критического пересмотра понятия «диалект» является и учение немецкой диалектографии о так называемых «языковых ландшафтах» (“*Sprachlandschaften*”). В работах Т. Фрингса и его школы особенно ярко выступает тенденция к социально-историческому обоснованию понимания языкового ландшафта (связь языковых границ с границами средневековых политических территорий, с путями хозяйственных и культурных сношений, с движением колонизационных потоков и т.п.).

Несколько иной ракурс изучения диалектов представлен в работах, выполненных с опорой на концепцию форм существования языка, которая разработана отечественными германистами [Гухман 1970] и имеет своей целью описание функциональных, т.е. «внешних» характеристик таких образований, как диалект – обиходно-разговорные формы – литературный язык, которые в каждый период существования исторического языка находятся в определенных отношениях друг к другу и развиваются сообразно их положению в общей системе форм языка. При описании функционального членения языка, т.е. деления языка на территориальные и социальные диалекты, выделение литературного языка или образование наддиалектных койне, возникновение креольских языков, выдвижение какого-либо языка на роль *lingua franca* и все тому подобные явления непосредственно связаны с исторически обусловленными типами языковых коллективов, использующих язык в целях коммуникации [Ярцева 1972: 190].

Диалект определяется как одна из разновидностей народной речи, как одна из первичных языковых формаций, функционирующих на определенных территориях, обеспечивающих коммуникацию определенных социумов (языковых коллективов) и противопоставленных не только друг другу, но и наддиалектным образованиям разных типов, среди которых высшую позицию занимает литературный язык.

В структуре функциональной парадигмы языка, которая представляет собой модель реального функционирования подсистем (форм существования языка), соотнесенных между собою в рамках определенного исторического языка [Гухман 1985: 4; Семенюк 1985: 157], диалект может быть противопоставлен (при том, что эти противопоставления никак не являются тождественными) другим формам языка по следующим линиям:

диалект – другие необработанные формы языка;

диалект – другие устные формы языка;

диалект – письменные формы языка;

диалект – наддиалектные формы языка;

диалект – обработанные формы языка;

диалект – литературный язык.

М. М. Гухман считала, что наиболее спорным и сложным является определение понятий «диалект» и «наддиалектные формы языка»: оба термина употребляются недифференцированно к категориям разных исторических эпох и языковым отношениям, сложившимся в разных условиях. Так, например, термин «диалект», употребляемый в сочетаниях «диалект племени», «территориальный диалект», «литература на диалектах», означает не только не тождественные, но даже противоположные понятия.

Когда Винокур утверждал, что «язык древнерусской письменности, какими бы стилистическими приметами он ни отличался, это в принципе язык диалектный», когда пишут о литературе на арабских и итальянских диалектах, то в этих случаях под диалектом, очевидно, понимается форма

коммуникации иного типа, чем та, которая обозначается как территориальный диалект. Фактически под диалект здесь подводится любой тип регионально-ограниченных языковых форм, независимо от сферы употребления этих форм и наличия или отсутствия функционально-стилистической дифференциации. Вместе с тем существует и противоположная точка зрения, в частности у немецких диалектологов, согласно которой диалект – это устная в собственном значении слова разновидность речевого общения: «Диалект – это язык без письменности» (*“Die Mundart – ist Sprache ohne Schrift”*) [Frings 1944: 7]; «...любой диалект живет в устной, но не в письменной форме» [Bischoff 1956: 84]. Само собой разумеется, что вторая точка зрения исключает существование таких категорий, как «литература на диалектах» или «письменные диалекты».

В отечественной германистике наддиалектности, т. е. обособлению от диалекта, разным формам этого универсального процесса, разграничению разных исторически обусловленных типов наддиалектной речи, уделяется особое внимание.

Наддиалектность понимается как совокупность известных функционально-стилистических признаков, присущих более высоким сферам общения, причем наддиалектность как бы отождествляется с любой обработанной формой языка; во втором случае опорным оказывается такой признак, как преодоление, большее или меньшее, региональной ограниченности, свойственной диалекту, его территориальной связанности. Тем самым к наддиалектным формам относятся и разговорные койне, не обладающие, однако, признаком обработанного языка. Нетрудно заметить, что первая точка зрения имплицитно включает предпосылку о монофункциональности диалекта: диалект отождествляется с регионально-ограниченной разновидностью. Следовательно, и вопрос о том, какие явления могут быть отнесены к наддиалектным формам речи, также требуют уточнения, чтобы более определенно квалифицировать диалект и его типологические признаки как низшую страту языка.

В самом общем смысле можно утверждать, что емкость термина «диалект» зависит от понимания его положения в общей системе форм существования языка, т.е. его соотношения с разными типами наддиалектной речи, в том числе и с литературным языком. «Чем уже содержание термина ‘диалект’, тем большее число функционально-стилистических разновидностей речи относится к внедиалектным или наддиалектным формам, и наоборот, чем шире содержание этого термина, чем недифференцированнее его применяют, тем беднее и ограниченнее оказывается система наддиалектных форм речевого общения, существование которых в применении к некоторым историческим периодам вообще отрицается» [Гухман 1972: 211].

Схематично можно выделить три исторических типа диалекта: 1) диалект в условиях родо-племенного строя; 2) диалект в эпоху образования древних и средневековых государств и 3) так называемый территориальный диалект в период формирования и развития национальных единств, когда диалект становится пережиточной формой устного общения определенных слоев общества. Все предположения о статусе племенного диалекта на ранних стадиях родового строя преимущественно основываются на более или менее удачных гипотезах и реконструкциях. Лишь предположительно можно утверждать, что отличительным признаком диалекта на ранних ступенях исторического развития являлось отсутствие противопоставленности диалекта в качестве некой регионально-ограниченной речи – другой, внеположенной, в большей или меньшей степени обобщенной форме существования языка [Гухман 1972: 212].

Типологически значимыми признаками диалектов как компонент функциональной парадигмы языка признаются следующие его характеристики:

- диалект представляет собой одну из территориальных разновидностей низшего страта функциональной парадигмы языка;

- диалект не имеет письменной традиции, а потому диалектный материал особенно труден для изучения;
- диалект – функционально и социально ограниченная в своем использовании форма существования языка, которая по мере развития наддиалектных форм все более решительно оттесняется в сферу устного общения.

Наличие диалекта сопряжено с отсутствием дифференциации сфер общения и тем самым полифункциональности диалекта, его стилового расслоения.

Характер связей и типы взаимодействия диалектов одного и того же языка, а также возможные случаи контактирования диалектов, относящихся к разным языкам, могут быть выяснены лишь при анализе исторической обстановки, создающей специфические условия использования территориальных разновидностей общенародной речи. В истории диалектов находят свое отражение условия функционирования языка в различные периоды развития общества [Ярцева 1972: 190].

Диалектология не ограничивается изучением диалектов на территории Германии и сопредельных немецкоязычных стран. Изучение островных диалектов долгое время было важным направлением диалектологии и во многом определяло характер германистических исследований как в Германии, так и за ее пределами [Kuhn 1934; Mattheier 1996; Rosenberg 2003].

Термин “*Sprachinsel*”, введенный в 1847 г. для обозначения славяноязычного населения, компактно проживавшего на территории Восточной Пруссии, стал применяться по отношению к собственно немецким языковым общностям с 1872 г., когда появились первые публикации об особенностях языка немецких переселенцев на территории американского штата Пенсильвания [Haldemann 1872; Horne 1875; Learned 1889; Lins 1887; Rauch 1879]. В то же время предпринимаются попытки системного описания немецких говоров за пределами Германии – создаются так называемые «ареальные грамматики» (*Ortsgrammatiken*), в которых регулярно используется термин “*Sprachinselmundart*” (см., например, [Lumtzer 1894]).

Понятия «языковой остров» и «островной диалект» ни в коем случае не противопоставляются друг другу; напротив, подчеркивается их теснейшая взаимосвязь: распространенность термина “*Sprachinsel*” в немецкой диалектологической литературе связана с его терминологической емкостью, имплицитной включенностью самого понятия “*(Sprach)inselmundart*” как основополагающего, стержневого, смыслообразующего.

В отечественной диалектологии нет прямого эквивалента немецкому термину “*Sprachinsel*”. Германисты традиционно используют обозначения «островной говор», «колониальный диалект», в то время как термин «языковой остров» пока еще не утвердился. А. И. Домашнев предложил обозначать им «маргинальную область распространения языка, отделенную от основной области его распространения политической границей, находящуюся в пределах территории иноязычного большинства» [Домашнев 1990: 248]. В некоторых диссертационных (лингвоостровных) исследованиях для описания всей совокупности экстралингвистических условий бытования островных немецких говоров вполне обоснованно употребляется термин «языковой остров» [Фролова 1999: 10-12], однако в его определении все же приходится ориентироваться на трактовки немецких германистов [Москалюк 2006]. В отечественных исследованиях имеет место широкая трактовка понятия «языковой остров» как совокупности равноценных по значимости компонентов комплексного описания этноязыковой общности (этническая история, условия обитания, быт и т. д.), в то время как немецкие диалектологи имеют в виду прежде всего языковую ситуацию и опираются на экстралингвистические данные лишь при интерпретации отдельных языковых фактов.

Ситуация с островными диалектами на территории России до революции 1917 года, а также в период существования Советского Союза и последующих политических и экономических преобразований 90-х годов

существенно отличается от типовых схем исторического и синхронного взаимодействия диалектов между собой и с другими наддиалектными формами в рамках немецкого национального языка, функционирующего в исконно немецкоязычных странах.

Исследование немецких островных диалектов в России и Советском Союзе в силу ряда уникальных факторов стало одним из важных направлений отечественной германистики. В.М.Жирмунский объяснял пристальный интерес ученых тем, что именно немецкие колонии за пределами метрополии являются экспериментальными лабораториями, где на протяжении всего нескольких десятилетий проходят такие процессы, которые в иных языках при «естественных» условиях затянулись бы на столетия, а это значит, что германисты имеют исключительную возможность засвидетельствовать и детально изучить данные процессы [Schirmunski 1930: 113]. Эта установка, по сути своей, и стала отправным пунктом для научного изучения островных немецких диалектов в Советском Союзе, где проживала самая большая группа этнических немцев за пределами своей исторической родины.

В 1991 году Г. Едиг совместно с Н. Беренд выпустили в Германии монографию, где был приведен полный список публикаций, посвященных островным немецким диалектам в СССР [Berend, Jedig: 1991]. Н. Беренд дополнила его библиографическим списком работ по диалектологической проблематике, появившихся в России с 1991 по 2005 годы (http://www.ids-mannheim.de/prag/AusVar/Deutsch_in_Russland/). Анализ опубликованной библиографии показал, что в последние 15 лет диалектологи работают в ретроспективном ключе: лишь 27 % всех публикаций носит в чистом виде лингвистический характер (табл. 1).

**Проблематика диалектологических исследований
в России после 1991 года**

Область научных интересов	Кол-во публикаций	% к общему числу
Историография	125	35
Социо-, психо-, этнолингвистика	109	30
Языковая интерференция	31	9
Лексикография	27	8
Грамматика	22	6
Этнография	17	5
Фонология	15	4
Литературоведение	9	3
Всего	355	100

Это вполне можно объяснить изменением в общей парадигме лингвистических исследований, произошедшим еще в 80-е гг.: прорывом психологии, философии и кибернетики в языкознание с их новым взглядом на языковые процессы. В отношении диалектологии развернулась жаркая дискуссия о перспективах ее как научной дисциплины. А. А. Вейлерт в 1980 г. отмечал, что, несмотря на наличие некоторого количества носителей немецких диалектов, в основном людей преклонного возраста, как таковые языковые сообщества, в которых диалект все еще является полноценным средством общения, едва ли остались; поскольку диалекты обречены на вымирание, то и диалектология как наука не имеет будущего [Вейлерт 1980: 4-8]. Кстати, о том же 20 лет спустя пишет другой германист, известный диалектолог профессор Юрген Айхоф. Вынеся в заглавие статьи вопрос «*Sterben die Dialekte aus?*» («Вымирают ли диалекты?»), он приходит к неутешительному выводу, что на рубеже тысячелетий «живых» диалектов немецкого языка практически не осталось, лишь суррогаты на одной из стадий разложения [Eichhoff 2000]. Что же изучать? Юрген Маха, признался, что изучать надо не то, *что* говорится на диалекте, а

то, как говорится, не сам диалект, а специфику его порождения, чтобы выявить, насколько глубоко зашел процесс утраты диалекта самими носителями, где появляются пробоины, от которых неминуемо погибнет этот гигантский корабль – диалект [Macha 2005].

Один из видных представителей немецкой островной диалектологии Петер Розенберг видит главную задачу «лингвоостровных» исследований (“*Sprachinselforschung*”) в выявлении процессов языковой конвергенции и дивергенции в островных диалектах, чтобы найти ответ на вопросы: могут ли лингвоостровные сообщества сохранить языковую самобытность при доминировании языка-суперстрата? приводит ли языковая конвергенция к полной утрате этой самобытности? П. Розенберг предостерегает от чрезмерного увлечения социолингвистическим подходом, который может увести по неверному пути: за кажущейся межъязыковой конвергенцией, якобы вызванной иноязычным влиянием, могут скрываться внутриязыковые процессы в самих островных диалектах, которые представлены на «языковых островах» многочисленными диалектными вариантами, контактирующими как с языковым суперстратом (внешний фактор), так и друг с другом (внутренний фактор). Внешний и внутренний факторы являются своеобразными векторами, оказывающими попеременное влияние на языковое развитие и определяющими характер языковых изменений. Пересечение векторов может либо нейтрализовать их влияние, либо усилить его подобно резонансу.

Проблему языковой конвергенции П. Розенберг предлагает рассматривать трояко:

- 1) конвергенция как результат контакта диалектных вариантов;
- 2) конвергенция как результат языкового контакта;
- 3) типологическая конвергенция.

Наиболее интересным нам представляется третий пункт. Рассматривая падежную систему немецких диалектов, П. Розенберг приходит к выводу, что синкретизм данной системы (редукция флексий,

омонимия форм, сокращение числа падежей) не объясняется влиянием иноязычного окружения, речь идет скорее о типологических изменениях, коснувшихся всех немецких диалектных вариантов вне зависимости от географической локализации. Редукция субстантивных и адъективных падежных, равно как и претеритальных глагольных форм маркирует переход от синтетического к аналитическому строю во всех германских языках, однако в немецких диалектах данные процессы зашли еще дальше. Так, например, в парадигме склонения имен существительных различаются только два падежа, родительный регулярно заменяется предложной конструкцией или дательным притяжательным, в ряде случаев наблюдается совмещение форм дательного и винительного падежей. В падежной системе первым устраняется родительный, за ним следует дательный, в то время как винительный падеж берет на себя функции не только прямого, но и косвенного падежей. Сохраняются, таким образом, наименее «маркированные», нейтральные формы [Rosenberg 1986: 341], чья функциональная нагрузка формально увеличивается, но фактически это приводит к устранению самой грамматической категории падежа: синтаксическая информация (согласование прилагательного и существительного) и семантическая информация (отношения, выражаемые прямым и косвенным дополнениями) передаются исключительно порядком слов, а не морфологическими признаками членов предложения. Противоположная картина наблюдается во всех диалектах в системе личных местоимений, сохраняющей трехпадежную парадигму, в которой формам дательного падежа отводится особое место.

Конвергентный характер языковых изменений, происходящих параллельно практически во всех островных немецких диалектах, их независимость от системного давления суперстрата позволяют предположить, что мы имеем дело с типологическими изменениями, обусловленными влиянием на саму структуру языка внутренними импульсами исторического развития – прогрессирующего разрушения

грамматического строя как одной из ступеней утраты языка (“*language contraction*”, “*language obsolescence*”, “*Sprachtod*”) [Romaine 1989: 370]. Данный процесс, по мнению ряда германистов, проходит в два этапа: первый – нейтрализация (“*Neutralisation*”), т.е. аналогическое выравнивание в парадигме склонения имен существительных и прилагательных и спряжения глаголов как результат редукции флексий, и упрощение (“*Simplifikation*”), т.е. устранение элементной дифференциации, алломорфии [O’Neil 1978; Romaine 1989: 379], вызванной потребностями говорящих в минимизации усилий при порождении речи. Выработывается т.н. «правило дефолта» (“*Defaultregel*”): одна формообразовательная модель, функционирующая вне грамматических категорий, используется «по умолчанию» для бесконечного количества случаев употребления [Pinker 2000: 253-256]. На примере немецкого диалекта штата Айова К. Смитс выводит следующую последовательность языковых изменений: выравнивание (“*Regularisierung*”) – упрощение (“*Simplifizierung*”) – утрата флексий [Smits 1996: 47]. Во всех случаях мы имеем дело с двумя процессами языковых изменений – нерегулярные формы преобразуются в регулярные (“*Regularisierung*”), регулярные же формы подвергаются упрощению (“*Simplifizierung*”) вплоть до полной утраты присущих «материнскому» языку категорий [Rosenberg 2003].

Немецкая диалектология номинально еще сохраняет статус самостоятельной лингвистической дисциплины, но фактически уже произошла смена объекта изучения, поскольку качественно изменился материал, с которым работают ученые. Ведь речь идет не о диалектах в чистом виде, а о региональных вариантах немецкого языка, в которых растворяются местные диалекты, а это значит, что на место диалектологии пришла новая дисциплина – региолектология. Ярким доказательством тому является переориентация научной деятельности главного диалектологического центра в Германии – исследовательского института немецкого языка «Языковой атлас немецкого языка» в Марбурге, связанного

еще с такими именами, как Венкер и Вреде, – со сбора, систематизации и анализа диалектографического материала на создание интерактивного атласа региолектов немецкого языка, где между прочими будут учитываться и диалектные данные: *«Gegenstand des Projekts ist es, zwei der gravierendsten Desiderate der langen Geschichte der Erforschung der deutschen Sprache zu beheben: zum Ersten liegen zu den „modernen Regionalsprachen“, d. h. den sprachlichen Variationsräumen, die in der Gegenwart die gesprochene Alltagssprache der meisten Sprachteilhaber darstellen, keine umfassenden Beschreibungen vor; zum Zweiten fehlt eine Informationsstruktur, die es erlaubt, die zahlreichen Forschungsmaterialien und -resultate der Vergangenheit unmittelbar aufeinander und auf die neu zu erhebenden modernen Regionalsprachen zu beziehen und analytisch zu integrieren»* (<http://www.regionalsprache.de/>).

Итак, диалектология входит в мемориальную стадию, и этот факт констатируют как немецкие, так и отечественные германисты. Массовый исход активного немецкоязычного населения из России и бывших советских республик в 90-е гг. поставил под вопрос будущее отечественной диалектологии не просто как научной дисциплины, но даже как одного из направлений германистических исследований. Большинство из опрошенных нами респондентов – диалектологов ВУЗов Саратова, Кирова, Омска, Красноярска и Барнаула – питают робкую надежду на возможность продолжения исследований в своих регионах, но «живого» материала хватит максимум на 20-30 лет. Что может предложить отечественная диалектология германистике? С одной стороны, за почти столетие активного изучения немецких островных диалектов в нашей стране собран обширнейший и уникальный материал, малоизвестный как за рубежом, так и в России. Трудно переоценить то значение, которое архивные записи могут иметь для сравнительно-исторического языкознания в плане реконструкции архаичных языковых состояний. С другой стороны, работая с «живыми» диалектами вне

исторической родины, мы имеем дело с динамичными языковыми процессами, которые скоротечны по времени, охватывают обширные пространства и образуют причудливые и неустойчивые сплетения гетерогенных элементов. Ситуация настолько стремительно меняется, что любое промедление грозит исчезновением деталей, важных для восстановления целостной диалектной картины в отдельных регионах. Несмотря на то, что в региональных центрах проводится большая и серьезная диалектографическая работа, ознакомиться с ее результатами могут далеко не все ученые в нашей стране. По большей части, обмен информацией и опытом пространственно ограничен и редко выходит за границу Уральского хребта.

В советскую эпоху диалектология так и не утвердилась в статусе академической науки, хотя В.М.Жирмунский много сделал для того, чтобы в Ленинградском отделении АН СССР обсуждался и широкий спектр диалектологических проблем. Однако лишь в конце 80-х гг. диалектологическая проблематика была включена в научные программы Института языкознания СССР и исследовалась еще в 90-е гг. в Институте лингвистических исследований РАН А.И.Домашневым и его единомышленниками. Но уже в 1995 г. А.И.Домашнев с грустью писал не просто о необходимости продолжения диалектологических исследований в нашей стране, а о спасении диалектологии как научной дисциплины [Домашнев 1995].

К сожалению, сейчас мы вынуждены констатировать, что диалектология оказалась на периферии научных интересов отечественной германистики, границы ее размыты; по большей части проводится не диалектологическая, а диалектографическая работа, материальная составляющая которой – собранный в экспедициях или архивах материал – анализируется в рамках других лингвистических дисциплин. Такое положение вещей отражает естественный ход событий, причины ясны и очевидны и не нуждаются в комментариях. Главная задача сейчас –

объединить усилия отечественных диалектологов, чтобы обсудить перспективы дальнейшего изучения островных немецких диалектов в России. Работа должна проводиться с главной целью – системного лингвистического описания с максимальным охватом диалектного материала, и здесь опыт, накопленный академической наукой, как нельзя кстати.

В Институте языкознания РАН длительное время выпускается уникальная многотомная энциклопедия «Языки мира». Одновременно с реализацией проекта по созданию энциклопедии была начата разработка информационного ресурса – базы данных. В качестве основного средства формализации была разработана так называемая «модель реферата», представляющая собой универсальную схему описания языка, где языковые явления и категории представлены в жестко заданной форме. Эта база данных является уникальной по объему и широте охвата языков: если обычные типологические базы данных содержат описания языков по очень ограниченному списку параметров, относящихся к определенной сфере языка, часто даже по единственному параметру, то в базе данных «Языки мира» заложен 3821 признак (по состоянию на 26.03.06). Применима ли уникальная методика для создания отдельного тома данной энциклопедии, посвященной островным немецким диалектам в России и в бывших советских республиках? Какие признаки необходимо дополнительно включить в схему описания? Эти и многие другие вопросы могут ставиться и в теоретической, и в практической плоскости.

Библиографический список

1. *Вейлерт, А.А.* Немецкая диалектология / А. А. Вейлерт. – М., 1980.
2. *Гухман, М.М.* Литературный язык / М. М. Гухман // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970.
3. *Гухман, М.М.* Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период (на материале германских языков) / М. М. Гухман // Энгельс и языкознание. – М., 1972.
4. *Гухман, М.М.* Введение / М. М. Гухман // Функциональная стратификация языка. – М., 1985.

5. *Домашнев, А.И.* Пути развития немецкой островной диалектологии в СССР: (к изучению немецких островных диалектов) / А. И. Домашнев // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1990. – Т.49. – № 3.
6. *Домашнев, А.И.* К исследованию языка российских немцев / А. И. Домашнев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1995. – Т. 54. – №1.
7. *Жирмунский, В.М.* Проблемы колониальной диалектологии / В. М. Жирмунский // Язык и литература. – Т. 3. – Л., 1929.
8. *Жирмунский, В.М.* О некоторых проблемах лингвистической географии / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1954. – № 4.
9. *Москалюк, Л.И.* Проблема сохранения идентичности российских немцев. www.sgu.ru/sguprojects/cultural/science/konf2006/docs/33.pdf
10. *Светозарова, Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М.Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» / Н. Д. Светозарова // Русская германистика. – Т. III. – М., 2006.
11. *Семенюк, Н.Н.* О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка / Н. Н. Семенюк // Функциональная стратификация языка. – М., 1985.
12. *Фролова, Н.А.* Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма: на материале говоров деревни Гебель Камышинского района Волгоградской области: дис. ... канд. филол. наук. / Н. А. Фролова. – Саратов, 1999.
13. Языки мира. Германские и кельтские языки. – М., 2000.
14. *Ярцева, В.Н.* Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях / В. Н. Ярцева // Энгельс и языкознание. – М., 1972.
15. *Berend, N.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie / N. Berend, H. Jedig. – Marburg, 1991.
16. *Bischoff, K.* Hochsprache und Mundart / K. Bischoff // Deutschunterricht. – 1956. – № 2.
17. *Eichhoff, J.* Sterben die Dialekte aus? / J. Eichhoff // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? – Mannheim, 2000.
18. *Frings, Th.* Die Stellung der Niederlande im Aufbau des Germanischen / Th. Frings. – Halle, 1944.
19. *Frings, Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache / Th. Frings. – Halle (Saale), 1957.
20. *Haldemann, S.S.* Pennsylvania Dutch: A Dialect of South German with an Infusion of English / S.S.Haldemann. – London, 1872. – P. 60.
21. *Horne A. R.* Pennsylvania German Manual / A.R. Horne. – Kutztown, 1875.
22. *Hutterer, C. J.* Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsprinzipien / C. J. Hutterer // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. 2. Halbbd. – Berlin; New York, 1982.

23. *Kluge, F.* Urgermanisch. Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte / F. Kluge. – Strassburg, 1913.
24. *Kuhn, W.* Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren. Ostdeutsche Forschungen 2, Plauen i. Vogt, 1934.
25. *Learned, M.D.* Pennsylvania German Dialect, Part I. / M. D. Learned. – Baltimore, 1889.
26. *Lins, J. C.* Common Sense Pennsylvania German Dictionary / J. C. Luns. – Kempton, 1887.
27. *Lumtzer, V.* Die Leibitzer Mundart / V. Lumtzer // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1894. – Heft 19.
28. *Macha, J.* Entwicklungen und Perspektiven in der Dialektologie des Deutschen: Einige Schlaglichter / J. Macha // Linguistik online 24, 3/05 (<http://www.linguistik-online.de/index.html>)
29. *Mattheier, K. J.* Methoden der Sprachinselforschung / K. J. Mattheier // Kontaktlinguistik /Contact linguistics/ Linguistique de contact. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. An international handbook of contemporary research. Manuel international des recherches contemporaines. 1. Halbbd. – Berlin; New York, 1996.
30. *O'Neil, W.* The Evolution of the Germanic Inflectional Systems / W. O'Neil // A Study in the Causes of Language Change. – 1978. – Orbis 27.
31. *Pinker, S.* Wörter und Regeln. Die Natur der Sprache / S. Pinker. – Heidelberg; Berlin, 2000.
32. *Rauch, E.H.* Pennsylvania Dutch Handbook / E. H. Rauch. – Mauch Chunk, 1879.
33. *Romaine, S.* Pidgins, Creoles, immigrant, and dying languages / S. Romaine // Investigating obsolescence. Studies in language contraction and death. – Cambridge, 1989.
34. *Rosenberg, P.* Der Berliner Dialekt - und seine Folgen für die Schüler / P. Rosenberg. – Tübingen, 1986.
35. *Rosenberg, P.* Vergleichende Sprachinselforschung: Sprachwandel in deutschen Sprachinseln in Russland und Brasilien / P. Rosenberg //Linguistik online 13, 1/03 (http://www.linguistik-online.de/13_01/rosenberg.html)
36. *Schirmunski, Viktor M.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten / V. Schirmunski // Germanisch-Romanische Monatsschrift 18, H. 3/4: 113-122; H. 5/6.
37. *Smits, C.* Disintegration of Inflection. The Case of Iowa Dutch / C. Smis. – Amsterdam. 1996.

38. *Wrede, F.* Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Mundartenforschung / F. Wrede // Zeitschrift für deutsche Mundarten. – Berlin, 1919. – Heft 1/2.
39. *Wiesinger, P.* Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-, Südost- und Osteuropa / P. Wiesinger // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. 2. – Halbbd; Berlin; New York, 1983.
40. *regionalsprache.de (REDE):* Forschungsplattform zu den modernen Regionalsprachen des Deutschen (<http://www.regionalsprache.de/>)

**К ВОПРОСУ
ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
ДИАЛЕКТНОЙ ИНТОНАЦИИ В ГЕРМАНИИ**

О. В. Байкова

*Киров, Вятский государственный
гуманитарный университет*

История исследования диалектной интонации в немецком языковом пространстве берет свое начало в первой половине XIX века. Важными импульсами для данного исследования явились три источника: работы по созданию немецкого языкового атласа, научные изыскания о бисекции немецкого языкового пространства с точки зрения мелодики и распространенное мнение о том, что интонация является одной из важнейших отличительных черт определения регионального происхождения говорящего [Peters 2006: 179].

В ходе работ по созданию немецкого языкового атласа (DSA) особое внимание было уделено отсутствию наглядного интонационного материала в предложении, что позднее явилось предпосылкой для создания интонационного атласа, который по аналогии с немецким языковым атласом мог представить необходимые данные относительно деления интонационных признаков по регионам [Rauh 1925]. Так появляются первые описания интонации сельских и городских диалектов, частично

пополняющие диалектные грамматики того времени. Некоторые из них позднее выделяются в качестве самостоятельных исследований. К ним следует отнести интонационные исследования Августа Гебгарда (August Gebhardt 1907, Nürnberg), Пауля Мейнена (Paul Meynen 1911, Homberg, heute Duisburg-Homberg), Ганса Л. Рау (Hans L. Rauh 1925, Frankfurt a. M.) и др. [ср.: Peters 2006: 181].

Рассуждения о бисекции немецкого языкового пространства с точки зрения мелодики исходят от ученых Отто Бремера и Эдуарда Сиверса. По мнению О. Бремера, три слога глагола «arbeiten» в простом повествовательном предложении содержат три тона – высокий, средний и низкий. В швабском, эльзасском и швейцарском диалектах наблюдается противоположное явление. В дальнейшем данное мнение получило свое развитие в трудах Сиверса, считавшего, что в немецком языке противопоставляются друг другу две основные системы мелодизации, согласно которым можно выделить северные и южные диалекты Германии; что касается средних регионов, то особых различий с точки зрения мелодики в них не наблюдается [Sievers 1912: 62f]. Тезис, выдвинутый Сиверсом, в последующие годы бурно обсуждался. Такие ученые, как Ганс Клингард (1923) и Отто Бехагель (1928), подвергали сомнению его высказывания по причине своих собственных исследований и курсорных наблюдений. Однако Отто фон Эссен (1940), исследуя речь жителей городов Брокштедт (севернее Гамбурга) и Дрездена, наоборот, подтвердил его. Следует отметить, что два научных исследования немецкой диалектной интонации, а именно диссертация Петера Мартенса (1952) по исследованию интонации жителей Гамбурга и Мюнхена, и исследования Ганса Шедлиха и Генриха Эраса (1969) интонации жителей бывшей ГДР, также имели своей целью пересмотреть тезис, выдвинутый Сиверсом [ср.: Atterer, Ladd 2004].

Третий источник повышенного интереса к изучению региональных вариантов интонации – это мнение о том, что интонация является одним из важнейших характерных признаков

определения происхождения говорящего. Данный тезис мы находим у Адольфа Зочина, утверждающего, что «по определенному тону в речи можно легко отличить рейнпфальца от баварца, если это действительно те звуки, которые можно обозначить одинаковыми буквами» [Socin 1886: 485].

Все эти мнения создали отправную точку для дальнейших научных исследований, целью которых было определение влияния просодии на распознавание речи [ср.: Gilles 2005, Peters 2006: 181].

Несмотря на повышенный интерес классической диалектологии к исследованию диалектной интонации, до настоящего времени еще нет достаточно полных исследований в данной области, что в свое время было подчеркнуто такими выдающимися учеными, как Виктором Максимовичем Жирмунским [Schirmunski 1962: 149] и Петером Визингером [Wiesinger 2000]. С середины 70-х до 90-х годов XX века практически не было предпринято никаких публикаций по исследованию диалектной интонации в Германии. В последние годы данная ситуация значительно улучшилась, благодаря влиянию автосегментной фонологии появляется ряд работ по исследованию диалектной интонации немецкого и других европейских языков [ср.: Peters 2006: 200 - 203].

Таким образом, цель представленной работы состоит в том, чтобы выявить причины неудач традиционного исследования диалектной интонации в Германии.

Следует отметить, что расцвет классической немецкой звукографии как самостоятельной науки начался в XX веке еще до возникновения современной фонологии. Причиной этому послужила связь классической звуковой географии с концептуальными основами, представленными в то время сравнительным исторически сформировавшимся изучением грамматики XIX века. Центральная роль в классической звукографии принадлежала исследованию «этимологических звуковых различий», этимологический метод которых состоял в сравнении реализаций звука или звуковой группы в исторически

родственных формах различных диалектов. В качестве примера приведем реализацию нвн. Bruder (mhd. bruoder). Немецкий языковой атлас (карта № 12) дает 128 различных реализаций корневого слога (br)ud- относительно территориального деления. Другие словоформы, корневой гласный которых совпадает с свн. -uo-, дают уже потенциально различное территориальное распределение вариантов. При наложении одной словарной карты на другую можно идентифицировать пучки изоглоссов, показывающих в реализации исторических звуков области значительных изменений.

Использование этимологического метода в сравнительно-сопоставительном исследовании интонации требовало наличие абстрактных опорных единиц, таких как звук, дающих возможность воспринимать различные направления движения основного тона в качестве реализаций данных единиц, а также наличие исторически исходных величин. То есть даже если бы и существовали абстрактные единицы как таковые, то налицо было отсутствие исторических интонационных форм, которые могли послужить в качестве основы для данного метода.

Сложность передачи методов традиционной звуковой географии в область интонации уже на ранних стадиях исследования привела к тенденции приравнивания интонационных контуров к единичным индивидуальным реализациям и описания лишь единичных вариантов реализаций без опоры на их общее языковое единство. Во многих случаях рассматривались лишь индивидуальные направления движения основного тона, которые впоследствии группировались по категориям, дававшим возможность образовать более или менее гомогенные группы. Интонационные значения или функции в данных исследованиях не подвергались тематизации или не были отнесены к фонетически описанным изменениям частоты основного тона.

Примером такого действия является учение Гебхарда о музыкальном тоне в предложении, представленное в научном труде «Грамматика Нюрнбергского говора» [Gebhardt 1907]. В своей

работе Гебхард воспроизводит индивидуальные движения высоты тона при помощи нотного письма и соотносит их с различными типами предложений (повествовательное, повелительное, вопросительное), а также категориями внутреннего состояния говорящего (удивление, гнев и др.).

Направление движения высоты тона в примерах Гебхарда различается относительно уровня высоты тона ударного слога, предударных слогов, а также относительно количества и длительности слогов, которые реализуются перед ударным слогом. Все направления указывают на инвариантные свойства, а именно, при переходе к ударному слогу высота тона в каждом случае падает. Идентификация таких инвариантных свойств ставит вопрос, какая связь существует между выбором направления высоты тона с вышеназванными инвариантными признаками и выбранными синтаксическими категориями и дает ли эта связь возможность выбора измеряемых категорий для последующей классификации направлений высоты тона.

Впервые сравнительно-сопоставительным анализом интонации начал заниматься немецкий ученый Вайблингер (1925). На основе кинематографических записей высказываний 22 информантов со всей территории Германии Вайблингер построил схемы направления частоты основного тона, которые впоследствии накладывались на соответствующие высказывания информантов [Waiblinger 1925: 44]. Следует отметить, что Вайблингер провел схематизацию отдельных направлений частоты основного тона. Согласно ему высота тона наиболее сильных ударных слогов выделялась при помощи черных точек, располагавшихся на шкале полутонов и связанных между собой пунктирными линиями, обобщающими колебания высоты тона в области неударных слогов. Однако представленные схематичные направления частоты основного тона не показывали инвариантные особенности различных направлений высоты тона в сопоставительных высказываниях. Они обозначались лишь как «типичные» для интонации определенного высказывания и не являлись абстрактными

контурами, представлявшими собой инвариантные признаки индивидуальных направлений высоты тона.

Акустический анализ Вайблингера показал, что недостаток субстантивных результатов исследования в диалектной интонации в классический период нельзя было отнести к несовершенным техническим средствам акустического анализа, так как уже сам Вайблингер в своем исследовании использовал подобные методы анализа. Вероятно, трудность заключалась в том, чтобы идентифицировать дистинктивные признаки отдельных направлений высоты тона и на этой основе определить, используют два диалекта одинаковые или различные средства интонационного оформления.

Положение сравнительно-сопоставительного исследования интонации значительно изменилось с развитием описательной модели Британской школы, с развитием американского структурализма и автосегментно-метрической фонологии [ср.: Peters 2006: 184]. Британская школа и американский структурализм ввели абстрактные понятия контура (tune, contour); контуры впоследствии были разложены на небольшие тональные единицы, выступавшие как дистинктивные тональные единицы. В свою очередь, автосегментно-метрическая фонология объединила в себе наиболее важные результаты исследования данных величин и на основе этого создала более продуктивную описательную основу, в которой могли быть представлены тональные системы как тональных, так и интонационных языков. Автосегментно-метрическая фонология стала в последние годы плодотворной основой для сравнительно-сопоставительного описания интонации региональных диалектов.

Таким образом, более чем сто лет существовали разногласия между интересами к изучению диалектной интонации и результатами соответствующих исследований. Основная причина данных разногласий состояла в том, что методы традиционной звуковой географии, способствовавшей развитию классической немецкой диалектологии, не могли быть перенесены на исследование диалектной интонации. Сравнительно-сопоставительное исследование интонации предполагало

наличие абстрактного понятия контура, дававшего возможность идентифицировать индивидуальные направления высоты тона как фонетических реализаций одного и того же интонационного контура. Сравнение интонационных контуров различных региональных диалектов предполагает, кроме того, наличие критериума фонологической эквивалентности, которая основывается на различающихся признаках данных контуров внутри соответствующей системы. Это ведет к тому, что сравнение интонации в различных диалектных вариантах предполагает полное исследование интонационных систем соответствующих диалектных вариантов, а именно, тех структурных позиций, в которых выступают необходимые для сопоставления тональные единицы.

Библиографический список

1. *Atterer, M.* On the phonetics and phonology of ‚segmental anchoring‘ of FO: evidence from German / M. Atterer, D. R. Ladd // *Journal of Phonetics*. – 2004. – №32. – S. 177-197.
2. *Gebhardt, A.* Grammatik der Nürnberger Mundart / A. Gebhardt // Leipzig: Breitkopf and Härtel, 1907.
3. *Gilles, P.* Regionale Prosodie im Deutschen. Variabilität in der Intonation von Abschluss und Weiterweisung / P. Gilles. - Berlin: de Gruyter, 2005.
4. *Peters, J.* Dialektintonation / L. Peters // *Dialekt im Wandel. Perspektiven einer neuen Dialektologie, Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. - Duisburg, 2006, - S. 179-203.
5. *Rauh, H. L.* Zur Rhythmik und Melodik der Frankfurter Mundart / H. L. Rauh // *Von deutscher Sprache und Art, Beiträge zur Geschichte der neueren deutschen Sprache*. - Frankfurt/M.: Moritz Diesterweg, 1925.
6. *Schirmunski, V.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / V. Schirmunski. - Berlin: Akademie-Verlag, 1962.
7. *Sievers, E.* Über Sprachmelodisches in der deutschen Dichtung / E. Sievers // *Ders.: Rhythmisch-melodische Studien*. - Heidelberg: Winter, 1912, - S. 56-77.
8. *Waiblinger, E.* Tonfall deutscher Mundarten / E. Waiblinger. – 1925. – *Vox* 11. – S. 43-44.

9. *Wiesinger, P. Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen / P. Wiesinger // Stellmacher, Dieter (Hg.): Dialektologie zwischen Tradition und Neunsätzen. - Stuttgart: Steiner, 2000. – S. 15-22.*

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ КЛАССИЧЕСКОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СИБИРСКИМ НЕМЦАМ

Г.М. Галмазова

Новосибирск, Институт филологии СО РАН

В настоящей статье сделана попытка раскрыть методическую значимость специфики грамматического строя немецкого языка. При этом мы исходили из того, что центральным компонентом формирования грамматического навыка является усвоение грамматических правилосообразных действий и их автоматизация. В речи правилосообразные грамматические действия выступают как действия осознанного конструирования, представляющие собой внутриречевые мыслительные акты, внутренние речения, рассуждения. В свете этого положения можно по праву считать, что большинство грамматических явлений (ГЯ) немецкого языка предполагает осуществление исключительно трудных грамматических действий, что конкретно выражается в следующем.

1. Овладение многими ГЯ обусловлено усвоением грамматических действий, в которых сочетаются уникальный и нормативный элементы, т.е. образование форм по правилам опирается на знание исходных форм, запоминаемых без опоры на правило. Так, например, нормативность оформления падежей существительных осложнена уникальностью рода имен существительных, т.к. в большинстве случаев в исходной форме слова род формально не выражен, его нельзя определить по правилу, а надо запоминать. Выбор окончаний прилагательных определяется четкими правилами, но прилагательные согласуются в роде,

числе и падеже с определяемым существительным, принадлежность которого к тому или иному родовому классу не поддается правилам. Склонение существительных во множественном числе осложнено отсутствием унифицированных правил образования множественного числа, а правилосообразные действия по употреблению временных глагольных форм осложнены припоминанием уникальных форм имперфекта и причастия II сильных глаголов.

2. Употребление почти каждого грамматического явления немецкого языка предполагает практически одновременное осуществление большого количества грамматических действий. Например, для образования падежной формы имени существительного необходимо установить род существительного, выбрать вид и форму артикля, определить тип склонения (если существительное мужского рода) и решить вопрос о необходимости окончаний. “Вариативность” окончаний немецких прилагательных, т.е. зависимость их от детерминатора, стоящего перед существительным: der kleine Junge --- ein kleiner Junge, – увеличивает количество грамматических действий, совершаемых при употреблении прилагательного, т.к. необходимы действия по соотнесению формы артикля (вернее, его флексии) при флексии местоимения и слабого или сильного окончания. Образование и употребление глагола в перфекте требует выполнения действий по выбору вспомогательного глагола, по соотнесению лица подлежащего со вспомогательным глаголом и выбору его нужной формы, по установлению принадлежности основного глагола к группе слабых или сильных и в зависимости от этого действий по образованию или припоминанию причастия II; далее совершаются действия по расположению компонентов перфектной формы глагола в предложении. Таким образом, только при употреблении перфекта какого-то одного глагола необходимо совершить от 13 до 18 грамматических действий (в зависимости от типа глагола и типа предложения).

3. Грамматические действия по морфологическому оформлению немецких ГЯ осложнены необходимостью действий по внутреннеречевому упреждению и удержанию, при котором последующее звено должно быть упреждено предваряющим импульсом, для того чтобы формировалось предшествующее. Рамочная конструкция немецких предложений, обратный порядок слов обуславливает необходимость действий по внутреннеречевому упреждению и удержанию почти в каждом предложении.

4. Употребление многих грамматических явлений связано с осуществлением грамматических действий без наличия конкретно-словесных опор для их выполнения. Например, образование 2л. ед.ч. презенс предполагает сначала установление принадлежности глагола к группе слабых или сильных, т.е. надо произвести абстрактные действия, действия без конкретно-словесной опоры. Или, например, образование перфекта связано с осуществлением действий по семантической категоризации глагола, где нужно оперировать отвлеченными понятиями, а не опираться на конкретно-словесные опоры: для выбора вспомогательного глагола надо установить семантику основного глагола, надо убедиться, не означает ли он “передвижение в пространстве” или “перемену состояния”. Сложные абстрактные действия нужно совершать при относительном употреблении глагольных временных форм: определить “предшествование” и “одновременность”, не опираясь на конкретные слова в предложении, а анализируя контекст. Анализ контекста необходим при выборе определенного или неопределенного артикля.

5. Трудность усвоения грамматических явлений немецкого языка усугубляется сильным влиянием внутриязыковой интерференции. Во-первых, это вытекает из объективной природы немецких ГЯ. Интерферируют между собой в рамках одного грамматического явления, например, немецкого презенса личные формы глагола (malen-male-malst-malt); интерферируют между собой и сами ГЯ (временные формы глагола), они

входят в более широкую, чем в первом случае, систему противопоставляемых. В силу сложной морфологии внутриязыковая интерференция препятствует автоматизации грамматических действий в рамках почти всех грамматических явлений. Прежде всего, многие явления немецкого языка трудны тем, что они предполагают выбор из оппозиционных пар. Сюда можно отнести инфинитив с “zu” и без “zu”, выбор вспомогательных глаголов, “haben” или “sein”, при образовании перфекта и плюсквамперфекта, прямой и инверсивный порядок слов в предложении, определенный и неопределенный артикль и т.д. Но еще чаще внутриязыковая интерференция возникает в силу многочисленности морфологических парадигм, где выбор проводится не из бинарно-оппозиционных единиц, а из трех-четырех и больше, например, в рамках парадигмы личных форм глагола, системы склонения существительных, местоимений и т.д. Действие внутриязыковой интерференции усиливается еще и тем, что приходится принимать последовательно несколько решений: сначала на уровне бинарной оппозиции (например, слабый или сильный глагол), а затем уже из большего числа единиц в парадигме.

Кроме того, сильное действие внутриязыковой интерференции в немецком языке объясняется частой встречаемостью нескольких групп ГЯ в одном синтаксическом целом. Например, в предложении “Gestern habe ich ein interessantes Buch im Lesesaal gelesen” встречаются такие трудные сами по себе ГЯ как перфект, падежные формы существительных, прилагательных, в результате возникает необходимость практически одновременного осуществления большого количества грамматических действий.

Такова специфика грамматики немецкого языка как предмета обучения. Из данной специфики можно сделать следующие выводы:

- 1) главная задача при преподавании грамматики немецкого языка заключается в выработке навыка практически одновременного осуществления большого количества трудных грамматических действий;

2) особое внимание при обучении грамматическому строю немецкого языка следует уделить изучению тех ГЯ, употребление которых связано с осуществлением грамматических действий, трудных большинству или по всем критериям трудностей.

Библиографический список

1. *Гурвич П. Б.* Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков / П. Б. Гурвич. – Владимир, 1980.
2. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество / Н. И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998.
3. *Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление / А. Н. Соколов. – СПб.: ЛКИ, 2007.

РУССКИЕ СТРУКТУРЫ В СИНТАКСИСЕ ОСТРОВНОГО СЕВЕРНОБАВАРСКОГО ГОВОРА АЛТАЯ

И. Г. Гамалей

*Барнаул, Барнаульский государственный
педагогический университет*

Немецкие диалекты, бытующие на российской территории вот уже три столетия, являют собой один из примеров того, как элементы языка окружения (русского) способны внедриться в язык иного этноса.

В ситуации языкового контакта находятся так называемые языковые острова – «точечно или ареально встречающиеся, относительно небольшие замкнутые языковые и поселенческие общности внутри относительно большей иноязычной области» [1]. Ясно, что при контактировании большему влиянию подвергается язык меньшинства.

Отдельные наблюдения по внедрению лексики русского языка в речевые произведения носителей островного немецкого диалекта базировались на материале севернобаварского говора села Ямбург Алтайского края, собранном в период с 1979 по 1985 гг., и нашли отражение в публикациях на эту тему [2]. Рассматривались морфологическая и фонетическая адаптация заимствованных лексем и их функционирование в предложении. Большую долю в этих заимствованиях составляют вводные слова и частицы, выражающие оттенки модального значения. Говор заимствует, однако, не только лексику языка окружения, проникновение русского языка можно наблюдать и на уровне синтаксиса словосочетания и предложения. Представим некоторые наблюдения над синтаксическими явлениями севернобаварского диалекта Алтая, обусловленные влиянием русского языка.

1. Заимствование структуры словосочетаний.

Заимствуются словосочетания со значением количественной приблизительности: «in **mai-juni monat** han ma heakuma»/Im Mai-Juni oder sind wir hergekommen (1);

«des is flaight **ures drei nochmitak** gwen»/Es ist gegen drei Uhr nachmittags gewesen (2);

«ich **bin olt gven juäres uädelfi zvälv**i»/ Ich war ungefähr elf oder dreizehn Jahre alt (3);

«dyi hot **stiger drai firi** suchedle gbrocht s juä»/Die hat drei bis vier Ferkel gebracht im Jahr (4);

В примере (1) заимствована структура словосочетания из русской разговорной речи «в мае-июне-месяце», передающая значение приблизительности в обозначении времени действия, с принятым в русской разговорной речи порядком следования составляющих его компонентов. В данной конструкции диалектное «**monat**» может заменяться русизмом «in juli **mesjaz**» с фонетической адаптацией и морфосинтаксической ассимиляцией, использованием русизма по правилам диалектного синтаксиса, без флексий [3].

Словосочетания в примерах (2), (3), (4) тоже передают значение приблизительности в обозначении времени («часа три») и количества («лет 11-12», «штуки три-четыре»). Флексии «-es» в словах «ures» и «juäres» и «-er» в слове «stiger» соответственно являются оформлением родительного падежа мужского рода и множественного числа. Как видим, в диалекте сохраняется род русских лексем «час» и «год». Существительное «stig»/«Stück» оформлено суффиксом множественного числа «stiger» подобно русскому в словосочетании «штуки три-четыре». В словосочетании **ruvel_e drai** «рубля три» лексема «ruvel» приобретает дополнительную несвойственную ей во множественном числе флексию. Иначе дело обстоит, если диалектоноситель называет определенное количество чего-либо. В этом случае словосочетание оформляется по правилам немецкого синтаксиса: *dea* «hot glai **drei stig** gsetzt» / *Der hat jetzt drei Stück gepflanzt* (5).

С обозначением количества связана и такая усвоенная диалектом структура: «un mia hom **kua kobidl gäld**» / *Und wir haben keine Kopeke* (7). Структура **kua kobidl gäld** является семантически освоенной и не относится к разряду «окказионализмов» [4], поскольку эта заимствованная модель может иметь и иное лексическое наполнение: «dyi hot avl kuä **minudl tsaid**» / «*Die hat immer keine Minute frei*» (8). Заимствованные из русской разговорной речи словосочетания «ни копейки денег», «ни минутки времени» перенесены в диалект с адаптацией к его системе в словах *gäld* и *tsaid*, употребленных в аналитической форме.

2. Редупликация.

Характерная для русской разговорной речи редупликация для выражения оттенков вида глаголов может, как известно, выражать продолжительность в пределе несовершенного вида: «ходишь-ходишь», «стучала-стучала»; редуплицированные формы глаголов совершенного вида выступают в сочетании с другим глаголом того же вида – «поплакали-поплакали и утешились» – и получают подвидовой оттенок продолжительности [5].

Такие редупликации активно используются в речи носителей говора, причем для передачи более длительного многократного действия используется повтор с союзом *und*: «*ich ho **gschriem un gschriem / gschriem un gschriem un kumd kuä otwet nied***» / «Ich habe geschrieben und geschrieben, geschrieben und geschrieben und es kam keine Antwort» (9).

Используемый в русском языке повтор глаголов совершенного вида в сочетании с другим глаголом означает скорее непродолжительность действия и тоже встречается в говоре: «*iz-e **gschtona-gschtona un iz fuärt***» / «Hat er eine Zeitlang gewartet und ist fort» (10).

Если первый вид повтора (9), со значением длительного действия, еще может иметь место в немецком языке, то второй (10), соответствующий русскому «постоял-постоял» в значении «подождал», носит явный заимствованный характер.

Такой вид повтора-редупликации характерен как для глаголов, так и для других частей речи: местоимений, прилагательных и наречий. Он используется с целью усиления или выделения повторяемого члена. В примере (11) повтор глагола обозначает продолжительность действия, как редуплицированные русские глаголы несовершенного вида:

hockt hockt und ritteld-zi nied ‘Hockt-hockt und rüttelt sich nicht’(11);

hot gleant myches myches ‘Der hat aber auch manches gelernt’(12);

schwoch schwoch gwoan ‘Schwach-schwach geworden’(13);

des hot gebraucht lang lang ‘ Das hat eine sehr lange Zeit gebraucht’(14);

fso-fso ‘Aber auch alles’(15).

und si is noch jung jung gwen ‘Und sie ist noch sehr jung gewesen’(16).

Нижеприведенный вид повтора-подхвата антиципированного глагола – типично русская конструкция. В немецком языке такой подхват осуществляется не с помощью повтора того же глагола, а

десемантизированным глаголом *tun*: «**singa singa** ma nied / kina a ni-ma **singa**» – «Singen tun wir nicht / können auch nicht mehr singen» (17).

3. Стяжение рамки, обусловленное влиянием русского языка.

Нарушения рамочной конструкции типичны для разговорного синтаксиса. Это связано, прежде всего, с тем, что в устной речи информация подаётся порциями, по принципу ассоциативного присоединения [6]. Кроме того, это явление объясняется сокращением в разговорной речи громоздких конструкций до минимума. Однако в исследуемом нами диалекте наблюдаются также и такие нарушения рамочной конструкции (как правило, стяжения), которые можно объяснить только внедрением в структуру предложения иноязычных элементов.

Вернемся к примеру (3), здесь мы имеем дело со стяжением глагольно-сказуемой рамки **bin gven** и дистаксией именной части составного именного сказуемого. Одна его часть **old** заключена в рамку, а другая занимает зарамочные позиции. Словопорядок предложения претерпевает изменения в связи с внедрением в него иноязычного сочетания. Полное стяжение рамки наблюдаем в следующем примере: «**e plueme dyi mus san mid-e vurts**» / «Eine Blume, die muss eine Wurzel haben» (18). В данном случае полностью калькируется русская структура «цветок должен быть с корнем».

4. Изменения структуры предложения, вызванные заимствованием модальных частиц.

Изменения в структуре предложения часто вызваны импортом русских модальных частиц. Это связано, по всей видимости, с тем, что заимствуются не только модификаторы как таковые, но и перенимаются, возможности их «вплетения» в предложение, которые в русском языке (где порядок слов диктуется в первую очередь актуально-информативной структурой предложения) значительно шире, чем в немецком.

Рассмотрим следующий пример: «**a dashe e juä fu palotschki** hom-a guärvet» / Sogar für Arbeitseinheiten haben wir ein Jahr gearbeitet (19). Носитель языка, являясь билингвом и владеющий русским и диалектом практически в равной степени, прибегает к своеобразной контаминации средств выделения информативно важного. Диалектная частица **suguä / sogar**, в отличие от русского интенсификатора «даже», может акцентировать только один член предложения, стоящий перед финитумом. В данном случае этим членом является предложное дополнение **fu palotschki / für Arbeitseinheiten**. Замена же диалектного **suguä/sogar** на русское «даже», позволяет говорящему вынести и информативно важное обстоятельство времени **e juä** в акцентуруемую позицию.

Природа синтаксических явлений сама по себе очень сложна и многопланова, а синтаксис говора к тому же представляет собой некий конгломерат, получившийся в результате смешения говоров переселенцев из разных местностей Германии и влияния иноязычного окружения. Рассмотренные в данной статье примеры внедрения языка окружения в говор носят стихийный спорадический характер и сосуществуют с имеющимися в говоре структурами.

Библиографический список

1. *Wiesinger P.* Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-Südost und Osteuropa / P. Wiesinger // *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Zweiter Halbband.* – Berlin, 1983. – S. 900-930.
2. *Гамалей И. Г.* О субъективной модальности в севернобаварском диалекте Алтая и способах ее реализации / И.Г. Гамалей // *Немцы Сибири: история и современность: материалы V международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов.* – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – с. 223-225.
3. *Berend, N.* Sprachliche Anpassung: eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen / N. Berend. – Narr. Tübingen, 1988 – 253 S.
4. *Kirschner, W. Th.* Der stabile Charakter des Lehnprozesses / W. Th. Kirschner // *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR-UdSSR.* – Zwickau, 1987, – S. 86 – 91.
5. *Реформатский, А. А.* Введение в языкознание / А. А. Реформатский – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 1998. – с. 287.

6. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь / Е. А. Земская – М.: Изд-во «Наука», 1973. – с. 380.

HUGO JEDIG UND DIE OMSKER ARBEITSSTELLE FÜR MUNDARTFORSCHUNG

*Viktor Heinz,
Göttingen*

Als ältester Schüler von Hugo Jedig komme ich gern der Bitte nach, für die Vorbereitung einer Jedig-Gedenkveranstaltung etwas über meinen alten Lehrer zu veröffentlichen.

I

*Aus Robert Korn's Buch „Unbekannte im Westen. Porträts der Landsleute“,
Omsk „RUSINKO“, 2004*

Lebensstationen

Hugo Jedig wurde am 8. September 1920 in dem deutschen Dörfchen Nesteiejewka unweit der Bahnstation Losowaja (Ukraine) als Bauernsohn geboren. Da 1937 in der Ukraine alle deutschen Schulen ukrainisiert wurden, konnte man die Ausbildung in deutscher Sprache nur noch in der ASSR der Wolgadeutschen fortsetzen. Und so hatte Jedig eine Ausbildung am Deutschen pädagogische Technikum in Marxstadt (heute Marx) aufgenommen, die er bereits 1939 absolvierte. Schon während seiner Ausbildungszeit arbeitete er gleichzeitig als Lehrer, um seinen Unterhalt bestreiten zu können, und wurde 1939 als Mitarbeiter an die Redaktion der Zentralzeitung der ASSR der Wolgadeutschen *Nachrichten* berufen. 1941 nach Sibirien deportiert, kam er ins Arbeitslager im nördlichen Ural, wo er unter schwersten Bedingungen in den Urwäldern Sibiriens schuften musste. Im Jahre 1947 bekam Jedig im Zuge der „Familienzusammenführung“ die Erlaubnis, zu seiner Mutter nach Tomsk

umzusiedeln, die 1945 infolge der „Repatriierung“ aus Deutschland in die Umgebung dieser westsibirischen Stadt gebracht und unter Kommandanturaufsicht in einer Forstwirtschaft angesiedelt worden war.

Unter großen Schwierigkeiten gelang es dem von den Sowjets Geächteten die pädagogische Hochschule Tomsk zu absolvieren. Auf Anregung des prominenten wolgadeutschen Wissenschaftlers, Prof. Dr. Andreas Dulson, der während des Krieges ebenfalls nach Tomsk deportiert worden war, begann Jedig, sich wissenschaftlich zu betätigen. Er wurde Dulsons Aspirant und promovierte 1962 zum Kandidaten der philologischen Wissenschaften (entspricht dem deutschen Doktorgrad). 1972 fand dann am Institut für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der UdSSR seine erfolgreiche Habilitation statt.

1965 wurde Jedig an die pädagogische Hochschule Omsk berufen, wo er bis zu seiner Aussiedlung tätig war.

Wozu Dialektologie?

Die Russlanddeutschen sind Träger verschiedener ober- und niederdeutscher Mundarten. Die Untersuchung der Phonetik, Morphologie, Syntax sowie die der lexikalischen und stilistischen Besonderheiten dieser Mundarten war und ist für die Sprachwissenschaft von großem Interesse, da sich unsere Mundarten unter den Verhältnissen der Dialektmischung, der Absonderung von der deutschen Literatursprache und in fremdsprachiger Umgebung entwickelt haben. Solche Sprachinseln sind ein eigenartiges linguistisches Labor, in dem man eine ganze Reihe von linguistischen Erscheinungen verfolgen und theoretisch erfassen kann, die nicht nur für die deutsche Dialektologie, sondern auch für die allgemeine Sprachwissenschaft von großem Interesse sind.

Darüber hinaus besteht eine enge Wechselbeziehung zwischen der Dialektologie und Geschichte, weil bei einer seriösen Mundartforschung sprachliche Tatsachen auf geschichtliche Ereignisse bezogen werden. Die Geschichte schöpft aus der Dialektologie, da die Mundartkunde Tatsachen von ehemaligen territorialen Bündnissen, von kulturellen Kontakten der Nachbarvölker usw. liefert. Des

Öfteren sind die sprachlichen Tatsachen die einzige Quelle für die Geschichte, denn manchmal bleibt von einem Volk nichts außer einigen Wörtern übrig, aber bei aufmerksamer Untersuchung auch dieses bescheidenen Wortgutes kann man die Lebensweise dieses Volkes, seine Kultur, ja, das Klima, in dem es lebte, bestimmen.

Andererseits ist es unmöglich, eine geschichtliche Dialektologie aufzubauen, ohne die Geschichte des jeweiligen Volkes und Staates in Betracht zu ziehen. Die Untersuchung und Berücksichtigung historischer Stammesgrenzen sowie der Beziehungen zwischen verschiedenen gesellschaftlichen Gruppen, Ständen und Klassen - all diese Aufgaben sind für den Dialektologen äußerst wichtig.

Der Sprachwissenschaftler Jedig stellte sich diesen Aufgaben. Er sammelte unermüdlich sprachliches Material, bestimmte russlanddeutsche Dialektgruppen und erklärte den zahlreichen Skeptikern und Widersachern geduldig, warum es nötig sei, das festzuhalten, was in die Literatursprache nicht eingegangen ist und wovon sich zuweilen die Mundartträger selbst lossagen.

„Tut man das nicht“, mahnte Jedig immer wieder, „so geht für die Wissenschaft und die künftigen Generationen das verloren, was zu einem Teil der Geschichte unseres Volkes und seiner geistigen und materiellen Kultur werden kann. Die noch lebendigen Mundarten werden für die kommenden Generationen das sein, was für uns heute die alten Volkstrachten, Hausutensilien, alte Manuskripte und andere Denkmäler der Vergangenheit sind“.

Im Dienste der Wissenschaft

Professor Hugo Jedig hat auf dem Gebiet unserer Mundartkunde hohes Ansehen erlangt. Mit seinen Untersuchungen der niederdeutschen Mundart machte er sich auch in Deutschland einen Namen. Bemerkenswert ist, dass er seine Kandidatendissertation in Deutsch verfasst hat. Ein für damalige Verhältnisse, es ist 1961 geschehen, unerhörter Zwischenfall. Die einschlägige offizielle Bestimmung lautete zwar, die Dissertationen dürften in Sprachen der

Völker der Sowjetunion verfasst werden. Aber in Deutsch! Herrgott, das ist doch etwas ganz anderes! Doch Jedig fand dazu die Zivilcourage: Nachdem er seine in Deutsch verfasste Dissertation zur Promotion vorgelegt hatte, fragte er nämlich im Obersten Sowjet der UdSSR an, ob die Russlanddeutschen ebenfalls ein „Volk der Sowjetunion“ seien. Von Moskau kam natürlich keine Antwort, aber seine Dissertation wurde zur Promotion angenommen...

Viel Mühe verwendete Jedig darauf, die Genehmigung eines wissenschaftlichen Sammelbandes für die Omsker Dialektologen durchzusetzen, die sich um ihn geschart hatten.

* * *

Als ich im Spätsommer des Jahres 1991 nach Deutschland gekommen war, erreichte mich die traurige Kunde, Hugo Jedig sei ans Krankenbett gefesselt. Prompt beschloss ich, ihn zu besuchen, obwohl es für mich zu diesem Zeitpunkt aus verschiedenen Gründen äußerst problematisch war.

Er hatte Lungenkrebs, und er wusste das. Aber er ließ es sich nicht anmerken und jammerte nicht. Wir verstanden beide: Es war der Abschied. Doch er fragte mich lebhaft über die bekannten Landsleute im Gebiet Omsk und in Kasachstan aus und stellte schließlich fest, es sei wohl allen Einstiegsschwierigkeiten zum Trotz doch die beste Lösung, dass die ausreisewilligen Russlanddeutschen nun in ihre historische Heimat kommen dürfen. An seine Landsleute dachte er bis zum letzten Atemzug.

II

Viktor Heinz: „Ich habe seinen Namen kennen gelernt, bevor ich ihn gesehen habe.“

Auszüge aus dem Roman von Viktor Heinz „In der Sackgasse“ 1996, herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, Stuttgart.

Als Willi dann wieder an der Fakultät für Fremdsprachen auftaucht, um noch einige Sachen zu erledigen, die mit dem letzten Examen verbunden sind, wird er am Telefon verlangt. Baba Tasja,

die mitleidsvolle Pförtnerin, legt ihm den Hörer in die Hand und flüstert vertraulich: Passen Sie auf! Die Gespräche werden abgehört.

Am anderen Ende der Leitung meldet sich eine Stimme, die ihm vollkommen unbekannt vorkommt. Der Mann im Hörer ist die Höflichkeit in Person: Ich bitte um Entschuldigung! Sie kennen mich nicht. Aber ich möchte mich gern mal mit Ihnen unterhalten. Könnten wir uns irgendwo treffen?

Klare Sache, warum denn nicht? Bitte schön, erklärt Willi. Er habe hier noch eine Weile zu tun. Der Herr könne ja mal vorbeischaun, wenn es brennt... Der Unbekannte lehnt jedoch ab. Es gehe um diskrete Angelegenheiten. Er wolle kein Aufsehen erregen. Zuhörer seien unerwünscht. Ob er, Willi, sich nicht in den Stadtpark, sagen wir mal, zum Mahnmal der gefallenen Kriegsteilnehmer bemühen wolle.

Nun geht Willi ein Seifensieder auf. Wer tut sonst noch so geheimnisvoll? Wer scheut sonst noch das Licht und verkriecht sich in dunklen Ecken?

Und trotzdem platzt er mit einer blöden Frage heraus: Wer sind Sie eigentlich? Vielleicht wollen Sie mich einfach auf den Arm nehmen.

Ach nein doch, nein! Das wolle er um Gottes willen nicht. Mit gedämpfter Stimme fügt er hinzu, er sei ein Mitarbeiter der Organe und müsse unbedingt mit ihm reden. Es gehe um wichtige Sachen.

Schon gut, in einer Stunde bin ich dort. Woran soll ich Sie aber erkennen? Die Antwort kommt aus dem Hörer prompt: Keine Sorgen! Ich kenne Sie...

Na sicherlich. Stellst du Fragen, Mensch! Versteht sich doch von selbst. Willi legt den Hörer auf. Baba Tasja sieht ihn besorgt an: Seien Sie aber vorsichtig! Man hat allerlei Menschen...

Als sich Willi dem Mahnmal nähert, kommt ein untersetzter Mann auf ihn zu: glatte volle Wangen, schwarzes glänzendes Haar, kleine blitzende Äuglein in dem runden gepflegten Gesicht. Das muss er wohl sein. Na klar doch, das ist ja wieder die allgegenwärtige Gestalt, die ihm schon mehrmals aufgefallen ist. Ist doch überall schon wie ein

bunter Hund bekannt, tut aber immer noch geheimnisvoll und will sein Versteckspiel nicht aufgeben. Mit übertrieben höflichem Gruß und leichter Verbeugung reicht er Willi beide Hände, die sich wie weiche Katzenpfoten anfühlen.

Kasanski, mein Name. Lassen Sie uns bitte ins Hotel gehen.

Im Hotel „Majak“ angekommen, gehen sie durch einen langen Korridor. Ganz am Ende schließt Kasanski eine Tür auf. Sie treten in ein kleines Zimmer: ein niedriger Tisch, zwei Polsterstühle, ein verhängtes Fenster, Stille. Für vertraute Gespräche wie geschaffen.

Der Heimlichtuer beginnt mit gedämpfter Stimme zu reden: Ich nehme an, dass Sie von der Arbeit unserer Organe, das heißt von der Tätigkeit der Tschekisten, eine gewisse Vorstellung haben, und möchte gleich zur Sache übergehen...

Selbstverständlich! Sicherlich! Willi hat zwar für diese Behörden wenig Interesse an den Tag gelegt, aber ein Verslein kann er sich darauf schon machen.

Zum Schluss nimmt ihm Kasanski noch das Versprechen ab, dass er sich zumindest zweimal monatlich bei ihm einstellt. Jetzt aber schneller weg von hier, denkt Willi. Er steht schon auf und wendet sich zum Gehen, aber Kasanski hat noch eine Frage: Wie geht's Ihrem neuen Lehrstuhlleiter? Wie heißt er doch gleich? Gugo...

Wieso Lehrstuhlleiter, wundert sich Willi. Da hat der Besserwisser doch eine vage Vorstellung von den Lehrkräften an der Fakultät. Und will noch ein so genannter „Kurator“ sein.

Den Hugo meinen Sie? Aber der hat doch gekündigt. Kasanski macht ein langes Gesicht. Und Willi fügt hinzu: Ich habe ihn heute gerade am Flughafen verabschiedet.

Das versteinerte Gesicht gibt wieder ein Lebenszeichen von sich: Ach so! Sie meinen Gugo Germann? Das wissen wir. Ich meine einen anderen Gugo. Wie ist doch gleich sein Nachname? Er holt sein Notizbuch aus der Tasche. Wer jetzt

staunen muss, ist Willi. Das gibt's doch nicht! Welchen Hugo meint er denn noch um Gottes willen?

Ich meine Gugo Gugowitsch Jedig. Er ist aus Tomsk gekommen. Doktor der Wissenschaften. Was will er eigentlich hier? Haben Sie eine Ahnung?

Hu-go... Hugowitsch? Willi kommt nicht mehr aus dem Staunen heraus. Zum Mäusemelken! Auch noch doppelt gemoppelt! Und plötzlich erinnert er sich: Es soll wirklich einer aus Tomsk gekommen sein. So was hat sich rumgesprochen. Ein Doktor der Philologie. Aber der hat nicht den Lehrstuhl für deutsche Sprache, sondern den für Fremdsprachen inne. Und dieser Lehrstuhl ist in einem anderen Gebäude untergebracht. Willi hat den Neuen noch gar nicht gesehen und wusste auch bisher nicht, wie sein Name ist. Jetzt stellt sich heraus, dass er ebenso wie sein Freund heißt und auch noch mit dem Anhängsel „Hugowitsch“ angedet wird.

Als Willi diesen Sachverhalt dem Heimlichtuer auseinandeklamüsert hat, macht dieser ein Gesicht wie die Katze, wenn es donnert. Offenbar fällt es ihm schwer, einzusehen, dass er einen Bock geschossen hat.

Eilig verlässt Willi das Hotelzimmer. Draußen überkommt ihn das erleichternde Gefühl, nach langer Haft wieder auf freien Fuß zu sein.

Professor Hugo Jedig, den diese *gewissen Organe* in Omsk eher kennengelernt hatten als alle Lehrer und Studenten, weil ihm offensichtlich sein umfangreiches Dossier vorausgeilt war, gehörte zu den Zähnen und Hartgesottenen, die sich nicht so leicht ins Bockshorn jagen lassen. Seine straffe Körperhaltung und der offene Blick aus den durchsichtigen graublauen Augen flößten den Mitmenschen Respekt und Zuneigung ein. Professor Jedig hatte sich vorgenommen, in Sibirien das durchzusetzen, was durch den Krieg und die Repressalien im europäischen Teil des Landes für lange Jahre gewaltsam unterbrochen wurde - die Erforschung der Mundarten in den übriggebliebenen geschlossenen russlanddeutschen Siedlungen. Er schwärmte von einer Aspirantur für Mundartforschung und Sprachwissenschaft an der Hochschule. Er wollte nach den vielen Schweigejahren die Forschungen der Professoren Viktor Schirmunski,

Alfred Ström und Georg Dinges fortsetzen. Sein wissenschaftlicher Betreuer, Professor Andreas Dulson, der vor dem Krieg auf dem Gebiet der russlanddeutschen Mundartforschung gleichfalls eine Menge geleistet hatte, war in seinem Verbannungsort Tomsk gezwungen, die Erforschung der deutschen Mundarten aufzugeben und auf die Sprache der Keten umzusteigen.

Was sich Professor Jedig aufgebürdet hatte, war auch in den sechziger und siebziger Jahren noch mit einem gewissen Risiko verbunden. Wie konnte die Akademie der Wissenschaften zulassen, dass in Russland Dissertationen über deutsche Mundarten öffentlich verteidigt werden, wo es doch in der ganzen Union keine Deutschen geben durfte? Und wenn solch einer auch mal irgendwo auftauchen sollte, so könne er, hieß es, nur ein ehemaliger Kriegsgefangener sein, der die *sozialistische Lebensweise* dem *kapitalistischen Ausbeutungssystem* vorgezogen hat.

Professor Jedig hatte Willi immer wieder eingeschärft: Du musst den ersten Schritt tun. Wenn es klappt, können wir weiterkommen.

Und dann klappte es und sie konnten ein Wegstück weiterkommen. Aber nicht gleich hatte es geklappt. Die bescheidenen Erfolge kamen erst viel später. Nach vielen Hindernissen, die ihnen in den Weg gelegt wurden, nach allerlei Hickhack und bitteren Enttäuschungen.

Professor Jedig regte nicht nur die Lehrer, sondern auch einige Studenten zur Forschungsarbeit an. Dialektologische Expeditionen, Studienreisen in die Dörfer des Omsker Gebiets waren hier schon gang und gäbe. In der Urlaubszeit und an sonstigen Ruhetagen ging es, mit schweren Tonbandgeräten ausgerüstet (leichte Kassettenrecorder waren damals für den sozialistischen Osten noch unerreichbar!), bei Frost und Hitze, per Anhalter und auf Schusters Rappen von Dorf zu Dorf. Wer die sibirische und nordkasachstanische Steppe im Winter kennt, der weiß, was das auf sich hat.

... Im Café *Lotos* fällt Willi beim Kaffeetrinken ein, dass Professor Jedig gestern abend ein Treffen mit einem Kollegen aus der

Bundesrepublik Deutschland hatte, und er nimmt sich vor, ihn unbedingt aufzusuchen. Er ist sehr gespannt, wie diese ungewöhnliche Unterredung abgelaufen ist. Wo gibt es denn so was! Ein Russlanddeutscher trifft mit einem Bürger der Bundesrepublik zusammen, und beide sind Professoren und Dr. phil. Wie konnte es überhaupt dazu kommen? Wo doch jeder Ausländer, insbesondere ein Bundesbürger, von vornherein als gefährlicher Agent eines Geheimdienstes abgestempelt wird, den man in die Sowjetunion einschleust, dass er hier rege Wühlarbeit entfaltet.

Der westdeutsche Professor - aus Hamburg oder aus Bremen - soll ein guter Kenner der niederdeutschen Mundarten sein. Er ist auf Hugo Jedigs Schriften aufmerksam geworden, in denen dieser die plattdeutschen Dialekte der Mennoniten in Russland beschreibt, die sich in vielen Dingen von allen in Deutschland bekannten plattdeutschen Mundarten unterscheiden und vermutlich friesisch-holländischen Ursprungs sind.

Der Sprachwissenschaftler aus Hamburg war unterwegs nach Nowosibirsk, wo sich die sibirische Zweigstelle der Akademie der Wissenschaften der UdSSR befindet, und wollte sich die Gelegenheit nicht entgehen lassen, in Omsk abzustiegen, um mit dem hiesigen Professor über dies und das zu sprechen. Der gute Mann hatte sich die Sache sicherlich einfacher vorgestellt. Er konnte ja nicht wissen, dass der hiesige Geheimdienst auf Kontakte zu Ausländern in höchstem Maße allergisch reagiert.

Professor Jedig wurde von Anfang an ausdrücklich mitgeteilt, dass er sich den Gedanken, er könne den fragwürdigen Gast irgendwohin in die Stadt oder gar zu sich nach Hause führen, aus dem Kopf schlagen sollte. Eine kurzfristige Unterhaltung sei nur im Flughafenrestaurant gestattet.

Professor Jedig ist allein zu Hause. Er scheint geradezu auf jemanden gewartet zu haben, dem er seine Eindrücke über dieses Treffen erzählen kann. Aber er braut vorerst einen dicken Kaffee. Daraus kann Willi schließen, dass der Professor etwas zu erzählen hat, was sich des Besuches lohnt. Er kennt ihn schon in- und auswendig. Wenn es sich um belanglose Dinge handelt, ist Jedig

gewöhnlich ziemlich zugeknöpft und griesgrämig und lässt sich jedes Wort abzwängen. Geht es jedoch um ein Thema, das ihm am Herzen liegt, so entwickelt er eine Fabulierkunst, dass es ein wahres Vergnügen ist, ihm zuzuhören. Und dabei peitscht er sich ständig mit Kaffee auf. Kaffee und immer wieder Kaffee. Eine ganze Menge.

Komm, wir gehen lieber ins Wohnzimmer, sagt er. Meine Küche wird abgehört, dessen bin ich mir sicher. Dort ist natürlich schon allerlei Quatsch zusammengeredet worden. Und ganz verschiedene Leute haben da gegessen. Aber immerhin. Die werden sich auch diesmal nichts entgehen lassen wollen.

Willi staunt nicht wenig. Was soll das? Die eigene Küche soll ihm abgehört werden? Nicht zu fassen!

Ja, ja, so ist's nun mal. In der eigenen Wohnung muss man umherschleichen wie ein wildes Tier. Er mache sich natürlich nicht viel daraus, aber warum soll man ihnen alles auf die Nase binden?

Sie machen es sich an seinem massiven altmodischen Schreibtisch bequem. Jedig schlürft den Kaffee in behaglichen Zügen aus der Tasse und schweigt eine Weile. Offenbar legt er sich den Plan seiner Darstellung zurecht.

Die Maschine landet also, beginnt er endlich, und er kommt die Treppe runter. Hab ihn gleich von weitem erkannt, obwohl ich ihn vorher nie gesehen hatte: ein graumeliertes Bärtchen, ein leichter heller Mantel - wie Jesus Christus, als er nach der Auferstehung vor seinen Jüngern erschien. In der Wartehalle stehen noch einige Männer rum. Aufgeregt sind sie und reden im Flüsterton. Aber ich höre trotzdem den Namen des Professors fallen. Und ich verstehe: das sind keine Jünger Jesu. Lauter Judasse sind's. Dann kommt er durch die Tür, hebt kaum merkbar die Hand, als ob er sagen wollte: "Friede sei mit euch!" Und - husch! - sind die Männer weg. Wie die Küchenschaben, wenn man das Licht einschaltet. Ich trete vor und reiche ihm die Hand. - Ach so! sagt er etwas verwirrt. Herr Jedig? Freut mich sehr, Sie persönlich kennenzulernen. Da haben mich gleich auf einmal so viele Männer neugierig angeglotzt. Ich hab schon gedacht, ich hätte in der

Maschine etwas zu viel Whisky konsumiert und sähe jetzt alles doppelt und vierfach.

Ich - gleich hin mit ihm ins Restaurant, wir hatten ja ganz wenig Zeit. Da steht schon eine Kellnerin am Eingang. So ein freundliches Frätzchen - ich schwöre, solch ein strahlendes Gesicht hab ich mein Leben lang noch nicht gesehen. Sie führt uns zu einem Tisch und scharwenzelt um den Gast herum, als sei sie bereit, ihm gleich in den Hintern zu kriechen. Von beiden Seiten sind die Tische dicht an uns herangerückt. Von der rechten Seite hat sich jemand hinter einer *Prawda* verschanzt und beobachtet uns durch ein Löchlein darin. Links sitzt einer mit einer dunklen Brille. Er blättert in der Speisekarte rum und zieht eine Miene, als ob ihm alles scheißegal wäre, was neben ihm vorgeht. Ach, denke ich, ihr könnt mich doch alle mal...! Ich nehme also die Speisekarte und bestelle was zu essen. Whisky haben wir hier keinen, sage ich. Was möchten Sie trinken? Dann trinken wir eben russischen Wodka, meint der Professor. Die Kellnerin macht so was Ähnliches wie einen Kratzfuß, schaukelt zur Theke und bringt uns den Schnaps und etwas später auch das Schnitzel. Das reinste Leder war's.

Ihre jüngste Schrift hat mich sehr beeindruckt, sagt mein Gast. Es war für mich wie eine Offenbarung. Ich würde von Ihnen gern Näheres über diese Mundartträger hören. Wo sie zurzeit alle siedeln und wie man an sie herankommen könnte.

Na, und da erzähle ich ihm von den deutschen Dörfern im Altai, im Gebiet Orenburg, im Gebiet Omsk, Nowosibirsk und Krasnojarsk, in Kirgisien und so weiter und so fort. Ich erzähle ihm auch von den Hessen, den Schwaben, den Bayern, die überall hier verstreut sind. Und mit einemmal sehe ich, am Nachbartisch wächst hinter der *Prawda* ein Ohr hervor. Immer größer und größer wird's. Dann legt es sich wie ein Kohlblatt auf meine rechte Schulter. Gleich darauf spüre ich auch auf der linken Schulter einen leichten Druck. Ich dreh mich um und seh ein zweites Ohr. Zu einem Trichter hat es sich zusammengerollt und ist mit dem weiten Ende gegen meinen Mund gerichtet.

So geht das nicht weiter, denke ich, die Kerle werden mir zu frech. Hier muss was unternommen werden. Und schon hab ich einen Einfall.

Wälle wi nich plautdütsch rede? frage ich den Professor. Der Mann sieht mich erst verständnislos an. Er weiß ja nicht, was los ist. Dann sagt er: Warum ok nich? Und wir haben angefangen, auf Plattdeutsch zu palavern. Auf einen Schlag hat sich alles geändert. Die Ohren strengen sich noch mal an. Machen noch mal einen verzweifelten Versuch, aus unserem ingweonischen Kauderwelsch etwas herauszukriegen. Dann zucken sie nervös wie Fische an der Angelschnur und ziehen sich enttäuscht zurück - eins hinter die *Prawda*, das andere hinter die große dunkle Brille. Die Männer hocken noch eine Weile untätig rum und trollen sich dann...

Ob sich in Wirklichkeit auch alles so abgespielt hat, wie Professor Jedig es schildert, bleibt für Willi dahingestellt. Er weiß nur, dass dieser immer bemüht ist, seinen Mitteilungen künstlerische Ausdruckskraft zu verleihen. Aber bei der Wahrheit bleibt er trotzdem. Er hat nur die Gewohnheit, alles mächtig zu übertreiben. Und wenn er mal so richtig in Fahrt kommt, dann blitzt ihm der Spott in den Augen auf und er lässt an denjenigen, die ihm unter die Hechel kommen, keine heile Stelle mehr.

Professor Jedig schaut auf die Uhr. Er hat es mit einemmal eilig.

Leider muss ich jetzt zur Parteiversammlung, sagt er. Eine wichtige Frage auf der Tagesordnung.

Er fragt schon nicht mehr, ob Willi nicht mitgehen wolle, obwohl die heutige Versammlung *offen* ist, das heißt, dass ihr nicht nur die mit einem Parteibuch ausgerüsteten Kommunisten, sondern auch gewöhnliche Sterbliche beiwohnen dürfen. Der Professor weiß schon, dass Willi doch wieder allerlei Ausflüchte finden wird, um sich davor zu drücken. Und er hat auch recht. Willi kann das lange Gerede in einer *beliebigen* Versammlung nicht ausstehen, geschweige denn in einer Parteiversammlung. Da besteigen sie, einer nach dem anderen, die Tribüne, zerfransen sich die Mäuler, werfen einander sogar

Beleidigungen an den Kopf, und nachher wird das ganze geistreiche Wischiwaschi wieder vergessen, und alles bleibt beim alten.

Außenseiter seid ihr! hatte Professor Jedig einmal geschimpft. Wen er außer Willi noch mit *ihr* gemeint hatte, blieb unbekannt. Offenbar gab es noch welche, die den Versammlungen fernblieben. Ein Nichtparteilgenosse, versuchte sich Willi zu rechtfertigen, habe in diesen Versammlungen überhaupt nichts zu suchen.

Man wolle sich nur immer hinter der Parteilosigkeit verschanzen, um sich nur den Problemen zu verschließen, tadelte Professor Jedig weiter.

Willi konnte lange nicht begreifen, warum ihm ausgerechnet Professor Jedig seine Parteilosigkeit vorhielt. Hatte er doch selbst mit den Parteilideologen überhaupt nichts gemein. Die hatten ihm sogar wegen seiner *Unbeugsamkeit* einen strengen Verweis verpasst. Und seit Jahren stand er mit ihnen auf dem Kriegsfuß.

Erst später konnte sich Willi etwas Klarheit verschaffen. Wieso hatte er alle Parteilgenossen immer über einen Kamm geschoren? So hatte es die Parteilführung und so hatte es die Parteilite natürlich gewollt. Faktisch war es jedoch ganz anders. Die Parteilmitglieder ihrer Hochschule waren alles andere als eine homogene Größe. Bedingt hatte sie Willi in drei Kategorien eingeteilt.

Erste Kategorie: Bolschewisten vom alten Schlage. Die meisten waren bereits im Ruhestand. Doch wenn es um die Verteidigung der sozialistischen Ideologie und um ihre Propaganda ging, traten sie als Reserve hervor und gingen auf die Barrikaden. Dies verlangte die Parteildisziplin, und dies verlangte ihre innere Überzeugung. Auf den Parteilversammlungen saßen sie immer ganz vorne am Rednerpult mit dicken Brillen auf der Nase und Hörapparaten in den Ohrmuscheln und verfolgten mit erstaunlicher inneren Spannung den Ablauf der Tagesordnung.

In den ersten Jahren seiner Arbeit an der Hochschule hatte Willi vielen Parteilversammlungen beigewohnt. In seiner Vorstellung schwebt ihm bis heute noch die Gestalt der alten Parteilveteranin Kleopatra Petrowna vor: Dauer der Parteilmitgliedschaft - fünfzig Jahre, schneeweißes Haar, starke Hornbrille,

blaugeädertes faltiges Gesicht, herabhängende Kinnhaut am leicht zitternden Kopf. Hörapparat hatte sie keinen, deshalb hielt sie die Hand hinters Ohr und hörte so angespannt zu, als ob sie Angst hätte, sich auch nur ein einziges Wörtchen entgehen zu lassen. Und wenn sich jemand die geringste Abweichung von der aufgestellten Tagesordnung erlaubte, schlug sie mit der Faust auf die Tischplatte und keifte mit brüchiger Stimme: *Ein Verstoß gegen die Parteidisziplin! Ein Verstoß gegen das Parteistatut!*

Zur *zweiten Kategorie* gehörten diejenigen, die heimlich Wein tranken und öffentlich Wasser predigten. Sie saßen gewöhnlich in den vorderen Reihen gleich nach den Veteranen, um im passenden Moment sich hinter das Rednerpult zu schwingen und gegen diejenigen zu wettern, die ihrer Meinung nach auf die Grundsätze der sozialistischen Moral einen Anschlag vorbereiteten. Auf der Tribüne warfen sie sich in die Brust, redeten sich bis zur Rotglut und Heiserkeit, um sich bei der Obrigkeit lieb Kind zu machen und durch ihr Zutun dann leichter die hierarchische Treppe hinaufsteigen zu können.

Zur *dritten Kategorie* gehörten nach Willis Beobachtungen alle übrigen Parteimitglieder, die steuerlos auf dem Meer des Parteilebens trieben. Sie machten's immer *wie alle*. In die Partei eintreten? Bitte schön! Noch wohin? Bitte schön! Sie verfolgten damit offenbar keine besonderen Ziele, erhofften sich wohl auch kaum eine Besserung ihrer Lebensstellung. Nur immer gesetzmäßig, nur immer gewohnheitsmäßig, nur immer obrigkeitgerecht. Und in der Parteidiktatur sahen sie eine objektive Notwendigkeit, die man nicht anzweifeln darf und gegen die anzugehen sinnlos ist.

Professor Jedig ließ sich in keine dieser Kategorien einordnen. Er tanzte vollkommen aus der Reihe. Von der Tribüne sprach er oft und gern. Doch die Reden, die er vom Stapel ließ, waren weder Lobhudelei noch Strafpredigten. Es war auch alles andere als Selbstgefälligkeit und Selbstdarstellung. Schon gar nicht ging es ihm um amtliches Aufrücken. Es ging ihm einzig und allein um Gerechtigkeit. Doch hatte er selten mal Mitstreiter und zog meist mit offenem Visier mutterseelenallein gegen seine Widersacher zu

Felde. Er glaubte, auf solche Weise seine individuelle Meinung und seinen dicken Kopf durchsetzen zu können. Und der Saal spendete ihm stürmischen Beifall, wenn er für einen in Ungnade gefallenem armen Sünder eine Lanze brach. Dadurch jedoch schuf er sich unter den Parteibonzen immer mehr Feinde. Für die war er ein Ruhestörer und ein unsicherer Kantonist. In dem genau aufeinander abgestimmten Parteiaktiv der Hochschule war er ein weißer Rabe, den keiner verstehen wollte.

Für Willi war Jedig mit seinem strengen kompromisslosen Rechtsgefühl eine Michael-Kohlhaas-Natur, und es wunderte ihn auch nicht sonderlich, als dieser einige Jahre später sein Bündel geschnürt und sich eine Auslandsreisegenehmigung zu seinen Verwandten in der Bundesrepublik erbettelt hatte. Von dort kehrte er nicht mehr zurück. Er hatte endlich eingesehen, dass er die ganze Zeit gegen Windmühlen gekämpft hatte. Sein Parteibuch hatte er dem Parteibüro der Hochschule zum ewigen Andenken geschenkt. Er hatte die Nase voll.

ТРАДИЦИИ ОМСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ СИБИРИ

В. А. Дятлова

*Красноярск, Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева*

В начале 60-х гг. XX века Сибирское отделение Академии наук приступило к описанию языков народов Сибири, тем самым была открыта возможность и для описания немецких диалектов Сибири. Было получено официальное разрешение на научные исследования в этой области на Урале, в Западной Сибири, в Казахстане и Средней Азии. В качестве Центра,

координирующего данные исследования, был выбран Омский государственный педагогический институт им. М. Горького. Центр возглавил профессор, доктор филологических наук Гуго Гуговича Едига. При институте была открыта аспирантура по исследованию немецких диалектов. Так появился Омский научно-исследовательский центр изучения немецких диалектов.

Всего под руководством Г. Г. Едига было успешно защищено 13 кандидатских диссертаций, посвященных проблемам немецкой диалектологии, и 4 кандидатские диссертации по другим вопросам немецкого языка.

Одной из важнейших задач кафедры немецкой филологии и Центра в целом Г. Г. Едиг видел создание словарей еще сохранившихся диалектов – нижненемецкого, гессенского, волынского, швабского, баварского. Он хотел узнать, что в данных диалектах сохранилось от общеупотребительной лексики, а что изменилось. Научная обработка языкового материала проводилась под руководством Г. Г. Едига, но в работе активно участвовали и другие диалектологи – Г. И. Валл, С. К. Ведель. Материалы по сделанной работе были опубликованы под общим названием «Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров» в сборниках «Вопросы структуры германских языков» (Ч. 1 – 1978), «Вопросы диалектологии и истории немецкого языка» (Ч. 2 – 1979; Ч. 3 – 1980 г.; Ч. 4 – 1981) [1]. В публикациях обозначена фонетическая транскрипция, принятая в словаре за основу, даны дополнительные знаки для транскрипции (например, для свехоткрытого *e* используется *ä*), слова расположены в алфавитном порядке. В словарной статье указывается также принадлежность слова к той или иной части речи, приводятся некоторые парадигматические и валентностные особенности слова (грамматический род, способ образования множественного числа существительных, тип спряжения глаголов).

Как указано в книге “*Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie*” [183-184], Гуго Гугович много усилий

прилагал для того, чтобы получить разрешение на публикацию научного сборника при кафедре, при ОГПИ. Первоначально сборник назывался «Вопросы структуры немецких диалектов в Советском Союзе», но это название было отклонено, поскольку, во-первых, “es war die Zeit, da man das Vorhandensein von Deutschen verschweigen wollte” [Berend/Jedig 1991: 183], а во-вторых, обязательным условием для публикации было рассмотрение разных вопросов структуры германских языков. Таким образом, с 1968 г. стало возможным публиковать в Омске при ОГПИ сборники научных трудов. Они имели различные названия: «Труды кафедр гуманитарных наук» 1968, «Вопросы филологии» 1969, 1970, 1971, 1972, «Вопросы диалектологии и языкознания» 1969, 1971, «Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка» 1973, «Вопросы диалектологии и истории немецкого языка» 1974, 1975, 1979, 1980, 1981, «Вопросы грамматического строя германских языков» 1974, «Вопросы структуры германских языков» 1976, 1977, 1978, «Вопросы диалектологии немецкого языка» 1983, «Структурно-семантические особенности языковых единиц в различных коммуникативных ситуациях» 1987, «Структурно-семантические особенности немецкой разговорной и диалектной речи» 1988, «Коммуникативно-функциональная характеристика языковых единиц» 1989. Сборник выходил регулярно один раз в год с 1968 по 1989 гг.; кроме 1982 г.; но в 1969 г. и 1971 г. вышло по два сборника в год.

Кроме многочисленных научных публикаций в России, Г. Г. Едиг опубликовал еще в 1966 г. в Лейпциге свою монографию “Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes”. Следует упомянуть также его «Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края», “Die Nebensätze in der niederdeutschen Mundart des Altai-Gaus”, “Deutsche Grammatik” (Morphologie) und “Deutsche Grammatik” (Syntax) [3].

Продолжая дело профессора Гуго Гуговича Едига, мы – его ученики и последователи – занимаемся со студентами и аспирантами, ездим по селам,

собираем материал, открываем Центры и аспирантуры по исследованию немецких диалектов на территории России и Сибири, в частности.

В 2007 г. при Красноярском государственном педагогическом университете им. В. П. Астафьева был создан Региональный диалектологический центр исследований языка немцев Сибири как научно-образовательное структурное подразделение КГПУ. Главной целью Центра является повышение качества научно-исследовательской работы диалектологов немецкого языка в Сибири. Основные задачи:

- 1) координация научных исследований в области немецкой диалектологии;
- 2) организация и проведение координационных совещаний, научных конференций и семинаров по проблемам немецкой диалектологии;
- 3) расширение издательской деятельности, подготовка и публикация монографий, учебных пособий и межвузовских сборников научных трудов, издание диалектологических словарей;
- 4) информационно-методическое обеспечение регионального компонента образовательных программ по немецкому языку и немецкой диалектологии в вузах и колледжах региона;
- 5) установление научных контактов с коллегами университетов Германии, занимающимися проблемами немецкой диалектологии.

Созданию Центра предшествовала большая работа, а именно:

– в рамках проекта «Брайтенарбайт» начиная с 1999 г. в течение трех лет было создано соответственно 8, 10 и 12 исследовательских групп для сбора языкового и этнографического материала в следующих районах края – Балахтинском, Емельяновском, Иланском, Ирбейском, Манском, Держинском, Краснотуранском, Нижнеингашском, Канском и Шарыповском;

– данный материал был использован позднее при написании курсовых и дипломных работ, а затем в диссертационных исследованиях;

– этнографический материал (поделки, предметы утвари, старые фото, книги, одежда, вышивки и т. д.) был передан для создания экспозиции «На переломах времен. История и культура российских немцев», открытие которой состоялось 19 декабря 2003 г. в культурно-историческом музейном комплексе г. Красноярска, где она и находится до сих пор (художник – Василий Слонов). Концептуальный стержень экспозиции – земля. Она символически выражает стремление народа к свободе и жизни. Земля выступает еще и символом оставленной родины. Главное место в экспозиции отведено стеклянному кресту – символу христианского смирения, согласия с волей Божьей. Внутри креста расположены документы, сыгравшие определенную роль в судьбе российских немцев (депортация, репрессии). На выставке использовано очень много фотографий – около 150. Они тянутся лентой в две полосы: верхняя полоса – это цветное изображение ныне живущих, черно-белые фотографии внизу – это ушедшее или уходящее поколение;

– создание видеофильма «Немцы Красноярья» (длительность – 24 минуты);

– при финансовой поддержке фонда им. Р. Боша в рамках программы «Дни Германии в регионах России» и при грантовой поддержке КГПУ им. В. П. Астафьева в 2004 г. Проведена международная научная конференция «Немцы в Сибири: история, язык, культура». Тезисы и материалы конференции опубликованы в научных сборниках;

– под руководством профессора Дитера Штельмахера (Геттинген, Германия) проведены 3 научно-практических семинара по вопросам отечественной немецкой диалектологии для аспирантов и студентов Сибири;

– состоялось открытие аспирантуры по германистике по специальности 10.02.04 «Германские языки», в частности, по

исследованию немецких диалектов края. Успешно прошла защита кандидатских диссертаций четверых аспирантов (по текстам-воспоминаниям, по синтаксису простого предложения, по социолингвистике, по пословицам и поговоркам российских немцев), плодотворна работа других аспирантов в этой области.

Немецкие говоры Сибири подвергаются активному влиянию с трех сторон:

1) со стороны соседствующих немецких диалектов влияние проявляется в усилении процессов смешения диалектов. Известно, что между двумя различными диалектами в определенных благоприятствующих условиях могут образоваться диалекты переходного типа, объединяющие в себе черты территориально соприкасающихся диалектов. Эти факты неоднократно отмечались многими диалектологами. Интересно определить, что является общим моментом для всех относящихся к переходной зоне говоров, в чем заключается тесное переплетение признаков обоих диалектных типов, благодаря чему не всегда легко удается определить, какой из них следует считать основным для каждого отдельного говора. Процессы смешения диалектов нельзя также изучать без достаточного исследования различных сопутствующих факторов. При изучении процессов междиалектного смешения важно учитывать общий удельный вес носителей того или иного диалекта, род их занятий, продолжительность их совместной жизни, степень их языковой близости и т. д. Специфические процессы смешения диалектов изучены, в общем, слабо, однако некоторые выводы представляют интерес для общей теории развития диалектов. Особое внимание необходимо уделить проблеме вариантов, вариативности диалектов, т.к. они относятся к т. н. варьирующим языковым формам;

1. со стороны литературного немецкого языка влияние обусловлено расширением возможностей изучения языка,

контактами с носителями немецкого языка как родного, перепиской, чтением периодики и т.д.;

2. со стороны русского языка влияние проявляется на всех уровнях языка, начиная с фонетического и заканчивая синтаксическим.

В планах Регионального диалектологического центра исследований языка немцев Сибири:

1. *работа над диалектным словарем:*

- систематизация собираемого лексико-фразеологического материала;
- эмоциональная/экспрессивная/оценочная лексика;
- лингвокультурологический комментарий собранной лексики.

2) *создание диалектологической карты немцев Красноярского края;*

3) *характеристика населенного пункта* – сведения по истории села, перечень основных черт говора, образец текста в полной транскрипции, т.н. «паспортизация» населенного пункта и говора;

4) *продолжение работы над методикой полевых исследований:*

- принципы и методы сбора материала (задания, вопросники, памятки, анкеты);
- методика работы с информантами, критерий отбора информантов – биографические данные, пол, возраст, род занятий, грамотность и т.д.;
- памятка по диалектологической практике и т. д.

5) *создание банка данных диалектных текстов;*

6) *выпуск ежегодника «Вопросы истории и диалектологии немецкого языка»;*

7) *проведение научно-практических семинаров и конференций.*

Партнеры Центра:

- университет г. Геттингена (Германия), научное руководство работой над диалектным словарем – проф. Дитер Штельмахер;

- Культурно-исторический центр и Национально-культурная автономия немцев Красноярского края – помощь в финансировании, организация совместных этнографических экспедиций, семинаров, конференций, обновление экспозиций на выставке «На переломах времен», организация передвижных выставок, проект «Немецкая деревня», организация телемоста с землячеством российских немцев в Германии;
- Краевая научная библиотека, краеведческий музей, архивы Красноярска (ГАКК, ЦХИДНИ);
- школа с. Балахтон Козульского района – работа с информантами, создание временного творческого коллектива, участие и помощь в НОУ.

* * *

Наряду с вопросами состояния и функционального статуса современных немецких диалектов к актуальным и требующим решения проблемам можно отнести задачу оценки перспективы существования и исследования диалектов в современной языковой ситуации, особенно в связи с появлением различных, зачастую противоположных утверждений как об упадке диалектов (Dialektverfall), так и об их ренессансе (Dialektrenaissance). Надо сказать, что, если речь идет о диалектах на территории Германии, то в сельских регионах, где основными носителями диалекта осталось старшее поколение, наблюдается упадок диалекта, а в городах и среди молодого населения, наоборот, можно констатировать возрождение диалекта (мода? престиж?). Что касается России, то здесь надо успеть записать еще сохранившиеся диалекты, т.к. носителями являются также представители старшего поколения, молодежь в лучшем случае лишь понимает диалект. Для России основной проблемой в сохранении диалектов является их активное смешение, появление многочисленных вариантов, сильное влияние русского языка. Недаром в последнее время все чаще говорят о русском немецком языке (das Russlanddeutsche).

Библиографический список

1. *Едиг, Г. Г.* Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров / Г. Г. Едиг, Г. И. Валл, С. К. Ведель // Вопросы структуры германских языков. – Омск, 1978. – С. 37-44; Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск, 1979. – С. 14-25; Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск, 1980. – С. 24-52; Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск, 1981. – С. 25-66.
2. *Berend, Nina.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie / N. Berend. – Marburg, 1991. – 404 s.
3. *Jedig, Hugo.* Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, philologisch-historische Klasse. – Bd. 112. – Heft 5. – Berlin 1966. – 107 s.; *Он же.* Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. – Омск, 1969. – 200 с.; *Он же.* Die Nebensätze in der niederdeutschen Mundart des Altai-Gaus. – Barnaul, 1961; *Он же.* Deutsche Grammatik (Morphologie). – Band 1. – Tomsk, 1965; Deutsche Grammatik (Syntax). – Band 2. – Tomsk, 1967. – 278 s.

РЕАЛИЗАЦИЯ РАМОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОСТРОВНЫХ СРЕДНЕНЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

Н. А. Ермакина

Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России

Факт широкого распространения напряженных, или рамочных, структур в немецком языке в отечественной и зарубежной германистике в настоящее время является общепризнанным, а проблема рамочной конструкции – одной из наиболее разработанных в отечественной и зарубежной лингвистике (В.Г. Адмони, В.М. Жирмунский, М.М. Гухман, О.И. Москальская, Е.В. Гулыга, Э. Ризель, Н. Eggers, U. Engel, К.Е. Sommerfeld, E.Drach, К. Boost, E. Beneš, О. Behagel, G. Helbig и др.). По мнению большинства исследователей, рамочная конструкция предложения является структурно-грамматической нормой

современного немецкого языка, определяющей ее преобладающее положение в синтаксическом строе, ограниченное, впрочем, наличием ряда факторов [Адмони 1988; Duden 1995; Veneš 1968; Hoberg 1981 и др.].

Однако некоторые изменения, наблюдаемые в синтаксическом строе немецкого языка в последнее время, дают основание ряду ученых сделать общий вывод о тенденции к «разрыхлению» структуры немецкого предложения и в определенной степени поставить под сомнение ведущую роль рамки в оформлении синтаксических отношений, а, следовательно, также структурную и типологическую релевантность рамки в немецком языке [Рыбкина 2004]. Речь идет, прежде всего, о существующей в современном немецком языке тенденции к некоторому увеличению числа предложений с отступлением от рамочной конструкции.

Традиционно в немецком языке принято выделять два типа рамки: 1) вербально-предикативную, структурно оформляющую немецкое предложение, и 2) номинальную (именную), структурно оформляющую атрибутивно-подчинительное именное словосочетание.

Вербально-предикативная рамка оформляет в немецком языке наиболее значимый компонент языковой структуры – предложение, ввиду чего ее исследование приобретает особое значение для изучения как проблемы рамочности в немецком языке в целом, так особенностей структурной организации предложения в немецких диалектах.

Вербально-предикативная рамка в немецком предложении образуется в результате дистантной постановки частей сказуемого, выступающих в роли рамкообразующих элементов. Она имеет тенденцию охватывать все предложение в целом, за исключением первого места, часто занимаемого подлежащим. Однако, в случае, если первое место в предложении занято каким-либо второстепенным членом, вербально-предикативная рамка перерастает из рамки, охватывающей группу сказуемого,

в рамку, охватывающую предложение в целом [Адмони 1986: 29; Helbig 1977: 501, 531].

Данное исследование представляет собой попытку выяснения особенностей реализации рамочной структуры простого предложения в устной речи носителей средненемецких говоров, проживающих в Манском районе Красноярского края.

При исследовании предложений-высказываний, употребляемых носителями говоров, мы будем придерживаться принятого в современной лингвистике деления рамочной конструкции на *полную* рамку (*vollständiger Rahmen*) и *неполную* рамку (*unvollständiger, verkürzter Rahmen*) [Адмони 1973: 307; Beneš 1968: 291 и др.].

Случаи, когда части рамки находятся в *контактном положении*, чаще всего определяются как *полное снятие рамки, отказ от рамки, полное нарушение рамки, потенциальная рамка* [Schmidt 1966: 263].

При изучении предложений устной речи носителей исследуемых говоров выявлен ряд случаев нарушения рамочных моделей и использования неполных и потенциальных рамок.

В таблице 1 приводятся данные о частотности нарушения рамочной конструкции носителями рассматриваемых говоров.

Таблица 1

Частотность нарушения рамочного оформления предложения носителями говоров

	Количество	%
Предложения с рамкой (с точки зрения литературной нормы)	3714	100,00
Предложения с сохранением рамки (полная рамка)	2228	59,9
Предложения с нарушением рамки (неполная рамка)	1486	40,1
Предложения с контактным расположением частей сказуемого (снятие рамки)	422	11,36 (28,3*)
Всего исследованных предложений	7602	

* % от общего количества предложений с нарушением рамки.

Неполная рамка

В ходе исследования неполных рамок в предложениях, построенных по моделям Kernsatz и Stirnsatz, зафиксированы случаи отступления от рамок, в которых в качестве правого, завершающего, компонента выступают:

- отделяемая приставка или отделяемая часть глагола:

iç šit va:zər nai in kastru:ljə „Ich schütte Wasser in den Kochtopf ein“.

un də hot mər uns fərtailt hinaos in də štep fertsic kiləme:tər fon den dorf
„Und da hat man uns vierzig Kilometer vom Dorf in die Steppe hinaus geteilt“;

- части сложных глагольных форм / составных глагольных сказуемых:

dəs kan pasi:rə mit je:dər „Das kann jedem passieren“.

am fərtsein jo:r hu:m iç šo:n an(k)faŋgə tsu arvaitə „Mit vierzehn Jahren habe ich schon zu arbeiten angefangen“;

- предикатив:

da va:ən mər əlainiç mi-də mudər “Da waren wir mit der Mutter allein”;

- именной компонент фразеологического глагольного образования:

bai mič tun ve: di bā: „Die Beine tun mir weh“.

Нарушение вербально-предикативной рамки может быть вызвано целым рядом причин, а именно:

- акцентологическим весом входящих в состав предложения членов.

Чем весомее в смысловом отношении тот или иной член предложения, тем больше вероятность его выноса за рамку [Едиг 1969: 171]:

mər hu:m gəvo:nt in Saratof in tsvaite kolxos „Wir haben im zweiten Kolchos des Saratover Gebiets gewohnt.“

dər le:rər dər hat gəsakt iç zol briŋgə kraide „Der Lehrer ließ mich Kreide holen“;

- недостаточной последовательностью развертывания мысли говорящим:

in detsembər zain mər in lespromxos gətso:γə dər vindər „Im Winter, im Dezember sind wir nach Holzhandelsovchos gezogen“;

- природой самого члена предложения. В говоре за глагольную рамку регулярно выносятся предложные инфинитивы и предложные предикативные определения:

am fərtsein jo:r hu:m iç šo:n ã(kə)faŋgə tsu arvaitə „Mit vierzehn Jahren habe ich schon angefangen, zu arbeiten“;

dər vindər zaiən mər gəgaŋgə hołts šnaidə mit həłtsənə šu: „Im Winter sind wir gegangen, Holz zu fällen, Holzschuhe an“.

В исследованных предложениях в качестве компонентов, выносимых за пределы рамки, были зафиксированы следующие члены предложения:

- подлежащее вместе с определениями:

vil nax daitšlant, zain zo:n „Sein Sohn will nach Deutschland fahren“;

un da hat laŋ kštandə in krasnojarsk dər tsu:x „Und da hat der Zug lange in Krasnojarsk gestanden“;

- прямое дополнение:

un da hum-ər kəbaut haos „Und da haben wir ein Haus gebaut“;

un də hu:m zə gəbroxt solto:də „Da haben sie Soldaten gebracht“;

- предложное дополнение:

tu: diç niçt ɛrgərn uf miç „Tue dich über mich nicht ärgern“;

- дополнение, выраженное инфинитивом с частицей zu:

iç zol aiç wos bringə tsu triŋgə? „Soll ich euch etwas zu trinken holen?“

- обстоятельство/обстоятельственная группа:

iç hu:m gō: kã:n (gə)kənt in də štat „Ich habe niemanden in dieser Stadt gekannt“;

un də hot uns fərtailt tsu tsvai „Und da hat man uns zu zweit geteilt“;

- два обстоятельства/обстоятельные группы:

hab iç g(ə)ʃaft ɛʃt bai də sai „Ich habe zuerst bei den Sauen gearbeitet“;

- обстоятельство + обстоятельственная группа + предложное дополнение:

miç hu:m zə raingəru:və in də ʃtu:p atʃjə numə fon main pa:pa „Ich wurde ins Zimmer gerufen, um vom Vater Abschied zu nehmen“;

- предложное дополнение + обстоятельство:

mər hot uns usgəle:rt vi:der fon šif „Man hat uns wieder vom Schiff ausgeladen“;

iç vɛrt gɛrn fa:n mit aiç in di ʃtat „Ich würde gern mit euch in die Stadt fahren“;

- предложное дополнение + несогласованное (обособленное) определение:

da hat aləs fol gəʃtandə mit furgon mit kail ā:gəʃpandə „Da war alles voll von Wagen, mit Pferden angespannt“.

В табл. 2 представлены количественные данные о выносимых за рамку членах предложения.

Таблица 2

Члены предложения, выносимые за рамку

Член предложения, выносимый за рамку		Общее количество	% от общего количества
Подлежащее		27	1,81
Именная часть сказуемого		66	4,44
Дополнение	прямое	264	17,76
	косвенное	38	2,55
	предложное	172	11,57
Обстоятельство	беспредложное	168	11,30
	предложное	597	40,17
2 и более обстоятельства (дополнения)		129	8,68

Исследование показывает, что наиболее часто в данных типах предложений нарушаются модели рамки, образуемые компонентами сложных глагольных форм и сложных сказуемых. Так, количественные подсчеты свидетельствуют о том, что в

1261 из 5304 случаев происходит нарушение рамочной конструкции, образованной двухчленным сказуемым, что составляет 23,7%. Для трехчленного сказуемого эти данные – 157 случаев из 324 (48,4%).

За пределы рамки наиболее часто выносятся инфинитивы и инфинитивные группы, предложные группы обстоятельственного характера и прямые дополнения.

Потенциальная рамка

Потенциальная рамка наиболее часто встречается в предложениях модели Kernsatz и Stirnsatz. В исследованном материале обнаружены следующие разновидности потенциальной рамки:

1. Потенциальная рамка с контактным расположением частей сказуемого в центре предложения (на втором месте предложения).

Как и неполная рамка, потенциальная рамка в предложениях данного типа может быть образована:

- частями сложных глагольных форм/сложных сказуемых:

ver vil net zain šē: unt junĵk? „Wer will nicht schön und jung sein?“;

es hat kəšla:γə zi:vən u:r „Es hat sieben Uhr geschlagen“;

ven iĵ imər kent blaivə junĵk! „Könnte ich immer jung bleiben!“

Как видно из приведенных примеров, именная часть трехчленных сказуемых, как правило, выносится в «заполье».

Кроме того, потенциальная рамка также может быть образована:

- отделяемыми приставками:

in fufitsein jo:r faŋk an iĵ šo:n tsu arvaitə „Mit fünfzehn Jahren fing ich an, zu arbeiten“;

- предикативом:

do:rə is gri:n aləs „Dort ist alles grün“;

- именными компонентами фразеологических образований:

bai miĉ tun ve: di bā: „Die Beine tun mir weh“.

2. Потенциальная рамка, образуемая в предложениях модели Kernsatz путем выноса в «предполье» правого компонента рамки.

В «предполье» могут быть вынесены:

- предикатив:

zo: šva:x va:r e:r „So schwach war er“;

šve:r is di tsait „Schwer ist die Zeit“.

При выносе в «предполье» того или иного компонента многие исследователи говорят о применении так называемого «эмфатического порядка слов», используемого с целью выделения этого компонента предложения в эмоциональной либо стилистически окрашенной речи. В этом случае первое место в предложении выполняет экспрессивную функцию (Ausdrucksstelle) [Engel 1977: 212; Duden 1995: 790].

В «предполье» также могут быть вынесены:

- инфинитив с частицей *zu*:

tsu e:zə va:r niks „Es war nichts zu essen“;

- части сложных глагольных форм и сложных сказуемых:

(gə)arvaitə hu:m iç arç šve:r „Gearbeitet habe ich sehr schwer“;

fərtse:lə vərə arç fi:l, na da mist vos i:vəl ge:bə „Man könnte noch sehr viel erzählen, aber etwas muss doch üblig bleiben“;

gəbo:rt zain iç in taozəntnoihundertachtundzwanzig an di volga „Ich bin neunzehnhundertachtundzwanzig an der Wolga geboren“.

Причинами подобного расположения неизменяемой части сказуемого, на наш взгляд, могут быть, во-первых, желание говорящего освободить для рematicкого компонента последнюю ударную позицию (1, 2 примеры), либо, как в 3 примере, калькированием аналогичной русской разговорной конструкции (русс. «Родился я в...»).

По нашим наблюдениям, наиболее часто в «предполье» выносятся части сложных глагольных форм/сложного сказуемого и предикатив, что, с одной стороны, можно объяснить общей высокой частотностью моделей рамки, образуемых данными компонентами, а, с другой – большими

возможностями «предполя» в плане актуализации несущих основную смысловую нагрузку частей сказуемого.

Как показывает исследование, в случае вступления в силу одного или нескольких из вышеперечисленных факторов вынос за рамку ряда компонентов диалектного предложения «осуществляется легко и по определенным схемам» [Адмони 1973: 310], то есть имеет место определенная регулярность и предсказуемость таких перемещений. Мы полагаем, что есть все основания считать подобные перемещения своего рода тенденцией в структурном оформлении простого предложения рассматриваемых говоров.

Полученные результаты исследования позволяют сделать общий вывод о том, что достаточно частые (40,1%) отступления от рамочного оформления простого предложения в речи носителей средненемецких говоров Манского района Красноярского края обусловлены взаимодействием следующих факторов:

- 1) реализацией коммуникативной или структурной функций порядка слов;
- 2) устной формой существования говоров, что предполагает возможные отклонения от норм письменного литературного языка, широкое использование парцеллированных конструкций;
- 3) длительным интерферирующим влиянием русского языка, вследствие чего в говорах наблюдается высокая степень изоморфизма диалектных синтаксических конструкций соответствующим русским.

В качестве второстепенных факторов выступают длина предложения и семантика выносимого за рамку члена предложения.

Библиографический список

1. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения / В.Г. Адмони. – Л.: «Наука», 1973. – 366 с.
2. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: «Наука», 1988. – 239 с.

3. Едиг, Г.Г. Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края / Г. Г. Едиг. – Омск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1969. – 200с.
4. Рыбкина, С. Н. Рамка как ведущий структурно-организационный принцип оформления синтаксических отношений в немецком языке и ее типологическая отмеченность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. Н. Рыбкина. – Саратов, 2004. – 164 с.
5. Admoni, Wladimir Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. – М.: «Просвещение», 1986. – 392 s.
6. Beneš, E. Die Ausklammerung im Deutschen als grammatische Norm und als stilistischer Effekt / E. Beneš // Muttersprache . – Mannheim, 1968. – Heft 10. – S. 289-298.
7. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache // Duden. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. – 1995. – В.4. – 864 s.
8. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, 1977. – 629 s.
9. Hoberg, U. Die Wortstellung in der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache / U. Hoberg. – München, 1981. – 256 s.
10. Engel, U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / U. Engel. – Berlin, 1977. – 308 s.
11. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin, 1966. – 323 s.

**ВКЛАД ПРОФЕССОРА Г. Г. ЕДИГА
В РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИСТИКИ
И ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

В. А. Заречнева

Омск, Омский государственный педагогический университет

История науки – это большая fuga,
в которой слышатся голоса народов.

И. В. фон Гёте

Голоса российских немцев, в частности представителей Омской диалектологической школы, прозвучали достаточно громко в «большой fugе»

германистики. Особенно мощно и ярко пела первая скрипка в лице профессора Гуго Гуговича Едига.

В то время, когда многие известные диалектологи полностью прекратили свои диалектологические исследования, Г. Г. Едиг был единственным немцем, который отважился посвятить себя изучению островных немецких диалектов и сделать это делом всей своей жизни. Его заслуга состоит в том, что он возобновил прерванные войной научные традиции и с честью продолжил их дальше.

Гуго Гугович родился 8 сентября 1920 года в немецкой семье на Украине. Война прервала его учёбу в учительском техникуме, который находился в Республике немцев Поволжья. Его, как и многих других немцев, депортировали сначала в Сибирь, потом на Северный Урал в трудовой лагерь, где он работал в очень тяжёлых условиях на лесозаготовках до конца войны.

В 1949 году Гуго Едиг попадает в западносибирский университетский город Томск, где ему в 1951 году, не смотря на большие трудности, удаётся закончить учёбу и начать работать учителем немецкого языка в техникуме. В Томске он занимается исследованиями в области немецких диалектов. В 1962 году Гуго Гугович защищает в Ленинграде у профессора В. Жирмунского кандидатскую диссертацию о синтаксисе нижненемецкого диалекта. Через 10 лет в Академии Наук СССР в городе Москве он защищает докторскую диссертацию «О нижненемецком диалекте в СССР. Том 1. Фонетика и морфология. Том 2. Синтаксис».

Ассистент и доцент кафедры немецкого языка, декан факультета иностранных языков в Томске, а с 1965 года заведующий кафедрой, аспирантурой, создатель научно-исследовательского центра по немецкой диалектологии в Омском педагогическом институте. Здесь он работал, творил, руководил аспирантами и молодыми преподавателями. Здесь с большой благодарностью и любовью вспоминают о нём.

Профессор Едиг читал лекции, начиная с готского и до современного немецкого языка, проводил семинары и консультации для соискателей, писал учебники по грамматике и истории немецкого языка, создал центр диалектологических исследований, из которого вышло целое поколение диалектологов. Он был основателем, организатором, руководителем и душой этого Центра. Гуго Гугович лично организовывал защиты диссертаций своих аспирантов в вузах России, Украины, Белоруссии. Он очень гордился своими первыми аспирантами, которые защитили диссертации по диалектологии: К.И. Митрофанова (Фаст), В.К. Гейнц, О.Э. Нидерквель, А.К. Бокк, Н.Г. Беренд, В. Шмунк, Т. Иоганзен, Л. Москалюк и многие другие.

Несомненной заслугой профессора Едига является публикация в течение 20 лет серии научных трудов по проблемам немецкой диалектологии и разговорной речи, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время и пользуются спросом в библиотеках и читальных залах.

На кафедре немецкой филологии, которой руководил Гуго Гугович, царил культ немецкого языка. Студенты и преподаватели говорили в стенах института только на немецком языке, для подшефных национальных школ готовились концерты на немецком языке. Профессор сам охотно выезжал в немецкие деревни Омской области, читал лекции об истории немецких поселений, требовал расширения школ с преподаванием немецкого языка как родного.

В многочисленных полевых экспедициях Гуго Гугович собирал диалектные тексты, записывал их на магнитофон, закладывая фундамент фонотеки диалектов. Студенты писали курсовые и дипломные работы по диалектологии. Эти традиции долго сохранялись на кафедре немецкой филологии. В новых учебных планах изучение диалектологии и проведение диалектологических практик, к сожалению, не предусмотрено.

После выхода на пенсию профессор Едиг переехал в 1986 году в Федеративную Республику Германия, где он вместе с

Н.Г. Беренд работал над большим трудом о немецких диалектах в Советском Союзе. Том «Немецкие диалекты в Советском Союзе. История исследования и библиография» был напечатан в издательстве Н.Г. Эльвер в Марбурге в 1991 году. Незадолго до своей смерти, уже будучи больным, профессор Едиг смог увидеть этот том. Он умер в возрасте 71 года 11 октября 1991 года в Кёльне.

Лебединой песней этого большого, признанного во всём мире диалектолога из России стала в 1991 году международная конференция о судьбе островных немецких диалектов в Западном Берлине (1991), в которой принимали участие диалектологи со всего мира.

Профессор Г. Едиг всесторонне описал нижненемецкий диалект в Советском Союзе в сравнении с нижненемецким диалектом на Севере Германии, в Западной и Восточной Пруссии. Была описана фонетика, морфология, синтаксис и возрастающая доля руссизмов в результате контактирования языков.

«Даже если у науки нет Родины, она должна быть у учёного, и ей должны принадлежать результаты его трудов», – сказал в 1888 г. Пастер. Эти слова не потеряли своего значения и сейчас. Дело профессора Едига – большой вклад в развитие германистики как в России, так и за рубежом.

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ «полевОй метод» И «пОлевый подход» В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. А. Любочко

Красноярск, Сибирский Федеральный Университет ИЭУиП

В современной диалектологии изучение диалектов происходит с разных позиций, используются различные методы исследования

для описания и выявления их особенностей в сфере фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии и т. д. и их различий с литературной нормой немецкого языка. Диалекты рассматриваются в структурном, типологическом, территориальном, социолингвистическом, коммуникативном, функциональном и других аспектах. Поскольку диалектология исследует языковые объекты, она использует при их изучении, в основном, те же приемы и методы, что и другие лингвистические дисциплины, сочетая их со своими собственными методами и приемами, обусловленными спецификой объекта исследования [Филичева 1983: 30]. Кроме того, заимствуя у других наук различные методы и применяя их непосредственно к задачам изучения языка, диалектологи на их основе вырабатывают оригинальные приемы работы с языковыми фактами и с носителями языка. По меткому выражению Г. Лёффлера, диалектология с момента ее становления как науки всегда служила своеобразным полигоном для опробования методов и приемов, предлагаемым каждым новым направлением в лингвистике [Löffler 1974: 22].

Термин «метод» (*methodos* – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) в применении к лингвистике понимается как совокупность приемов, используемых в исследовании языка [Ахманова 2007: 232]. Каждому методу соответствует своя центральная исследовательская задача, своя область изучаемого объекта, свои требования, предъявляемые методом исследователю.

Среди всего разнообразия исследовательских методов в лингвистике большого внимания заслуживает *полевой подход* к изучению языкового материала. Следует различать «полевОй» и «пОлевый» методы.

Методами диалектологического (как и любого другого лингвистического) исследования являются сбор и обработка материала, представление собранных и обработанных данных, их интерпретация.

На начальном этапе используется **полевОй** подход, который предполагает работу в условиях, требующих в буквальном смысле «выезд в поле, за пределы кабинетных стен» [6], непосредственно для контакта с носителем исследуемого языка. «Поле» в данном случае – «работа, исследовательская деятельность в природных, естественных условиях» [Ожегов 2003: 552]. ПолевОй подход непосредственно связан с полевой лингвистикой, «разрабатывающей и практикующей методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями» [6].

Методы полевОго исследования включают *анкетирование* (метод косвенного (письменного) опроса), *интервьюирование* (метод прямого (устного) анкетирования) и *непосредственное наблюдение*.

Эффективность полевОй работы заключается в хорошей подготовке к ней еще за письменным столом. Так как задачей, определяющей стратегию опроса, является получение сведений о речи информанта, то немаловажное значение имеет составление программы лигвоостровного исследования и техника проведения интервью [Швейцер 1990: 481-482]. Заранее намечаются также прагматические параметры диалектологического обследования, например, принадлежность информантов к определенной возрастной или социальной группе населения, характер ситуации общения, функционально-стилистическая маркированность материала и т. п. [Филичева 1983: 31].

Анкета является неременным атрибутом диалектологических исследований и используется как при косвенном, так и при прямом методе опроса носителей говора. Данные анкеты, содержащие отдельные фразы, словосочетания, слова для перевода с немецкого языка на диалект, помогают установить языковую компетенцию информантов и дают фактический материал для лингвистического анализа. За основу при составлении диалектологических анкет часто используется уникальная анкета, разработанная Г. Венкером и вошедшая в историю немецкой

диалектологии под названием «предложений Венкера» (Wenker-Sätze). Эта анкета также широко применяется в оригинальном виде.

Интервьюирование может проводиться в форме свободной беседы с целью получения общей предварительной картины, касающейся языковой ситуации описываемого населенного пункта, языковой компетенции российских немцев. При этом выявление биографических данных, определяющих поведение диалектоносителей, несомненно, придает работе больше достоверности и объективности [Москалюк 2002: 9]. Интервьюирование, как правило, направлено на получение определенных языковых данных. Перед исследователем ставится задача активно воздействовать на речевую деятельность информанта, причем залогом продуктивной работы является создание наиболее успешных условий для продуцирования спонтанной речи, что, к сожалению, не всегда возможно. В подобной работе необходимо учитывать «человеческий фактор», не утомлять собеседника. В зависимости от вида работы к информантам предъявляются разные требования. В одних ситуациях важной является, как отмечает А. Е. Кибрик, способность к порождению повествовательных текстов; в других – умение организовать диалог и вовлечь в него другого информанта, главного испытуемого; в третьих – иметь языковую интуицию и способность актуализовать внеязыковой контекст, естественный для данного языкового выражения, особенно при установлении точных значений близких по смыслу языковых выражений [6].

В зависимости от конкретной цели исследования используются различные способы обнаружения языковых явлений, например, для обнаружения определенных грамматических фактов А. Е. Кибрик выделяет следующие продуктивные технологии получения информации:

1. *перевод с языка-посредника на язык-объект* (в исходном языковом выражении, которое предлагает исследователь, содержатся такие компоненты смысла, оформление которых интересует исследователя);

2. *парадигматический метод опроса* (выявляются парадигматические отношения между языковыми выражениями языка-объекта, например различными грамматическими формами какого-либо слова);
3. *метод подстановок* (замена в исходном высказывании одного элементарного смысла);
4. *перекрестный метод* (вопросы задаются вразброс с целью подавить нежелательные связи между ними);
5. *ассоциативный метод* (по ассоциации с текущим высказыванием строятся новые высказывания);
6. *перифразирование*;
7. *наводящие вопросы* (чтобы избежать прямых вопросов, интересующих исследователя);
8. *извлечение примеров* (на значение слова, грамматическое значение);
9. *стимул с исправлениями* (намеренное искажение языкового выражения на языке-объекте с целью убедиться в правильности формы, которой исследователь ожидает от информанта) и др. [6].

Метод непосредственного наблюдения диалектных явлений стал возможен после изобретения звукозаписывающих устройств, позволяющих устранить влияние искусственной атмосферы интервью, а также обеспечивших возможность многократного воспроизведения записей, особенно ценных при изучении темпа речи, акцентуации, ассимиляции, слабо изученных синтаксических явлений.

Эти методы позволяют в достаточной мере получить не только фиксированный материал для исследования объекта диалектологии – звучащей спонтанной речи [9: 32], но и извлечь лежащую в ее основе языковую структуру.

В дальнейшем производится описание и анализ полученных данных, представление их в виде целостного описания фонетики, грамматики и словарного состава диалектов или системной характеристики их отдельных явлений.

В истории развития методов диалектологического полевого исследования можно выделить следующие моменты.

До XIX века преобладают в основном *методы наблюдения и устного опроса* с целью регистрации особенностей местной лексики, отклоняющейся от общепризнанной литературной нормы. Итогом явилось создание так называемых идиотиконов. Первое научное описание современных диалектов было представлено в начале XIX века Й. А. Шмеллером, собравшим обширный материал по принципу «полной фиксации всего богатства местного народного языка» [Филичева 1983: 16] и опубликовавшим его в своих трудах «Диалекты Баварии в грамматическом изложении» (1821) и «Баварский словарь» (1827-1837). Для описания произносительных особенностей Й. А. Шмеллер разрабатывает собственную фонетическую транскрипцию.

Во второй половине 1870-х годов в Германии происходит *совершенствование метода письменной фиксации диалектов благодаря развитию научной фонетики*. Э. Зиверс разрабатывает методику точного анализа произносительных движений (так называемую «физиологию звуков» - Lautphysiologie) для решения фонетических проблем. В этот период появляются аутофонические исследования, так называемые «местные грамматики» (Ortsgrammatiken), содержащие детальное описание фонетической системы и менее подробное описание диалекта, при которых автор выступал в качестве собственного языкового информанта и описывал говор своей родины (работы Й. Винтелера, Ф. Хольтхаузена, А. Вагнера и многие др.) [Филичева 1983: 17].

Со второй четверти XX века, наряду с методами наблюдения и устного опроса, используется *метод косвенного анкетного опроса*. Впервые данным приемом воспользовался Г. Венкер (Georg Wenker, 1852-1911), разославший анкеты учителям народных школ. Как результат – богатый диалектологический материал, охватывающий всю языковую территорию

тогдашней Германии, послуживший основной языковой базой для составления «Немецкого лингвистического атласа» (1876).

В начале XX века, благодаря серии монографий «Немецкая диалектография» в 80 томах, основанной Ф. Вреде в 1908 году, применяется *комбинированный метод* сбора диалектного материала, сочетающий анкетирование с полевыми записями на местах. Сторонниками этого метода выступали многие видные диалектологи, среди них ученик Вреде Т. Фрингс, основатель Лейпцигской школы немецкой исторической диалектографии.

В этот же период совершенствуются методы фиксации языкового материала, появляются *первые аудиозаписи*. В 1901 году в трудах Венской Академии наук печатаются расшифровки, впервые организованной ею систематической фонографической записи образцов австрийско-немецких диалектов. В конце 60-х годов XX века в ФРГ под руководством основателя и директора Немецкого языкового архива Эберхарда Цвирнера осуществляется массовая запись немецких диалектов на магнитную ленту [Филичева 1983: 25].

В Советском Союзе в 20-30 годах XX века впервые была проведена большая полевая диалектографическая работа по комплексному обследованию говоров, фольклора и этнографических особенностей немцев-переселенцев: в Ленинградской области, Украине, Крыму, Закавказье под руководством выдающегося советского германиста В. М. Жирмунского (1891-1971), в Саратове и Энгельсе под руководством А. П. Дульсона.

В основном использовался *комбинированный метод* сбора материала: проводилось интервьюирование на местах с помощью анкеты Венкера, дополненной списком из 200 слов, составленных В. М. Жирмунским с учетом особенностей местного говора; эти же анкеты были разосланы по деревням, в ответ получены около 450 заполненных анкет. Применение подобного комбинированного метода позволило с большой полнотой и точностью описать особенности исследуемого диалекта или комплекса говоров [Филичева 1983: 27].

Методы извлечения лингвистической информации, охарактеризованные выше, не утратили своей актуальности и на сегодняшний день.

Но существует еще один подход, получивший широкое распространение в лингвистике. Он не связан в прямом смысле слова с исследованиями в полевых условиях, но является следующей ступенью лингвистического (диалектологического) изыскания, а его название также образовано от слова «поле». Это так называемый **полевой подход**, основанный на определенной функциональной концепции языка, использующей данный подход к описанию, анализу и разностороннему многоаспектному изучению языковых явлений.

Термин «поле» был впервые введен в семасиологии. Г. Ипсен предложил в труде "Der Alte Orient und die Indogermanen" (1924) термин «Bedeutungsfeld» (поле значения), где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением. Известный немецкий ученый Й. Трир ввел в лингвистический обиход термин Begriffsfeld (понятийное поле) (Der deutsche Wortschatz in Sinnbezirk des Verstandes, Heidelberg, 1931) [Щур 2007: 22].

С тех пор появилось множество полевых теорий, систематизирующих и описывающих языковые явления с точки зрения полевого подхода. Весьма спорными остаются типология языковых полей и их определения в современной лингвистике. Исследователи расходятся в главном – принципах моделирования поля, в определении типа идентификатора (имени) поля, понимании характера отношений между конститuentами (единицами) семантического поля [Щур 2007: 19-22]. Так появляются концепции парадигматических полей (Трир, Гуденаф, Лаунсбери, Косериу), синтаксических полей (Порциг, Вейсгербер), грамматического поля (Адмони), грамматико-лексических полей (Гулыга, Шендельс), функционально-семантических полей (Бондарко), морфосемантических полей (Духачек, Макаев), словообразовательных (Ревзина), ассоциативных (Балли, Ф. Галтон, Дж. Дженкинс, С. Сапорт) и др.

Интерес для лингвистов представляют не только отдельные языковые поля, но и полевой характер языка в целом. Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер.

В последнее время в современной лингвистике большая роль отводится функциональному подходу к изучению фактов языка, то есть такому подходу, при котором исходным пунктом исследования признается некоторое общее значение, а затем устанавливаются различные языковые средства выражения этого значения, относящиеся к различным уровням языка. Данной проблеме посвящен ряд работ, в которых подобная совокупность средств интерпретируется как поле. Например, в теории грамматико-лексических полей, рассматриваемой Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, в немецком языке категория поля определяется следующим образом: «Совокупность взаимодействующих средств образует систему – Грамматико-лексическое ПОЛЕ». Данные разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны отношениями, устанавливающими общие закономерности [Гулыга / Шендельс 1969: 8-9]. В концепции В. Г. Адмони представлена трактовка частей речи как полей, обладающих центром и периферией и пересекающихся с другими полями [Адмони 2004: 49-51]. Интерпретация различных средств выражения в языке времени, залога, вида и т. д. как функционально-семантических полей представлена в концепции функциональной грамматики А. Б. Бондарко. Функционально-семантическое поле, по его определению, это «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными

элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко 2001: 40].

Таким образом, как показывают основные работы в данной области (Адмони, 1964; Гулыга, Шендельс, 1969; Бондарко, 1971, 1972, 1983, 2001; Кузнецова, 1981 и др.), полевая концепция языка характеризуется следующими положениями:

- конституентами поля являются средства разных уровней, связанных между собой системными отношениями;
- наличествует общее значение, которое в той или иной степени присуще конституентам поля;
- поле образуется из составных частей – микрополей, как минимум двух;
- поле имеет вертикальную и горизонтальную организацию. По горизонтали располагаются семантические участки – микрополя (например, поле времени состоит из трех микрополей: микрополя настоящего, микрополя прошедшего и микрополя будущего); по вертикали – конституенты микрополей, которые в то же время являются конституентами макрополя [Гулыга / Шендельс 1969:10];
- в структуре поля разграничиваются ядро (центр) и периферия;
- в ядре сосредоточены определенные грамматические категории, обладающие полным набором свойственных им базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного поля, их максимальной концентрацией и интенсивностью;
- на периферии находятся единицы поля, функциональная нагрузка которых уменьшилась, поскольку они не имеют полного набора этих признаков;
- между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть на периферию;
- граница между ядром и периферией является размытой;
- конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей [Щур 2007: 65-72].

По мнению лингвистов Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, «рассмотрение языка с точки зрения полей имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как такой подход к языку соответствует естественным условиям речевого общения, когда грамматические, лексические (и фонетические) средства используются в синтезе, в их неотъемлемой связи, так что одни дополняют, усиливают или заменяют другие» [Гулыга / Шендельс 1969: 17].

К сожалению, полевый подход к изучению языковых явлений в диалектах еще не получил должного распространения в отечественной островной немецкой диалектологии. Исследование структуры того или иного семантического поля в диалекте, особенностей его конstituентов в свете современных полевых концепций представляет интерес для диалектологии новой проблем, возникающих по мере их изучения.

В нашем исследовании предполагается выявить функционально-семантическое поле каузальности (ФСПК) в современных верхненемецких диалектах, описать его структуру, взаимодействие, а также функционирование лексических и грамматических конstituентов в сопоставлении с соответствующими средствами русского и немецкого языков.

Мы предполагаем решение следующих задач: обозначить границы ФСПК в исследуемых диалектах; определить семантику (план содержания) и системно-структурную организацию (план выражения) конstituентов поля; классифицировать типологические и индивидуальные функции элементов поля причинности (каузальности), проанализировать характер отношений между ними; установить частотность употребления конstituентов ФСПК в современных верхненемецких диалектах.

Следует заметить, что наше исследование базируется на двух различных, но взаимодополняющих подходах к изучению языкового материала: полевом и полевом. На этапе сбора информации широко применяются методы анкетирования, интервьюирования, непосредственного

наблюдения, при описании и анализе полученных данных мы используем полевый принцип исследования языковых единиц.

Библиографический список

1. Адмони, А. В. Основы теории грамматики / А. В. Адмони; под ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - Изд. 4-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
3. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В.Бондарко. – Изд. 3-е, стереотипное. - М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 208 с.
4. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 348 с.
5. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. - М.: «Просвещение», 1969. – 184 с.
6. Кибрик, А. Е. Полевая лингвистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/77/1007704/1007704a1.htm>
7. Москалюк, Л. И. Современное состояние немецких островных диалектов: монография / Л. И. Москалюк. - Барнаул: Изд. БГПУ, 2002. – 292 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И.Ожегов, Н. Ю.Шведова. - Изд.4-е, доп. – М.: ООО «ИТИ Технология», 2003. – 994 с.
9. Филичева, Н. И. Диалектология современного немецкого языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / Н. И. Филичева. – М.: Высш. шк., 1983. - 192 с.
10. Швейцер, А. Д. Социоллингвистика / А. Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. – М.: 1990. - С. 481-482. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.durov.com/linguistics1/shveytser-90.htm>
11. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С.Щур. – Изд.2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264с.
12. Löffler, Heinrich. Probleme der Dialektologie. Eine Einführung. / Heinrich Löffler. – Darmstadt, 1974. – 175 с.

LITERARISCHE UND PUBLIZISTISCHE TEXTE DER RUSSLANDDEUTSCHEN AUS LINGUISTISCHER SICHT

B. Б. Меркурьева

*Иркутск, Иркутский государственный
лингвистический университет*

...Mit Russland im Herzen
und Deutschland im Sinn
Rosa Pflug

Was beinhaltet eigentlich der Begriff "Literatur der Russlanddeutschen"? Das ist ein eigenartiges und kompliziertes Phänomen, welches schon eine fast drei Jahrhunderte alte Geschichte hat. Zu diesem Problem gibt es literaturwissenschaftliche Abhandlungen. Ardi Schellenberg, Viktor Müller sind Autoren des Artikels "Литература российских немцев", der im Internet zu finden ist und eine diachrone Analyse dieser Literatur enthält (1). Helene Seifert hat in der Deutschen Allgemeinen Zeitung ebenfalls einen Artikel unter demselben Titel veröffentlicht (2). Sie charakterisiert ausführlich die literarischen Werke aus literaturwissenschaftlicher Sicht und betont den Gedanken über die Synthese der deutschen und russischen Kulturen.

Die linguistische Perspektive der Forschung scheint mir auch interessant und fruchtbar zu sein.

Anhand meiner Analyse habe ich festgestellt, dass die sprachliche Ausformung der literarischen Texte von Russlanddeutschen verschiedenartig sein kann: 1) Texte auf Russisch (Sandra Kell "Волчье ухо" (роман), Antonina Schneider-Stremjakowa "Жизнь – что простокваша" (роман), Reinhold Schulz "Ветераны") 2) russische Texte mit wenigen deutschen Einsprengungen z.B. Willi Muntaniol "Ты виноват уж тем, что немец»:

Капустин Яр вместо Волги.

Вот это – Wolgarepublik!

С такой способностью недолго
Загадить всей России лик

3) Texte auf Hochdeutsch (Lena Klassen "Wir selbst", Hermann Arnold "Mehr Freundlichkeit") 4) Texte in Dialekt (Jakob Hummel "Dr Schwob", "Sorga", Peter Klassen "De Foß") 5) Texte, die halb deutsch und halb russisch geschrieben sind (vor allem Liedertexte, z.B. Alle Jahr na kaschdyi god

Kommt das Christuskind pridjot (3)

6) Texte, die eine Mischung aus Sprachen und Varietäten darstellen. Der letzte Punkt ist für Germanisten von besonders großer Bedeutung. (Abram Warkentin "Ein schlimmer Fehler", Nelli Kossko "Die schenste Sproch uf dr ganza Welt".

In diesem Artikel sind für die Analyse die Texte der Russlanddeutschen der letzten Veröffentlichungsperiode (veröffentlicht von den BRD-Verlagen) gewählt worden. Bei den Autoren handelt es sich um Aussiedler, die in Russland aufgewachsen sind und einen großen Teil ihres Lebens dort verbracht haben. Sie sind aber keine typischen Bilinguale, wie beispielsweise die Europäer. Die weite Entfernung von Deutschland und der "Eiserne Vorhang" haben dazu beigetragen, dass ihre Sprache auch eine Art Inselfsprache (,островной язык') und stark vom Russischen geprägt wurde. Die Verleger betonen selbst, dass der Schreibstil der Autoren modern angepasst ist. Ich stelle die Hypothese auf, dass die Spezifik der Sprache der Russlanddeutschen trotz des „geglätteten“ Stils in ihren literarischen Werken widergespiegelt wird.

Der Themenkreis der Literatur ist von der sowjetischen Vergangenheit nicht wegzudenken. Sowjetische Realien, wie die aus der repressiven Sphäre stammenden Abkürzungen KGB, NKWD, die als Transliteration (4), d.h. in lateinischer Schrift geschrieben werden, oder auch Kurzwörter (Akronyme) wie Trudarmee, Trudarmisten, durchdringen die untersuchten Texte.

Beispiele: "Was haben wir dort verloren? *Die Trudarmee?*" [Maier, 1997: 115]. Das Kurzwort hat als erste Konstituente den

russischen Stamm 'Trud'. (Russizismen (5) werden im folgenden Text kursiv dargestellt).

“Das Leben eines *Trudarmisten* galt denen nichts” [Straub, 1997: 75]. Die Zusammensetzung wird vom russischen Stamm 'Trud' und vom deutschen Stamm 'Arm' (vom Wort 'Armee') mit Hilfe des deutschen Suffixes –st und der deutschen Endung –en gebildet. Aber im Deutschen gibt es keine Ableitung 'Armist(en)'.

Russizismen werden manchmal für den deutschen Leser erläutert, z.B. “Ich war damals 26 Jahre alt und hatte bereits Bekanntschaft mit dem *NKWD* gemacht”. In der Fußnote steht: Volkskommissariat für innere Angelegenheiten [Aul, 1997: 31]. Aber wenn im Text die deutsche Entsprechung gebraucht würde, ginge das zeitliche Kolorit des Berichtes über die damalige Zeit verloren. Die Abkürzung des russischen Begriffs ist schon zu einem Sinnbild der repressiven Sphäre geworden und hat durch die Verwendung in vielen vor allem publizistischen Texten eine negative Semantik erhalten.

Die russischen Namen *Marina*, Sachar Petrowitsch, Frieda Alexandrowna, in einem Bühnenschwank von Abram Warkentin “Ein schlimmer Fehler” sind unentbehrlich, weil sie die sowjetische Realität widerspiegeln [Warkentin, 1997: 250]. Die Anrede mit dem Namen und Vatersnamen ist im Russischen die Norm. Noch ungewöhnlicher wirkt im Deutschen die Anrede *Genosse* im Drama, z.B. “Setz dich, *Genosse* Romanow” [Warkentin, 1997: 251]. Im Unterschied zur Sprache der damaligen DDR, in welcher dieses Wort als Anrede der Parteimitglieder verwendet wurde, konnte es im Russischen in Bezug auf alle Menschen in alltäglichen Situationen gebraucht werden (товарищ). “Die *KGB*-Männer sind ja wie tollwütig” [Bauer, 1997: 34]. Hier wurde eine hybride Zusammensetzung verwendet, die zweite Komponente des Wortes ist ein deutsches Wort.

Der Titel der Erzählung von Waldemar Hermann *Palsanytsch* [Hermann, 1997: 126] wirkt ungewöhnlich fürs deutsche Ohr und Auge. Das ist die Transliteration der russischen flüchtigen Aussprache,

die auch eine verächtliche Konnotation hat und der Anrede Pawel Alexandrowitsch gegenübergestellt wird. Nur gegen Ende der Erzählung kommt die volle Schreibweise des Namens und des Vatersnamens zur Geltung: “In Russland hättest du noch gelebt, *Palsanytsch*! In Iwanowka warst du ein Mensch, dort warst du *Pawel Alexandrowitsch*! Um so einen *Brigadier* hat sich jeder Baubetrieb gerissen. Und wenn du schon gestorben wärst, da hätte sich ganz Iwanowka zum Begräbnis eingefunden” [Hermann, 1997: 130]. In diesem Kontext bekommt die neutrale Anrede eine positive Konnotation, denn mit dem Namen und Vatersnamen redet man Menschen an, die man auch verehrt und achtet. Die Tragödie der Aussiedler, die in Deutschland keine adäquate Arbeit gefunden haben und zu trinken begannen, wird hier auch mit Hilfe von sprachlichen Mitteln gezeigt. In Russland wurde der verstorbene Mann würdevoll *Pawel Alexandrowitsch* genannt, in Deutschland ist er zu *Palsanytsch* geworden. Hinter diesem Namenwechsel steht ein tragisches Menschenschicksal. Dieser Titel *Palsanytsch* ist eigentlich nur für die Russlanddeutschen und die Deutsch beherrschenden Russen verständlich. Er ist zwar wahrheitsgetreu, aber die Wahl dieser Zusammenziehung bei der Aussprache als einer oft wiederholten Anrede zum verstorbenen Freund erfüllt noch eine künstlerische Aufgabe: es zeigt die Einsamkeit und Abkapselung der Aussiedler in Deutschland. Er trinkt viel wie ein Russe, spricht wie ein Russe und bleibt von den Deutschen unverstanden. Weitere lexikalische Elemente unterstreichen auch diesen Gedanken. In derselben Erzählung kommt noch eine Anrede *Alkaschy* vor. So werden die Alkohol trinkenden Männer in Russland verächtlich genannt (die deutsche Entsprechung wäre ‘Säufer’). In dieser Erzählung reden die deutschstämmigen Frauen aus Russland so ihre alkoholabhängigen Männer an. “Die Weiber haben es herbeigeredet! Die haben es prophezeit: *Alkaschy*! Ihr sauft euch noch tot! Ja, wer wollte denn in **das schene ‘Teitschlant’**? (Die mundartlichen Formulierungen sind hier und weiter unten fett gedruckt) [Hermann, 1997:

130]. Dieses Beispiel enthält außerdem die dialektale Aussprache der Wortgruppe “das schöne Deutschland”.

Noch eine Besonderheit der Sprache der Russlanddeutschen Schriftsteller besteht darin, dass einige deutsche Sätze wie eine wörtliche Übersetzung aus dem Russischen wirken, z.B.: Wie sagen doch die Russen: *Die Dreifaltigkeit findet Gottes Wohlgefallen* [Hermann, 1997: 130]. Diesen Satz gebraucht der deutsche Aussiedler Alexej (er hat aber schon einen russischen Namen) aus der schon erwähnten Erzählung. Am Friedhof wendet er sich seinem verstorbenen Kumpel zuerst mit diesem Satz zu: “Dem ersten Schluck folgt der zweite, nicht, *Palsanytsch?*” [Hermann, 1997: 129]. Alexej trinkt wie ein Russe und bevorzugt auch russische Formulierungen. Waldemar Hermann macht eine erläuternde Bemerkung: “Wie sagen doch die Russen”. Im Russischen heißt es “Бог любит троицу». Das echte deutsche Sprichwort wäre: *Aller guten Dinge sind drei*”. Diese aus dem Russischen übersetzte Formulierung wirkt hier ungewöhnlich, man konzentriert sich auf die in diesem Kontext auffallenden Wörter: Dreifaltigkeit, Gott, sie bewirken hier einen geschwellenen und deswegen humorvollen Effekt. Der Autor der Erzählung setzt dieses Mittel ein, um höchstwahrscheinlich den tragischen Effekt einigermaßen zu mildern.

Meistens werden solche aus dem Russischen übersetzten Satzteile oder ganze Sätze ohne Kommentar des Autors gebraucht, z.B.: “Aber mir gelang es doch, *Samen des Zweifels auf ihre Seele zu werfen*”. (Im Russischen: заронить семя сомнения в душу). [Kosko, 1997: 167]. Im Deutschen würde in diesem Zusammenhang das Verb “streuen”) verwendet werden.

Viktor Heinz beginnt ganz ungewöhnlich seine Erzählung “Eine altmodische Geschichte”: “Es tut unheimlich weh, wenn man *dem eigenen Lied auf die Kehle treten muss*” [Heinz, 1997: 123]. Die von uns befragten Deutschen waren durch diesen Satz irritiert und fanden den Sinn unverständlich und sogar brutal. Im Russischen gibt es eine feste Redewendung, die hier wörtlich ins Deutsche übersetzt wird: «наступать на горло собственной песне».

Der Autor braucht wahrscheinlich diesen metaphorischen Satz, weil er ihn später auch umwandelt und das Verb “treten” auch in der direkten Bedeutung verwendet. Nach dem zitierten Satz folgen die Sätze: “Das gleicht einem Mord. Ja, ja, das ist richtiger Kindermord. Und so was ist nicht nur Majakowski widerfahren. Das gleiche Unglück ist mir selber zugestoßen. In meiner frühen Jugend schon. Aber *nicht meinem Lied habe ich auf die Kehle getreten, sondern meinem Kunstwerk, meiner vielversprechenden Plastik*” [Heinz, 1997: 123]. Aber erst am Ende der Geschichte erfährt der Leser, was für eine Plastik das gewesen ist – ein menschlicher Körperteil,....”der überall verpönt ist und so drollig aussieht, dass man ihn gar nicht nennen darf”....”Ist er nicht der wichtigste Hebel bei der Erhaltung des Menschengeschlechts” [Heinz, 1997: 124]. Die im ersten Satz geschaffene Spannung und Tragik verwandeln sich zum Schluss in eine komische Situation, besser gesagt in eine tragikomische, weil dieses “Kunstwerk” der Anlass war, weswegen der Ich-Erzähler von seinem Mädchen verlassen wurde.

In der Erzählung “Schlaflosigkeit” von Viktor Heinz fand ich eine Umwandlung des russischen Sprichwortes (Чтобы волки были сыты и овцы целы): “Wie soll ich es nun anstellen, *damit der Kritiker-Wolf gesättigt und das Vorgesetzten- Schaf geschont wird* [Heinz,1997: 120].

Die deutsche Sprache hat einen “Hauch” des Russischen, wenn auch die Schriftsteller für den künstlerischen (im folgenden Beispiel – den humoristischen) Zweck einen Wortwitz verwenden, z.B.: “Dafür sollte man dir einen Orden verleihen...oder den Ehrentitel *Held der sozialistischen Sauferei*” [Warkentin, 1997: 251]. Abram Warkentin verwendet in seinem Bühnenschwank “Ein schlimmer Fehler” eine Anspielung auf den typisch russischen (sowjetischen) Ehrentitel “Held der sozialistischen Arbeit”. Diese Erscheinung wird in der Stilistik als Allusion (6) bezeichnet und bewirkt humoristischen Effekt.

Das nächste Beispiel stammt aus einem Schwank. Die deutschen Schwänke des XVI. bis XVIII. Jahrhunderts hatten einen dominanten überregionalen Charakter, enthielten aber viele regionale

Eigentümlichkeiten und Entlehnungen aus dem Französischen und Italienischen, weil der Einfluss der französischen und italienischen Novellisten sehr groß war (7). Der Schwank als das literarische Genre nimmt eine Zwischenposition zwischen der Volks- und Autorenliteratur ein. Der Schwank der Russlanddeutschen Autorin Maria Malsam **“S muß gschmiert were”** ist ganz in Dialekt geschrieben, auch die Autorenrede ist in Dialekt: **“Im Haus beim Vetr Hannes isch dr Wasserhan kaputtgegan, un wie sich der Vetr net gquält hot, er konnt den Dingerich net in Ordnung bringe** [Malsam, 1997: 170]. Diese Geschichte erzählt von einem deutschen Mann, der einen Schlosser, der zuviel Geld bei der Reparatur des Wasserhahnes verlangt hat, nach einer gewissen Zeit mit Hilfe seiner eigenen Worte, die zum Titel gewählt werden, belehrt hat. Zuerst wird in dem Schwank das deutsche Wort ‘Schlosser’ verwendet: **“Do macht’r sich uf’n Weg un gung zum Schlosser”** [Malsam, 1997: 170]. Einige Zeilen später kommt im Text ein Russizismus *“Santechnik”* vor: **“Ei, däs loß nor fließe. Alles fließt net raus”, saat dr Jaschke, dr Santechnik** [Malsam, 1997: 170]. Dieser Russizismus deutet auf den Ort der Handlung hin: Russland. Bemerkenswert ist, dass die Sprache des Schlossers, vermutlich eines Russen, dialektal gefärbt ist. Sein eingedeutschter Name Jaschke (im Russischen Jascha, oder abwertend Jaschka) weist auch darauf hin. Die direkte Rede charakterisiert auch diesen schlampigen, unprofessionellen Menschen. Die Autorin verzichtet sogar darauf, dem wahrheitsgetreuen Charakter zuliebe, seiner Rede russische Züge zu verleihen. Dialekt bleibt hauptsächlich das künstlerische Mittel des ganzen Schwanks. Das russische Realienwort, wie die Bezeichnung des Autos – *Moskwitsch* ist auch ein Signalwort, das den Ort der Handlung festlegt und ein Beispiel der äquivalentlosen Lexik (im Russischen – безэквивалентная лексика) darstellt. Die Währungsbezeichnungen Rubel und Kopeke sind im Schwank auch eingedeutscht, sie bekommen eine dialektale Färbung: **“Dr Jaschke hot’m nur ‘n Ruwl gewwe.....Däs hot drselwe Jaschke im Aacheblick gmacht, awr dodrfor hott kaa Kopieje gnome”** [Malsam, 197:

171]. Diese zwei Wörter: **Ruwl** und **Kopieje** sind eine Art Lehnwörter, weil sie in der dialektalen Färbung dem Dialekt der Russlanddeutschen angeglichen werden.

Den Dialekt der Russlanddeutschen verwendet man in den auf Hochdeutsch geschriebenen Texten in der charakterologischen Funktion. Die Oma der Ich-Erzählerin aus der Erzählung von Nelli Kossko “Die **schenste Sproch uf dr ganza Welt...**” spricht den schwäbischen Dialekt der Russlanddeutschen “: “Nach dem Krieg in ein verschneites sibirisches Dorf verbannt, lebte sie weiter, wie sie es “**von dr Hoim gwehnt war**” [Kossko, 1997: 165]. Sie hegt ihr Recht, so zu sprechen, wie sie es von Kindheit an gewöhnt war (aufgewachsen ist sie im Dorf Straßburg, einem der vielen deutschen Dörfer am Schwarzen Meer: “**Ich biet’ de Leit die Zeit, wie mir dr Schnawl gwachsa isch, und wer mich net versteha tut, dem kann mr ewet net me helfa!**” [Kossko, 1997: 165]. Das geschaffene Sprachporträt hilft, diese Frau als eine selbstbewusste Persönlichkeit zu charakterisieren, die im Dorf geachtet wurde. Ihre sprachlichen Auseinandersetzungen mit der Germanistik studierenden Enkelin zeugen von der Fähigkeit der Oma zur Veränderung. Die Oma, die das Hochdeutsche generell abgelehnt hat (8), beginnt allmählich diese Sprachschicht nach der Übersiedlung in die BRD zu verwenden, um verstanden zu werden, obwohl sie das eine sehr große Überwindung kostet: “Als sie dann doch in ihr geliebtes “Reich” kam, ging sie als erstes in einen Gemüseladen und sagte vorsichtig, als wage sie sich auf dünnes Eis: “**Ich mechte, bittschen, drei Pfund Kartoffel und finf rote Beete!**” [Kossko, 1997: 168]. Obwohl die Rede der Grossmutter dialektal gefärbt ist, weil sie die Umlaute nicht beachtet, meidet sie bewusst die dialektale Bezeichnung der Gemüsesorten.

Kommen wir zu einigen Schlussfolgerungen. Die künstlerischen und publizistischen Texte der Russlanddeutschen Autoren haben einen klar ausgeprägten ethnospezifischen Charakter. Die Spezifik der Sprache der Russlanddeutschen findet in den publizistischen und künstlerischen Texten, die auch in Deutschland veröffentlicht werden, ihre Widerspiegelung. Die Russizismen, russische

Realienwörter, transliterierte russische Abkürzungen, die ungewöhnlichen Formulierungen, die an Übersetzungen aus dem Russischen erinnern und die Sätze auf Russisch tragen zum Ausdruck der doppelten Mentalität der Autoren bei. Das Vorhandensein des Dialekts hilft auch den Russlanddeutschen Autoren die Lebenssituation und die reale Sprache der Russlanddeutschen zu modellieren. Diese Sprache ist eine Mischung aus Hochdeutsch, Dialekt und Russisch. Zwei Sprachen und Kulturen bilden eine zusammenwirkende Bilateralität. Dialektale Zitate, Dialektismen und Russizismen dienen auch künstlerischen Zwecken. Sie tragen zum lokalen Kolorit bei, charakterisieren die handelnden Personen, schaffen die expressiven und komischen Effekte. Nach der Analyse weiterer Werke lassen sich sicherlich auch Aussagen über weitere künstlerische Effekte treffen.

ANMERKUNGEN

1. *Шелленберг А.* Литература российских немцев / А. Шелленберг, В. Мюллер // www.RD-Zeitung.de
2. *Зейферт Е.* Литература российских немцев / Е.Зейферт // Deutsche Allgemeine Zeitung. 16.03.2008
3. Песни и баллады Волжского села Блюменфельд. Lieder und Balladen des Wolgadors Blumenfeld. – М.: «Готика», 1999. – С.159.
4. Buchstabentreue Übersetzung eines nicht in lateinischen Buchstaben geschriebenen Wortes // Duden. Deutsches Universalwörterbuch A-Z. – München; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverla. – 1996. – S.1550-1551.
5. Unter Russizismen verstehen wir 1) Entlehnungen aus dem Russischen 2) Ausdrücke, die nach dem russischen Vorbild entstanden sind.
6. Besonders häufig sind Anspielungen auf Personen, Ereignisse, Lebensweisen, Aussprüche, literarische Zeugnisse, Sprichwörter, Redewendungen // Krahl S. Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. – S.13.
7. *Данилова В. А.* Композиционно-речевая реализация концептуальной области «Брак и семья» в немецких шванках XVI-XVIII веков: автореф. дис... канд. филол. Наук / В. А. Данилова. – СПб, 2007. – С.5.
8. Vgl.: „Während für einen Dialektsprecher in Deutschland der Sprachstandard zu seinem Sprachwissen gehört und der Dialekt nur eine der Varietäten des Deutschen bleibt, ist für einen Russlanddeutschen sein Dialekt zumeist **die** deutsche Sprache“. – Rösch O. Deutsch-Deutsch-Deutsches. Russlanddeutsche in Berlin / O. Rösch // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1995. – S.241.

LITERATUR

1. *Aul, V.* Der Passierschein / V. Aul // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Stuttgart, 1997. – S.30-33.
2. *Bauer K.* Leb wohl, Fjodor! / K. Bauer // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.34-39.
3. *Heinz V.* Eine altmodische Geschichte / V. Heinz // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.123-125.
4. *Hermann W.* Palsanytsch/ W. Hermann // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.126-130.
5. *Kosko N.* Die schenste Sproch uf dr ganza Welt.../ N. Kosko // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.164-169.
6. *Maier G.* Meine Mutter Karoline / G. Maier // Alle Spuren sind verweht. Russlanddeutsche Frauen in der Verbannung. Gesammelt und herausgegeben von Nelly Däs mit Unterstützung des Kulturrates der Deutschen aus Russland. – Stuttgart,1997. – S.113-126.
7. *Malsam M.* ‘S muß gschmiert were //Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.170-171.
8. *Straub A.* Wenn die Hoffnung nicht wär / A. Staub // Alle Spuren sind verweht. Russlanddeutsche Frauen in der Verbannung. – Ebenda. – S.75-98.
9. *Warkentin A.* Ein schlimmer Fehler / A. Warkentin // Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter 1997. – Ebenda. – S.250-259.

**ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ
СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ
КЛАССИЧЕСКОМУ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ**

Т. В. Минич

*Томск, Томский государственный
архитектурно-строительный университет,
кафедра немецкого и французского языков*

В статье предлагается разработка комплекса упражнений для активизации, закрепления рецептивных и репродуктивных лексических навыков и умений. Мы ставим целью рассмотреть новые приёмы в обучении лексическому аспекту немецкого языка. При этом принимается во внимание, что классический немецкий по своей сути является вторым иностранным языком для сибирских немцев. Однако не следует обучать лексической стороне немецкого языка изолированно от грамматической и фонетической сторон. Целью обучения иностранному языку является обучение речевой деятельности, включающей в себя лексику, грамматику и фонетику, именно поэтому очень важно при обучении учитывать соотношение этих трёх сторон системы языка.

В современной методике работа над лексикой рассматривается в свете задач развития речевых умений. В связи с вышесказанным необходимо упомянуть о комплексном подходе к языку как к объекту изучения. В этом плане методика взаимодействует с некоторыми отраслями языкознания, например, с лингвистикой, а также с психологией и примыкающей к ней психолингвистикой. Каждая из указанных отраслей знания рассматривает язык с определённой позиции. Но наиболее близким является взаимодействие лингвистики и методики в плане изучения лексического аспекта такого многопланового явления, как язык. И та и другая рассматривают язык как иерархическую структуру, состоящую из ряда

уровней, каждый из которых характеризуется собственным набором языковых знаков. Предметом изучения лингвистики и методики являются лексические единицы различных уровней (слова, фразеологические и другие устойчивые сочетания слов, клише, этикетные и речевые формулы). В связи с тем что слова служат своеобразными «кирпичиками» в здании под названием «язык», не будет лишним указать на проблему разработки системы упражнений, направленных на формирование и развитие лексических навыков – неотъемлемой части навыков говорение, аудирования, письма, чтения. Без знания слов, словосочетаний, правил образования словосочетаний просто невозможно научиться говорить на изучаемом языке, понимать на слух или корректно воспринимать письменный текст на языке, и, тем более, лексически верно письменно выразить то, что вы желаете сообщить. Это касается как первого, так и второго изучаемого языка.

Очень часто процессу изучения второго иностранного языка препятствует такое явление, как интерференция. Понятие интерференции нельзя назвать однозначным. Оно совершенно по-разному трактуется в психологии, психолингвистике, лингвистике и методике, однако можно обнаружить общие точки соприкосновения. В самой основе сущности интерференции лежит проникновение (введение) чужих элементов в высшие структурные сферы языка. Вследствие различных трактовки данной дефиниции исследователи выделяют либо языковую и речевую интерференцию (М.М.Михайлов, Л.В.Хохлова, Л.И.Баранникова, А.Е.Карлинский, А.К.Акбердина и др.), либо интерференцию и интеграцию (Е.Хауген, Ю.А.Жлуктенко, Ю.Ю.Дешериева, П.П.Шуба, А.Урбанова) [4: 6].

Отмечается, что в процессе перемещения единиц из одного языка в другой можно проследить фазы взаимодействия языков: интерференцию-процесс, интерференцию-результат (переходную ступень) и интеграцию – результат взаимодействия языков [4: 6].

Речевые единицы, явившиеся следствием структурных изменений, ставшие частью системы языка-интерферента, следует соотносить с результатом-продуктом взаимодействия языков – с интеграцией.

Традиционно к явлениям интерференции относят отклонения, не допускаемые системой интерферируемого языка и характеризующиеся индивидуальным или коллективным, окказиональным или относительно регулярным употреблением в речи, частичной ассимиляцией или отсутствием таковой, усвоенностью перемещающихся из одного языка в другой единиц синхронного плана, низкой частотой употребления в неосознанной, спонтанной речи, отсутствием ощущения билингвами иноязычности характера, неупотреблением единиц контакта при повторном произнесении фразы [4: 7]. К основным признакам интеграции относятся узуальное, системное, массовое, осознанное употребление перемещённых, ассимилированных, диахронных единиц с отсутствием ощущения иноязычности и высокой частотой их употребления [4: 7].

Наряду с отрицательным исследователи выделяют также и положительный перенос языковых единиц, который обозначен как трансференция. Отмечается, что при контактировании исследуемых дистантнородственных языковых систем трансференция языковых единиц не сопровождается нарушением нормы или системы, происходит при наличии или при отсутствии аналогичных речевых единиц в интерферируемом языке [4: 8]. В этом, по мнению автора, заключаются одни из главных условий усвоения первого (или второго) иностранного языка. В первом случае мы сравниваем языковые системы и нормы дистантнородственных языков (в данном случае, русского и диалектной формы языка немцев сибирского ареала, во втором – классического немецкого и его диалектной формы); в ситуации билингвизма приходится учитывать фактор интерференции и трансференции со стороны русского языка; а когда речь идёт о третьем языке, то наблюдается двойная интерференция и трансференция со стороны русского и классического

немецкого языков по отношению к исследуемому языку-реципиенту сибирских немцев. Данную ситуацию невозможно оценивать однозначно; без учета положительных и отрицательных сторон невозможно разработать оптимальный комплекс упражнений, направленных на формирование, закрепление лексических навыков, а также на развитие коммуникативной компетенции обучаемых.

Необходимо разработать принципы системы упражнений, направленных на формирование, закрепление и ситуативно обусловленное употребление в речи лексических единиц (слов, словосочетаний, клише, фразеологических оборотов). При этом нужно учитывать, что при выполнении упражнений в речи у билингвов неизбежно проявляются отклонения на фонетическом, лексическом, грамматико-синтаксическом уровнях. Также отмечается, что «особенно мощно русский язык вторгается в такие подсистемы немецких диалектов, как лексика и синтаксис». Только поняв причины такого рода отклонений, можно создать условия их возможного предупреждения.

При разработке системы упражнений необходимо принимать во внимание многие факторы, а именно:

- 1) цель изучения иностранного языка;
- 2) мотивацию, которая может быть совершенно различной у каждого из обучаемых;
- 3) психологические характеристики обучаемых;
- 4) уровень владения языковым материалом.

На практике преподаватели работают с обучаемыми, мотивация которых к изучению иностранного языка вообще и немецкого в качестве второго иностранного в частности очень низка. Причины такого уровня мотивации могут быть следующими: а) меньшая популярность немецкого языка по сравнению с английским; б) отсутствие какого-либо стимула к изучению немецкого языка; в) неуверенность в своих знаниях, навыках и умениях; г) неинтересная, скучная, по мнению обучаемых, форма проведения занятий. Усилия педагога должны быть направлены в первую очередь на то, чтобы

обучаемые заинтересовались и изучали немецкий язык. Это требует от него высоких профессиональных качеств, применения на занятиях современных технологий и средств обучения (не только видео, но и мультимедийного оборудования). Также необходимы постоянный контроль со стороны преподавателя, с одной стороны, и самоконтроль со стороны обучаемых – с другой. Немаловажное значение имеют учебно-методические разработки, отвечающие современным образовательным стандартам и обеспечивающие развитие иноязычной компетенции у обучаемых, особенно если речь идёт о студентах из семей российских немцев, но которые в быту на родном для них языке практически не разговаривают. Здесь преподаватель должен уметь корректно исправлять отклонения в речевом поведении студентов.

Формирование иноязычной компетенции в образовательном процессе имеет следующие характеристики:

- ограниченные временные рамки;
- наличие школьного, часто не в полном объёме, уровня знания немецкого языка;
- итоговый контроль в виде устного и письменного экзамена или теста;
- достаточно высокие требования, предъявляемые государственным стандартом образования, в том числе к знанию языкового материала.

Усвоение программного лексического материала может проводиться в соответствии с принципом лексического опережения в обучении иностранным языкам. Указанный принцип предполагает, что при обучении аспектам языка особое предпочтение должно отдаваться лексическому. Именно в лексике заложены те смыслы, с помощью которых и на основе которых происходит общение людей между собой (А.В. Кравченко, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко). Словоупотребление и словоупотребление тесно связаны с процессами формирования, формулирования и оформления мысли лексическими средствами иностранного языка [3].

Лексические знания представляют важную часть в когнитивной деятельности студента. В качестве составной части они входят в «когнитивную базу» обучаемого, обеспечивают прочную лексическую основу в овладении языком [2]. Приобретаемые знания о различных сторонах иноязычного слова влияют: а) на правильный выбор соответствующего значения иноязычного слова из всей его структуры для выражения указанного концепта; б) на умение комбинировать лексические единицы между собой на основе правил лексической и грамматической валентности; в) на умение выражать мысли имеющимися лексическими средствами. Для формирования лексической компетенции необходима система упражнений, так как в данном случае упражнение служит элементарной единицей обучения и не подлежит дальнейшему дроблению. Именно упражнение является тем методическим «кирпичиком», из которого вырастает вся система упражнений.

Упражнения, используемые на занятиях по иностранному языку, характеризуются определенными параметрами:

1) упражнение имеет конкретную направленность на обучение. В нашем случае упражнения будут нацелены на усвоение лексического материала, на его функционирование в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности. Упражнения должны с помощью заданий мотивировать учебную деятельность обучаемых;

2) в каждом упражнении зафиксирована конкретная задача, которая соотносится с целями обучения в области формирования лексических основ разных видов речевой деятельности;

3) в упражнении задано конкретное речевое действие (или несколько действий), определены условия его осуществления. Упражнение является формой единения языкового материала и действий с ним. В лексически направленных упражнениях, с одной стороны, действия будут носить репродуктивный характер, с другой стороны – они будут характеризоваться рецептивной направленностью;

4) в упражнениях задан предмет действия, который может быть материальным или идеальным. Если предмет действия идеальный, то упражнения нацелены на распознавание лексических средств, с помощью которых задана главная мысль текста (звукового или зрительного); если материал материальным (требуется сформировать и сформулировать мысль), то следует провести выбор лексических единиц, их комбинирование по определенным правилам, осуществить их включение в высказывание;

5) в упражнениях всегда прогнозируется речевой продукт. Продукт может обнаружить себя в виде высказанной мысли или в виде умозаключения после прослушанного или прочитанного текста;

6) на выполнение упражнения отводится определенное количество времени, которое может быть ограниченным и неограниченным;

7) упражнение выполняется на основе определенного вербального и невербального материала: слов и словосочетаний, речевых образцов, текстов, картинок, схем, карт и др.;

8) упражнения выполняются разными способами и в разных организационных формах;

9) каждое упражнение тесным образом связано с другими упражнениями и занимает определенное место. Порядок выполнения упражнений определяется нарастанием языковых и операционных трудностей.

В процессе выполнения любого упражнения преподаватель всегда обращается к потребностно-мотивационной сфере, к имеющимся знаниям, к ранее сформированным навыкам и умениям. Знание конкретного лексического материала, навыки и умения, сформированные на их базе, интересы и мотивы студентов выступают в качестве материального оснащения упражнений. Названные компоненты обеспечивают конкретную реализацию упражнения в учебном процессе.

Система лексически направленных упражнений строится на основе следующих положений:

1. Овладение единицами активного и рецептивного минимума должно опираться на познавательную потребность, познавательную активность и познавательные способности обучаемых.

2. Процесс усвоения лексических единиц активного и рецептивного минимумов следует рассматривать как информационно-познавательный процесс, связанный с приобретением (накоплением), хранением, применением лексических знаний и лексических единиц.

3. Упражнения, включенные в систему, должны соответствовать целям обучения иностранному языку в неязыковом вузе и быть адекватными процессу познания и процессу формирования соответствующих навыков и умений.

4. Усвоение лексических единиц активного и рецептивного характера должно опираться на разные виды компетенций студентов (коммуникативную, лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социокультурную и др.).

5. Овладение лексическим запасом должно происходить в опоре на все когнитивные процессы студентов (восприятие, внимание, воображение, память, мышление).

6. Тренировка и применение лексических единиц должны проходить в опоре на соответствующий лексический концепт и во взаимодействии с другими видами концептов.

7. Усвоение единиц активного и рецептивного характера должно быть ориентировано на социокультурное развитие студентов.

8. Овладение продуктивным и рецептивным словарным запасом должно отличаться своей коммуникативной направленностью в условиях деятельностного подхода.

9. Продуктивное и рецептивное владение единицами необходимого минимума следует рассматривать как решение целого ряда проблемных речемыслительных задач на основе творческого мышления студентов.

10. Система лексически направленных упражнений в целом и ее составляющие компоненты направлены на формирование лексической компетенции студентов.

Рассматриваемая система лексически направленных упражнений предусматривает в своей структуре две подсистемы. Подсистемы выделяются на основе такого показателя, как характер используемых знаний при формировании продуктивных и рецептивных лексических навыков. В каждой подсистеме упражнений выделяются типы упражнений. П.И. Гез указывает, что эффективность системы упражнений определяется ее типами. Она пишет в этой связи следующее: «Типы упражнений должны выделяться с учетом последовательности формирования навыков и характера операций, лежащих в их основе» [1: 373]. В каждый тип должны входить виды, обеспечивающие достаточное повторение новых лексических единиц.

Учитывая все вышесказанное, следует сделать очень важный вывод о том, что лексическая стратегия и ее аспекты представляют собой комбинацию интеллектуальных приемов и усилий, используемых обучаемым для понимания, запоминания и употребления знаний о лексической системе языка. Система приемов запоминания и усвоения лексической информации, система лексически направленных упражнений составляют технологическую основу реализации стратегии и ее аспектов.

Библиографический список

1. Гез, Н. И. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учеб. пособ. для студ. педин-ов по спец. №2103 «Иностранный язык» / Н. И. Гез. – М.: Высш. шк., 1982.
2. Шапов, А. Н. Система взаимосвязанного обучения лексическим навыкам устной речи и чтения на среднем этапе общеобразовательной школы (на материале немецкого языка): дис. ... канд. пед. наук 13.00.02 / А. Н. Шапов. – Н. Новгород, 1999. – 262 с.
3. Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе / С. Ф. Шатилов. – М.: Просвещение, 1986. – 223 с.
4. Бони, Р. А. Интерферирующее влияние русского языка на верхненемецкие говоры сибирского языкового ареала (на лексико-грамматическом уровне):

ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ ГЛАЗОВА СЕГОДНЯ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

*Н. Н. Орехова, В. Н. Иволина, Н. А. Перевощикова
Глазов, Педагогический государственный университет*

В 1948 году численность этнических немцев в Глазове, по данным О. Кельма [Кельм 2004: 18], достигла почти 7 тыс. Это были 2 категории: расконвоированные трудармейцы, направляемые с 1943 года на строительство промышленных объектов (3623 человека), и этнические немцы-граждане СССР, депортированные с территории Германии и Польши (3178 человек). На сегодняшний день количественные показатели колеблются от 55 до 300 человек, включая потомков в возрасте до 18 лет. Подобный факт уже сам по себе симптоматичен как свидетельство значительных изменений в этническом составе города со 100-тысячным населением. В настоящей публикации мы попытаемся обрисовать основные причины и последствия произошедших перемен, особенности современного бытования «островного немецкого» и этнической группы глазовских немцев. Авторы выражают признательность членам Центра немецкой культуры Глазова «Wiedergeburt – Возрождение» за активную помощь и заинтересованное участие в полевых исследованиях.

Несмотря на некоторые новации в подходах к пониманию национальной/этнической идентичности (самосознания), роль языка в этом, безусловно, динамическом процессе [Тишков 2003: 101-112] трудно оспорить. Язык в состоянии выразить всю палитру мироощущения, коллективных и индивидуальных представлений о всем сущем и о человеке; язык осуществляет «связь времен», сохраняет фольклор, духовный,

культурный, религиозный опыт этноса. Точно так же, как и этнос, язык существует во временном и пространственном измерении – историческом, демографическом, социокультурном, лингвокультурном. В структуре этнической идентичности определенную роль играет и менталитет (ментальность), как совокупность коллективных представлений, особенности психического склада этнической общности и отдельных индивидов, – факт, признанный в этнопсихологии [Крысько 2002].

Мы полагаем, что «эндоцентрическое» – сугубо лингвистическое – описание сегодняшнего состояния языка в Глазове целесообразно и желательно проводить с учетом совокупности целого ряда факторов – историко-демографических, социопсихологических, лингвокультурных, что мы попытались осуществить.

Начнем с анализа языковой ситуации. Из довольно условного числа этнических немцев и их потомков (по разным данным, от 55 до 300 человек), языком владеют не более 15 человек (говорение, слушание, чтение, письмо). При этом в быту, в других сферах общения немецкий язык используется sporadически: приветствия на торжественных мероприятиях, общение молодежи в летних лингвистических лагерях, на занятиях по немецкому языку, встречи с гостями из ФРГ. Таким образом, билингвизм (диглоссия) имеет явно выраженный крен в сторону русского языка. В полиэтнической Удмуртии некоторые этнические немцы обладают также базисными знаниями языка титульной нации, удмуртов, – скорее, на уровне рецепции и умения вести несложный диалог. В целом создается достаточно сложное впечатление: немецкая этническая общность осознает свою национально-культурную идентичность, но язык сохраняется только у старшего поколения (50-85 лет). Да, немецкий язык звучит в песнях, воспоминаниях о годах депортации и спецпоселения, но, уйдя из сферы живого общения – пусть внутрисемейного, бытового, – не превратился ли он лишь в этнографический символ? Полагаем, что в данной ситуации можно говорить о языковом

сдвиге [Вахтин, Головки 2004: 111-122], т.е. добровольном переходе на язык большинства, а именно русский, как более привычный язык-доминант.

Обратимся к демографическим данным. Подавляющее большинство браков – межэтнические (до 70%). В старшем поколении чаще муж – этнический немец, жена – русская (удмуртка, украинка, татарка). В подобных браках дети усваивали русский язык как материнский или язык межнационального общения, которым пользовались отцы – немцы в социальных контактах. Несколько иная ситуация складывалась при моноэтническом браке или когда супруга была немкой. Потенциально дети, рожденные в подобном браке, могли овладеть материнским языком. Из 15 этнических немцев, сохранивших язык, 10 оказались в подобной ситуации. Эти респонденты и другие, имеющие немецкие корни, отмечают роль женщин старшего поколения, бабушек, из уст которых звучала немецкая речь. Вот отдельные факты, озвученные в ходе свободной беседы. Они достаточно адекватно репрезентируют языковую ситуацию.

Сергей Л., 37 лет, с детства сохранил базовый уровень владения немецким языком, усвоенным от бабушки, которую называл mut(t)i. Быстро смог восстановить речевые навыки, когда получил приглашение прочитать курс лекций в Германии.

Элеонора Б., 55 лет, проживает с семьей в ФРГ с 1992 года. Родители – трудармейцы. С семьей проживала незамужняя сестра отца. Языком семейного общения был немецкий, к тому же Элеонора и ее сестра Эрика не посещали детский сад. Тетка, Гертруда Ган (1904-1998), выпускница Тифлисской гимназии, владела литературным немецким языком и прекрасно говорила по-русски, что обеспечивало полноценную диглоссию.

Муж Элеоноры Б., *Артур*, 57 лет, несмотря на то, что родился в моноэтническом браке, материнским языком не владел. Однако в этом маленьком языковом сообществе он не только сам заговорил по-немецки, но

горячо поддержал традицию воспитания дочерей в атмосфере родного языка и сохранения культурных традиций.

Валерий Н., 54 года, родился в моноэтической семье трудармейцев, в которой проживали бабушка и дедушка. Старшее поколение общалось по-немецки, дети приобрели речевые и рецептивные навыки. Однако молодое поколение (у Валерия Н., по его словам, это было осознанное решение) сделало выбор в пользу доминантного языка, сохранив некоторые рецептивные навыки языка материнского.

Думается, что стимулирующими факторами сохранения языка выступают следующие: моноэтнический брак, гендерный фактор – наличие в семье женщин, в том числе старшего поколения как носителей и хранителей языка, сознательное стремление родителей обучить детей родному языку. И тем не менее, ситуация угасания языка в семьях этнических немцев, ситуация языкового сдвига имеет и другие корни – политические, идеологические, социопсихологические. Через многие десятилетия сказываются последствия преступлений тоталитарного режима: депортация, насильственная репатриация, непосильный труд, голод и лишения, «вечное поселение» без права возвращения в места прежнего проживания и в особенности клеймо «наказанного народа».

Доставленные в 1948 году под конвоем в места «вечного поселения» немцы, бывшие трудармейцы и депортированные из Европы, не только жили в условиях несвободы, но были вынуждены испытать, особенно на первых порах, всю палитру негативного отношения со стороны местного населения: открытую враждебность, недружелюбие, отчужденность. В массовом сознании они были носителями «коллективной вины» за преступления немецкого фашизма, развязавшего войну, унесшую миллионы жизней народов СССР. Но атмосфера начавшегося мирного строительства брала свое. Добросовестность и ответственность в работе, тяжелые условия быта ссыльнопоселенцев, оторванных от родных, уже не вызывали открытой враждебности. Немаловажным оказался и половозрастной признак:

контингент трудармейцев в основном составляли мужчины, преимущественно молодые (18-40 лет), которые, вступая в брак, могли частично восполнить военные потери мужского населения. Уже с начала 50-х годов немецкие поселенцы начинают вступать в брак с жительницами Глазова. Часто это был поначалу гражданский брак. Органы ЗАГС отказывались регистрировать супругов, запрещали женщинам брать немецкую фамилию, препятствовали регистрации детей на фамилию мужа. Известно немало драматических эпизодов дискриминации в отношении жен немцев: отказ в приеме на работу, увольнение, исключение из партии [Кельм 2004]. Полностью не было преодолено предубеждение в отношении немцев и в последующие десятилетия. Один из авторов был свидетелем того, как в 1991 году коллегу, вступающую в брак с немцем, будущая свекровь настойчиво отговаривала от выбора фамилии мужа – но не преуспела. Необходимо также признать, что и сами немцы обоего пола не обозначали свою этническую принадлежность, зачастую скрывали ее, что имеет место и в наши дни. Все эти моменты мотивировали ассимиляционные настроения, отказ от немецко-русского билингвизма (диглоссии) – казалось бы, достаточно целесообразной модели личностно-семейного речевого поведения. Как следствие этнической дискриминации, поддерживаемой властями и «снизу», когда графа «национальность» и язык были меткой «чужой», немецкая речь почти не звучит в семьях глазовских немцев.

Созданный в 1993 году Центр немецкой культуры «Возрождение» объединяет 55 этнических немцев разных возрастных групп. Деятельность Центра охватывает широкий спектр культурно-просветительских и мемориальных мероприятий, поддерживаются контакты с республиканским отделением (Ижевск), городскими и районными центрами (Сарапул, Воткинск, Ува, Яр, Игра). Большое внимание уделяется приобщению молодого поколения к этнической культуре и традициям: проводятся встречи поколений, в рамках молодежной секции «Sternbild»,

организованы курсы немецкого языка, выезд в летние лингвистические лагеря, разучиваются национальные песни и танцы. Проводятся репетиции и выступления хора «Vögelein», в репертуаре которого песни немцев Поволжья и Кавказа. Примечательны праздничные торжества, сохраняющие этническую специфику: День урожая, День матери, Рождество (лютеранское и католическое), Пасха. В период тотального атеизма соответствующие конфессии были ликвидированы и впоследствии не восстановлены, но обрядовая сторона христианских праздников сохранилась: исполняются песни, вспоминаются обычаи и традиции, готовятся блюда и убранства праздничного стола. Традиционно звучит песня “Heimat”, слова которой “... könnt’, könnt’, könnt’, ich dich noch einmal sehen // kann jetzt nicht bei dir sein // muss in die Welt hinein” ассоциируются не с «европейской» Германией, а с малой родиной в Поволжье, на Кавказе, на Украине, куда было не суждено вернуться.

Особое место занимает День памяти – торжественно-траурное мероприятие, связанное с опубликованием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, который фактически положило начало тотальным репрессиям советских немцев [Герман, Иларионова, Плеве 2005: 433]. В этот день проводится посещение бывшего немецкого кладбища, мест захоронений военнопленных и трудармейцев в Глазове, с. Дзякино, с. Пудем, где установлены памятные знаки. Доброй традицией стало постоянное внимание к повседневной жизни трудармейцев, моральная и материальная поддержка соотечественников, находящихся уже в преклонных годах.

Благодарную память о себе оставил председатель Центра немецкой культуры Оскар Федорович Кельм (1924-2006). Под его руководством в деятельности сообщества сложились приоритетные направления: сохранение исторической памяти, приобщение молодежи к традиционной культуре и языку, правовая и информационная поддержка жертв политических

репрессий, конструктивный диалог с администрацией Глазова и соотечественниками в Германии.

В настоящее время активным структурным подразделением Центра “Wiedergeburt” по праву является Frauenklub во главе с Х.В. Крысовой (Бек), который координирует всю работу: воскресную школу для младших школьников, репетиции хора, проведение празднеств, лингвистические курсы, встречи с соотечественниками из Германии и др. Популярен обмен опытом ведения домашнего хозяйства (рукоделие, кулинария, садоводство, дизайн).

По предварительным наблюдениям, можно заключить, что в структуре идентичности немецкой этнической общности Глазова наибольшую устойчивость проявляют элементы материальной и духовной культуры, а также специфического психического склада (ментальность). Это традиционное уважение к старшим, забота о них, сохранение родственных связей, внимание к обустройству быта. Немецкому этносу традиционно присущи добросовестность, трудолюбие и упорство, способность переносить трудности и лишения, законопослушность.

Наиболее сложным, без сомнения, представляется вопрос о статусе немецкого языка – является ли он одним диалектом, интердиалектным образованием или совокупностью идиолектов? Было проведено анкетирование респондентов, с записью на цифровой магнитофон SONY TCD 100. Первое интервью было взято в июне 2007 года совместно с коллегой из Вятского гуманитарного университета доцентом О.В. Байковой. Анкета включала следующие вопросы.

1. Где Вы родились?
2. Кто Ваши родители?
3. Знаете ли Вы историю Вашей семьи? Рассказывали ли Вы об этом своим детям?
4. Рассказывали ли Ваши родители о своем знакомстве?
5. Говорили ли в Вашей семье по-немецки?

6. Как Вы считаете, соблюдались ли в Вашей семье немецкие обычаи и традиции (праздники, песни, традиционные блюда, предметы интерьера и дизайна и др.)?

7. Празднуете ли Вы традиционные праздники (День матери, Рождество по григорианскому календарю и др.)?

8. Приобщали ли детей в Вашей семье к рукоделию, кулинарии, другим видам ручного труда?

9. Звучали ли в Вашей семье комические и/или поучительные истории, семейные предания?

10. Какие поговорки, пословицы, присказки звучали из уст Ваших родителей, бабушек, дедушек?

11. Рассказывали ли Вам родители о своих любимых детских занятиях, забавах, играх?

12. Как в Вашей семье проводили зимние вечера?

13. Читаете ли Вы книги/периодику на немецком языке? Посещаете ли немецкоязычные сайты?

14. Есть ли у Вас родственники за рубежом? Поддерживаете ли Вы с ними контакты?

Всего респондентов – 10.

Мужчин – 3.

Женщин – 7.

Из них: 50-60 лет – 5,

70-80 лет – 3,

старше 80 лет – 2.

Языковые навыки, усвоенные с детства в живом семейном общении, создают достаточную базу для контакта, никакого психологического дискомфорта по поводу якобы недостаточной языковой компетенции респонденты не испытывали. Вместе с тем наши попытки взять интервью у представителей среднего и молодого поколения не увенчались успехом: потенциальные респонденты сообщили, что их немецкая речь «далека от совершенства». Хотелось бы отметить, что многие вопросы анкеты вызывали затруднения, чаще у респондентов-мужчин. На вопрос о посещении

немецких сайтов получено мало ответов. В дальнейшем вопросник будет перерабатываться, адаптироваться к возможностям и ожиданиям респондентов.

Описание собственно языковых/речевых особенностей осуществлялось в условиях отсутствия среди авторов специалистов-диалектологов, поэтому представим общую характеристику. Дикторы: Хельга К., Роза Т., Антонина Б., Анна Г., Виктор Г., Александр Д., Яков П., Валерий М., Татьяна О., Тамара К.

Фонетические особенности. Значительно интерференционное воздействие русского языка, что проявляется в следующем:

- отсутствие твердого приступа;
- неинтенсивная палатализация смычных [t], [p], [b], [k];
- оглушение консонантов: **teutsch/teitsch** < **deutsch**; **Cotas** < **Gotes**;
- замена назализованных смычными: **Ordnun** < **Ordnung**;
- глухой тембр произношения гласных [a:] [a];
- низкая частотность лабиализованного вокалика [y:];
- нивелировка оппозиции гласных по долготе /краткости;
- замена напряженных лабиализованных гласных ненапряженными:

Wer nicht heren will, muss **fielen**; монофтонгизация дифтонгов: **hess** < **heiß**;

- переход [ɔ̃ø] → [aē]: **teitsch**, **Leite**.

Особенности идиолекта представлены в молитве (орфография респондента сохранена):

Ich bin klein
Mein herzele ist rein
Kann nimant dort wonen
Alzizus allein
Kotas name
Schlafe kanne
Marje **frie**
Gsicht

Примечательно нарушение орфографической нормы, предусматривающей маюскульное написание нарицательных имен.

Речевая просодия заслуживает отдельного описания, однако на данном языковом уровне прослеживается более плавный ритм в синтагмах, увеличивается долгота гласного в финальном слоге, что мотивировано воздействием не только русского языка, точнее, северного великорусского диалекта, но и удмуртского языка с фиксированным ударением на конечном слоге.

Имеет место и лексическая интерференция. При паузах, хезитациях используются частицы НУ ВОТ, ТАК, НУ. Специфика морфологического и синтаксического уровней будет рассмотрена в дальнейшем. В целом речевые образцы позволяют предположить доминирование швабского диалектного субстрата.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что полученные результаты во многом совпадают с наблюдениями других исследователей немецких говоров России и постсоветского пространства. Мы, языковеды, преподаватели иностранных языков, возможно, склонны гипертрофировать роль языка в социуме, нормативную сторону речевой деятельности, забывая о факторе непрерывной динамики – языка, социума, отдельных этнических образований. В процессуальном пространстве этнической идентификации на отдельных хронологических срезах может видоизменяться соотношение, сфера и роль таких структурных компонентов, как культура, лингвокультура, язык, обычаи и традиции под воздействием демографических факторов, урбанизации, уровня образования и др. В процессах этногенеза феномен этнической идентичности выступает как сложное, комплексное явление, коррелирующее с условиями бытия этноса. В нынешнем состоянии немецких говоров просматриваются как приметы языкового сдвига, так и междиалектное взаимодействие, и воздействие языка большинства населения России, возможно, в направлении формирования Mixed language / Mischsprache / das Russische Deutch (смешанный язык). Время покажет векторы изменений. Сегодня этнические немцы в России живут и трудятся, радуются и

скорбят о прошлом, сохраняя и транслируя культуру и традиции. Задача исследователей – описать уникальный опыт «сбережения народа», точнее, самосбережения, как достойный пример межэтнического взаимодействия, открытости и толерантности.

Библиографический список

1. *Кельм, О.* Сквозь все невзгоды / О. Кельм. – Глазов, 2004.
2. *Байкова, О. В.* Исследования говоров российских немцев на территории Кировской области (в печати).
3. *Вахтин, Н. Б.* Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004.
4. *Крысько, В. Г.* Этническая психология / В. Г. Крысько. – М.: Академия, 2002.
5. *Герман, А. А.* История немцев в России / А. А. Герман, Т.С. Иларионова, И.Р. Плева. – М.: «МСНК – пресс», 2005.
6. *Тишков, В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ)

В. И. Сагина

*Красноярск, Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева*

Подготовка и публикация областных словарей – одно из приоритетных направлений современного языкознания и издательской деятельности. Областные словари отражают сокровища народно-разговорной речи, являющейся национальным достоянием, основой основ литературного языка; отражают в словах и фразеологизмах быт и духовный мир народа, его историю, психологию, социально-экономические и

другие отношения, обычаи и обряды, производственную сферу, мир природы и т. п.

Областные словари дают богатый материал для исследований, прежде всего лексикологических, хотя сам по себе словарь уже представляет результаты глубинного проникновения в лексико-фразеологическую организацию диалекта.

В отечественной лексикографии накоплен огромный опыт составления подобных словарей, наиболее значимыми из которых являются «Словарь русских народных говоров» (под ред. Ф. П. Филина), «Вершининский словарь» (под ред. О. И. Блиновой), «Псковский областной словарь» (сост. Б. А. Ларин) и др.

Что касается диалектных словарей российских немцев, то в настоящее время в Красноярске на базе Регионального диалектологического центра исследований языка немцев Сибири ведётся работа по созданию словаря диалектов российских немцев, который включил бы в себя весь лексический материал, накопленный за долгие годы преподавателями, аспирантами и студентами КГПУ им. В. П. Астафьева и других вузов.

Автором данной статьи была предпринята попытка создать полный словарь диалектной языковой личности¹ на основе записей речи одного информанта. Исходя из накопленного опыта, были сформулированы следующие принципы построения диалектных словарей:

1. Состав словаря. Одним из наиболее сложных вопросов, которые приходится решать при создании любого словаря, является вопрос об отборе слов. Как известно, диалектный словарь может быть дифференциальным, т.е. содержащим только диалектную лексику², либо полным, охватывающим в принципе всю лексику, бытующую в диалектной речи. Вслед за Б. А. Лариным, утверждавшим, что «дифференциальный подход к подбору словника для словаря нарушает системные связи лексики говора» [2], мы отдаём предпочтение полному словарю, который охватывает всю зафиксированную лексику и фразеологию диалекта, независимо от её

системной принадлежности. В словарь вводятся общеупотребительные и малоупотребительные лексические единицы, частотные и малочастотные, неограниченной сферы употребления и имеющие ограничения, нейтральные и эмоционально-экспрессивные и т.д. Разумеется, полнота словаря «будет не абсолютной, а относительной, потому что диалект представляет собой тип живого разговорного вечно меняющегося языка, не зафиксированного в письменности» [2].

2. Источники словаря. Основной источник – постоянно пополняемая картотека словаря, составленная на основе материалов, представляющих собой как записи диалектной речи информанта от руки (основной источник), так и дешифрованные записи на аудиокассету.

3. Структура словаря. Слова в словаре сгруппированы по лексическим темам: *Mensch, Familie, Eigenschaften/Charakterzüge/ Gemütsstimmung, das Äußere/körperlicher Zustand, Kleidung/Schmucksachen, Schuhe, Farbe, Haus/Wohnung/Hof, Küche, Küchengeräte, Tafelzugehör, Haushalt/Garten/Gartengeräte, Haustiere, Gemüsepflanzen/Feldfrüchte* и др. Слова внутри каждой темы расположены в алфавитном порядке. Для удобства работы в начале словаря содержатся немецкий алфавит, оглавление с указанием всех тем и список условных сокращений, а в конце – алфавитный словник (ABC-Register) – «свёрнутые» словарные статьи с указанием только номера темы и страницы:

arm XV, 7

Arm I, 1

aufmerksam III, 2

Auge I, 1 и т.д.

Важное дополнение любого словаря – приложения, которые являются своего рода систематизацией представленного в словаре материала по разным признакам. Так, одно из приложений анализируемого словаря содержит тематически сгруппированные пословицы, поговорки, приметы, восклицания, присказки и т.д. Ниже приведён пример выражений из тематической группы «Essen und trinken»:

1. Mit dem Gabel ist es Ehr, mit dem Löffel kriegt man mehr.
2. Dem Maul noch machen, da kann man die Dachreiter vom Dach verfressen.
3. Der wo sich nicht satt isst, der leckt sich auch net satt.
4. Wer viel frisst, der viel misst.
5. Der Hunger ist der beste Koch.
6. Der Koch wird vom Geruch satt.
7. Sauerkraut und Rüben,/Die haben mich vertrieben./Hät' meine Mutter Fleisch gekocht,/Da wär' ich bei ihr geblieben.
8. Wenn sich Herz und Mund will laben, muss die Nase auch was haben.
9. Er geht vom Tisch wie die Sau vom Trog.
10. Die Augen sein größer wie der Magen.
11. Beiß zu!
12. Die Hingl und die Küken und die Federn an den Füß', ei-jei, ei-jei, was schmecken die Konfekt so süß!
13. Was so fett is', is' so fett: Margret, räum die Küken weg.
14. Wie man isst, so schafft man auch.

Все собранные за время работы над словарём выражения (около 130) являются образцами истинного народного фольклора, несмотря на прошедшие десятилетия, они сохранили атмосферу народного быта, обычаев, культурных и этических норм немецкого населения.

Ещё одно приложение представляет собой краткий иллюстрированный словарь, наглядно демонстрирующий лексику по темам «Haus/Wohnung» и «Hochzeit».

4. Структура словарной статьи. Словарная статья описываемого словаря состоит из следующих компонентов:

А. Заглавное слово. Представлено его исходной формой (единственное число – у имён существительных, единственное число мужского рода – у имён прилагательных, неопределённая форма – у глаголов).

Б. Толкование значения. История составления любых словарей свидетельствует о постоянных поисках наиболее рациональных

методов толкования слов различных категорий словарного состава языка. Во всех одноязычных диалектологических словарях «лексико-семантическая система диалекта или всех говоров описывается в сопоставлении с лексико-семантической системой литературного языка» [3]. Но в случае с российскими немцами, диалекты которых развивались и функционировали изолированно от немецкого литературного языка, в чужом русскоязычном окружении, при определении значения слов, на наш взгляд, целесообразнее использовать приём перевода немецкого слова соответствующим ему словом русского литературного языка. В пользу перевода говорит и практическая направленность словаря, который ориентирован не только на тех, кто владеет немецким языком.

В диалектах также встречается лексика, не имеющая соответствующих эквивалентов в русском литературном языке: как правило, это слова, обозначающие реалии, которые отсутствуют в русской культуре, т.н. фоновая лексика. К этим реалиям «относятся такие тематические разряды лексики, как слова, связанные со старыми формами ведения сельского хозяйства, с названиями сельскохозяйственных орудий, хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев, игр, поверий, жилищ, надворных построек, кушаний, особенностей рельефа и др.» [3]. Таким образом, «подобно историческому словарю, словарь диалектный выполняет задачу отражения и закрепления достижений материальной и духовной культуры народа. Чтобы выполнить такую задачу, диалектный словарь должен в семантических описаниях дать картину объективного мира вещей и явлений, характеризующих жизнь и быт народа. Определения значений слов должны стать определениями самих предметов и явлений. Толкование в этом случае неизбежно переходит от определения значений слова к раскрытию, описанию идей, понятий, предметов и явлений реального мира. Происходит тесное переплетение принципов толковых (филологических) и энциклопедических словарей, причём это

переплетение и сближение является неизбежным, теоретически оправданным и практически целесообразным» [3]. Подобные дефинитивно-описательные определения использовались при объяснении значения следующих слов: **Riewelsuppe** – суп с затёртой мукой; **Spruch** – настенное украшение в виде красочно оформленных изречений религиозного содержания и др.

Чётко выделяющиеся значения многозначного слова снабжаются в словарной статье порядковыми номерами: alt – 1) старый; 2) einerlei ~ sein – быть одного возраста; 3) старый (бывший в употреблении).

Порядок расположения значений в словарной статье должен «определяться в зависимости от характера их логических отношений друг к другу: сначала помещаются общие, а затем частные значения, соответственно конкретные и абстрактные, прямые и переносные и т.п.» [4].

В. Фонетическая транскрипция. Наибольшее отличие немецких диалектов от литературного языка наблюдается на фонетическом уровне, поэтому особенностям произношения в словаре уделено особое внимание. Каждое слово, независимо от того, насколько оно отличается от произносительных норм немецкого литературного языка, даётся в фонетической транскрипции (по системе IPA – International Phonetic Alphabet) с указанием ударения: **Auge** – [ˈaːʁə]; **Gabel** – [gaːvl]; **Löffel** – [lɛfl] и т.д.

Г. Грамматические пометы. Грамматическая характеристика слова даётся с учётом сложившихся лексикографических традиций: у имён существительных указывается род (m, f, n) и форма множественного числа (Pl), у глаголов – переходность (vt, vi). У имён прилагательных в отдельных случаях приводятся формы сравнительной степени. У слов неизменяемых частей речи указывается их частеречная принадлежность (сj, prp, adv).

Д. Иллюстрации. Все иллюстративные примеры берутся только из источников. В самой словарной статье содержатся

словесные иллюстрации, которые содействуют лучшему раскрытию значения слова, показывают его употребление в диалектной речи, подтверждают существование слова в говорах. Изобразительные иллюстрации (рисунки, фотоснимки и т.п.) представлены в приложении. Они показывают обозначаемый диалектным словом предмет в его материальном облике и тем самым существеннейшим образом дополняют определение значения слова.

Е. *Этимология*. Происхождение указывается только в тех случаях, когда слово является заимствованием из русского языка: **Banja** – баня; ['banʏɔ] (f) [<rus.]; **Nuschnik** – туалет; ['nuʃnik] (m) [<rus.]; **Baran** – баран; [ba'ran] (m) [<rus.] и др. В остальных случаях этимологический аспект не затрагивается.

Ж. *Фразеология*. Фразеологический аспект представлен в словаре многочисленными пословицами, поговорками, устойчивыми сочетаниями, помещёнными за знаком (*) в конце значений многозначных слов или в конце словарных статей. Для объяснения смысла фразеологизмов приводится, как и в случае с отдельно взятым словом, русский эквивалент, а при его отсутствии даётся объяснение значения на немецком или русском языках: **Kappe** – шапка; * *Jedem Narren gefällt seine ~* (Sp) (≈ *Всяк кулик своё болото хвалит*), **Magen** – желудок; * *die Augen sein größer wie der ~* (jmd hat sich mehr auf den Teller gelegt, als er essen kann) и др.

З. *Спорные случаи*. На основе записей, сделанных во время опроса информанта, к сожалению, не всегда удаётся восстановить исходную форму слова. В этих случаях слово даётся в транскрипции, а словарная статья с указанием возможного родственного слова сопровождается знаком вопроса (?): ['brasnɔ] (m) – кофточка; [<rus. праздник ?]; ['di:ts,lapɔr] (m) [<Leibchen – лифчик, корсет ?] и др.

Таким образом, настоящий словарь по замыслу является *полным немецко-русским диалектным этнографическим словарём одной языковой личности с элементами энциклопедического толкования значений.*

Разумеется, реализация столь масштабного замысла займёт много времени, поэтому важно сразу определить реальные перспективы данного научного исследования и основные направления работы на ближайший период, к которым, по нашему мнению, относятся: сбор и систематизация языкового материала, сотрудничество с другими диалектологическими и этнографическими школами, консультации у ведущих специалистов в области диалектологии и этнографии.

Библиографический список

3. Гецова, О. Г. О характере областного (диалектного) словаря / О. Г. Гецова // Филологические науки. – 1964. – №3 (27).
4. Сорокалетов, Ф. П. О теоретических установках одного областного словаря. Современная русская лексикология / Ф. П. Сорокалетов. – М.: Наука, 1966.
5. Сорокалетов, Ф. П. Способы семантической разработки слов в областных словарях / Ф. П. Сорокалетов // Диалектная лексика, 1982: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1985.
6. Филин, Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф. П. Филин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Примечания

¹ Принципы построения, которые легли в основу этого словаря, идентичны принципам построения общего сводного словаря, целью которого является объединение в своём составе всех подобных научных трудов.

² Дифференциальность областного словаря разными лингвистами понимается по-разному: Ф. П. Филин отстаивает принцип территориального ограничения употребления слов. Основным критерием для помещения слова в словарь является, по его мнению, наличие «диалектной изоглоссы». В. Г. Орлова и А. И. Сологуб под критерием дифференциальности понимают принцип в отношении к литературному языку [1].

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Ж. А. Сержанова

*Красноярск, Сибирский государственный
технологический университет*

Проблема интерференции является одной из самых сложных проблем, имеющих отношение к языковому взаимодействию. Рассмотрим механизм интерференции на примере языка этнических немцев Красноярского края.

В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов все чаще наблюдается «вторжение норм одной системы в пределы другой», в результате чего происходит выравнивание взаимодействующих языков. Как показали результаты исследования, интерферентные изменения в речи немцев Красноярского края имеют место на морфологическом и синтаксическом уровнях.

На морфологическом уровне под влиянием русского языка происходит упрощение структуры языка этнических немцев, наблюдается тенденция к общему падежу. Так, например, в предложении *Potom habn zi: vns in andern dorf kšik* мы сталкиваемся с явлением унификации, когда окончание *-es* заменяется окончанием *-en*. Считается, что это происходит из-за недостатка языкового опыта у носителей: они не могут запомнить отклоняющиеся формы, таким образом, отклонения все чаще остаются вне внимания говорящих и постепенно выходят из употребления.

Следует заметить, что помимо тенденции к общему падежу в речи немцев-билингвов прослеживается тенденция к общим формам: *Mama habə zi:bn kindr nox*.

Характерной чертой языка этнических немцев также выступает отпадение редуцированного “e” в абсолютном конце слова: *vi:r hap g'hairatət.., der 16. oktobər hap iç...*

Следующая особенность данных речевых сегментов – частое отсутствие артикля: *in trudarme:, es kam ferlas, vi:r habn monat k'lebn, arvait va:r...*

Одним из наиболее характерных явлений, отличающих немецкий язык российских немцев от литературного языка и объединяющих его со многими другими немецкими говорами, является полинегативность. Например, в немецком предложении в отличие от русского, употребляется только одно отрицание, однако в монологах наших информантов можно наблюдать два и более отрицаний: *vi:r habn kəfrakt, vas ist dan kše:ən, hat vns kainə niçt k'antwortət; vi:r prauxn kainə arbaitr niçt; mit di:zər frau habə iç kainə kindr niçt.*

Считается, что двуязычие приводит к созданию однородности в морфологии и вырабатывает более простую систему языка. Так, например, немцы, проживающие в русскоязычных селах, довольно часто употребляют неправильные формы глагола: *Dan in Krasnojarsk habn vi:r monat kelebn. Im 15. septembr va:rən vi:r komən nax der štat Kansk.* Сам по себе процесс замены форм, отклоняющихся от общего правила, более стандартными и упрощение более сложных парадигм является, по словам Жлуктенко Ю.А., нормальным и естественным [Жлуктенко 1974: 109-110].

Безличное предложение оформляется по модели русского языка, опускается безличное местоимение и глагол-связка: *tragiše tsaidə – “Es sind tragische Zeiten”.*

Примером калькирования иноязычной грамматической модели в речи российских немцев может служить построение неопределенно-личных предложений. Как правило, немцы-билингвы употребляют бесподлежащные предложения или предложения с местоимением “sie”: *Imer šon pisi kelebt – man hat arm/schlecht gelebt; Was maxen? ...haben zi: vns auf di: aisenba:n keladn vnd vns kpraxt nax Zibirien; ... vnd habn vns kefa:rən kanzən monat.*

Выпадение глагола-связки либо подлежащего, выраженного местоимением, также является характерной чертой речи этнических немцев: *Main brudə kštorbn c голода. Dan ka:mn nax kolxos Karapsel. Als traktorist k'arvaitət.* Таким образом, в результате взаимодействия языков происходит устранение грамматических отношений, существующих в одном языке, ввиду их отсутствия в другом.

Следует отметить, что в речи российских немцев иногда опускается служебное слово в словосочетании, например, выпускается *als* перед заимствованиями: *В колхозе комбайнером hat er k'arvaitət; животноводом hat gšaft.*

Функцию соединения отрезков речи, будь то отдельные предложения или словосочетания, осуществляют служебные слова. В речи немцев эта функция часто осуществляется с помощью русских соединительных элементов (ну, вот, значит, конечно и др.): *Nu, da: va:r ič ruič...; ič primerno ..., Das va:r šwer kanetšnə..., Nu a potom main fa:dr..., potom ist main brudə kštorbn...*

Особенностью речи немцев-билингвов является введение временных придаточных предложений при помощи местоименного наречия *wie*, которое в этой своей функции соответствует союзу *als*: *Vi: ič va:r im felt, hat der pedsedatel ksakt... . Vi: vi:r haim komən, da va:r aləs avf di štrasə. Vi: dr kri:k am endə va:r, va:r imər trevoga. Vi: er kam avs der trudarme:, vi:r hap geheiratət. Vi: das gesets ka:m, das vi:r fort mustn fon Volga... . in di: letste minute, vi: vi:r šon k'ladn va:rən avf di: maši:ne.*

Анализ монологов показал, что респонденты не всегда правильно употребляют предлоги. В предложениях *Vi: der kri:k am endə va:r.... Der kri:k ist am endə* информанты вместо предлога “zu” используют предлог “am”.

По аналогии с русским языком при назывании дат информанты употребляют предлог “in” (в): *Im 15. august habn zi: vns k'praxt nax Zibirien. Im 15. septembə va:rən vi:r komən nax der štat Kansk.* Таким образом,

происходит изменение грамматического значения слова одного языка по образцу другого. Предлог русского языка “в” имеет лишь формальное сходство с предлогом немецкого языка “in”, но основное значение не всегда совпадает полностью. Так, например, в русском языке при обозначении дат используется предлог “в” (в 1980), тогда как в немецком языке при назывании дат, временных отрезков используется предлог “an” (Sie ist am 7. Juli 1982 geboren).

Подобное явление можно наблюдать в отношении немецкого предлога “nach”. Часто при обозначении места немцы-билингвы используют предлог “nach”, что не всегда соответствует нормам немецкого литературного языка: *Im 15. septembə va:rən vi:r komən nach der štat Kansk..* Если в русском языке предлог “в” употребляется при обозначении места назначения (в Красноярск, в Германию, в Канск), то предлог “nach” используется в немецком языке с наименованием городов, континентов, сторон света (nach Deutschland, nach Russland), а при обозначении места назначения употребляется предлог “in” (Ich kam in die Stadt Krasnojarsk). Следовательно, под воздействием предлога русского языка “в” происходит «расширение» грамматического значения предлога “nach” в немецком языке.

Сравнительно часто в датах при обозначении года встречается дословный перевод с русского: *aintausendnoinhundertaxtontfi:rtsiç = тысяча девятьсот сорок восьмой*, в то время как летоисчисление в немецком языке проводится обычно по сотням: *neunzehnhundertachtundvierzig = девятнадцать сотен сорок восемь*. Часто в речи этнических немцев можно встретить также следующее обозначение дат: *in zwaiəntfi:rtsiç, in einəntfi:rtsiç, bis seksəntfuftsiç*. Так, российские немцы по аналогии с русским языком употребляют даты, не называя сотен и тысяч, например «в сорок втором».

В условиях длительного влияния русского языка произошел процесс замены немецкого инфинитива финитной формой русского глагола: *Aləs mus pripominat’ (припоминать); potom vi:r mustn ge:ən tsvaimal im monat otmetšat’sja (отмечаться)*.

На синтаксическом уровне наблюдается нарушение рамочной конструкции предложения, которое вызвано влиянием русскоязычного окружения, так как для русского языка характерно отсутствие жестко фиксированного расположения частей речи в предложении. Несоблюдение российскими немцами этих правил говорит о влиянии русского языка. Немцы-билингвы зачастую забывают о строго фиксированном порядке слов в немецком языке.

Так, по данным нашего исследования, для речи немцев Красноярского края характерна синтаксическая модель предложения, построенная по русскому образцу с нарушением типичной для немецкого языка рамочной конструкции: *Main fa:dr va:r kənomn nax dr trudarme.: Vi:r sint k'vo:nt in dɛrɛvɲa Mumuxa. Vi:r mustn hoi pringn fir di: ki:. Da: habn zi: mir bekant g'maxt mit ainəm man. Er hat g'saut avf miç vnt saktə... . Am 22. juni ist ankəfangn de:r kr:k. Im 15. august habn zi: vns kpraxt nax Zibirien.. Dan habn zi: kenomn avf di: trudarme.: Vi:r sint alain kəbli:bn in dem dorf. In Zibirien habə iç niçt kelernt, mus iç blos šafn fi:l. Vi: iç va:r im feld....*

Отдельные выражения, заимствованные из русского языка, оказывают влияние на диалект и вызывают определенные изменения синтаксического плана. Например: *vi:r va:rən fɪnf kindr – нас было пятеро детей, tsu haus pai vns – у нас дома; mir habn zi: ksakt - мне сказали.*

Также в рассказах немцев-билингвов встречаются выражения типа: *Va:r iç 15 jo:re alt. Di: mama hat k'arvaitet in kolxos. Va:r iç pis seksvntfuftsɪç in der trudarme:.* Данная конструкция заимствована из русского разговорного языка: “было мне тогда”, “был это сорок второй год”.

По аналогии с русским языком, где возможно такое сочетание слов как: “в октябре месяце”, немцы-билингвы, обращаясь к диалекту, используют следующее словосочетание: *vi:r sint həkonn in ainvntfi:rtsiç in aktobə monat.* Такого рода калькирование наблюдается при длительном взаимодействии языков и является

показателем того, что структура языка-модели (в данном случае русского) преобладает в сознании двуязычных и, даже переключаясь на другой язык, они продолжают мыслить категориями первого [Жлуктенко 1974: 114].

Характерной особенностью речи российских немцев является также синтаксическая редупликация: *imər gšaft, gšaft, gšaft* – *всегда/постоянно работали, работали, работали*.

Итак, процесс взаимодействия и взаимовлияния языков сопровождается упрощением морфолого-синтаксической системы диалектов и вызывает заметное развитие аналитических тенденций. Необходимо заметить, что рассмотренные выше случаи русско-немецкого языкового взаимодействия относятся исключительно к индивидуальной речи этнических немцев Красноярского края. Однако нельзя не согласиться в предположением С.В. Смирницкой [Смирницкая 2002: 222] о том, что, если «учитывать то обстоятельство, что контакты (в том числе и языковые) между немецкими поселенцами и русскоязычным населением осуществлялись практически повсеместно на территории России (и бывшего СССР) с момента появления первых немецких поселений, представляется возможным констатировать с большой долей вероятности», что факты, засвидетельствованные в речи немцев Красноярского края, обладают известной универсальностью, отражая общие тенденции влияния русского языка на диалекты (идиолекты) этнических немцев на уровне слова, словосочетания и предложения.

Следует признать, что изменения в речи немцев-билингвов представляют собой отклонения от нормы языка, «перенесение» правил одного языка на другой. У. Вайнрайх подчеркивал, что при взаимодействии двух языков «образцом для имитации обычно служит та грамматическая модель, которая использует в своей парадигме относительно свободные и инвариантные модели» [Вайнрайх, цит. по: Жлуктенко 1974: 109]. По словам Ю.А. Жлуктенко, «тенденция к упрощению при двуязычии действует всегда» (Там же).

Исходя из полученных данных можно утверждать, что диалект под воздействием русского языка очень упростил свой грамматический строй (отсутствие артиклей, выпадение глагола-связки, подлежащего, выраженного местоимением).

В настоящее время в речи немцев Красноярского края можно наблюдать следующие явления:

- 1) нарушение порядка слов в предложении;
- 2) инверсия в предложениях по аналогии с русским языком;
- 3) тенденция к общему падежу/форме;
- 4) отпадение редуцированного “е” в абсолютном конце слова;
- 5) употребление неправильных форм глаголов (причастия II);
- 6) выпадение подлежащего, выраженного местоимением;
- 7) выпадение глагола-связки;
- 8) введение временных придаточных предложений при помощи местоименного наречия *wie*;
- 9) отсутствие артикля;
- 10) явление полинегативности;
- 11) нестандартное произнесение названий дат;
- 12) расширение грамматического значения предлогов.

Однако следует признать, лишь некоторые представленные выше языковые особенности, обнаруженные в речи этнических немцев, вызваны влиянием русского языка (табл. 1).

Таблица 1

**Примеры интерференции в речи российских немцев
Красноярского края**

Результаты взаимодействия языков	Диалект	Литературный немецкий язык	Русский язык
На синтаксическом уровне			
Нарушение рамочной	<i>Am 22. juni ist ankefangn der kri:k.</i>	<i>Am 22. Juni ist der Krieg angefangen.</i>	22 июня началась война.

<p>конструкции предложения</p>	<p><i>Im 15. august habn zi: uns kebraxt nax Zibirien.</i></p> <p><i>Potom vi:r musten ge:n tsvaimal im monat otmečat'sja.</i></p> <p><i>Dan habn zi: k'nomn auf di: trudarme:.</i></p> <p><i>Vi:r sint alein k'bli:bn in dm dorf.</i></p>	<p><i>Am 15. August haben sie uns nach Sibirien gebracht.</i></p> <p><i>Dann mussten wir uns zweimal im Monat eintragen lassen (gehen).</i></p> <p><i>Dann haben sie uns in die Trudarmee genommen.</i></p> <p><i>Wir sind allein in dem Dorf geblieben.</i></p>	<p><i>15 августа нас привезли в Сибирь.</i></p> <p><i>После мы должны были два раза в месяц ходить отмечаться.</i></p> <p><i>Потом нас забрали в «трудармию».</i></p> <p><i>Мы остались в деревне одни.</i></p>
<p>Заимствование конструкций из русского языка</p>	<p><i>Va:r ič 15 jo:re alt.</i></p> <p><i>Va:r ič pis seksunfufuftsic in der trudarme:.</i></p>	<p><i>Ich war 15 Jahre alt.</i></p> <p><i>Ich war bis sechsundfuenfzig in der Trudarmee.</i></p>	<p><i>Было мне 15 лет.</i></p> <p><i>Был я до пятьдесят шестого в «трудармии».</i></p>
<p>Оформление безличных предложений по модели русского языка, т.е. опускается безличное местоимение и глагол-связка</p>	<p><i>tragiše tsaide</i></p>	<p><i>Es war tragische Zeit.</i></p>	<p><i>Страшные годы.</i></p> <p><i>Страшное время.</i></p>
<p>Употребление бесподлежащих предложений</p>	<p><i>Vas maxen?</i></p> <p><i>...habn zi: vns auf di: aisenba:n keladn vnd</i></p>	<p><i>Was mussten wir machen?</i></p> <p><i>Man hat uns auf die Eisenbahn</i></p>	<p><i>Что делать?</i></p> <p><i>Они посадили нас в поезд и</i></p>

или предложений с местоимением “sie”	<i>uns kpraxt nax Zibirien;</i> <i>... und habn uns kefa:rən kanzən monat;</i>	<i>geladen und nach Sibirien gebracht.</i> <i>Man hat uns den ganzen Monat gefahren.</i>	<i>отправили в Сибирь.</i> <i>Нас везли целый месяц.</i>
Отсутствие служебного слова в словосочетании	<i>В колхозе комбайнером hat er k'arvaitət;</i> <i>Животноводом hat gšaft;</i>	<i>Im Kolchos hat er als Mähdrescherführer gearbeitet.</i> <i>Er hat als Viehzüchter gearbeitet.</i>	<i>В колхозе он работал комбайнером.</i> <i>Он работал животноводом.</i>
Служебные слова осуществляют функцию соединения отрезков речи с помощью русских соединительных элементов	<i>Nu, da: va:r iç ruiç...;</i> <i>iç primerno,...;</i> <i>Das va:r šver kanetšnə, ...;</i> <i>Nu a potom main fa:dr, ...;</i> <i>potom ist main prudə kštorbn.</i>	<i>Da war ich ruhig...;</i> <i>Ich, zum Beispiel,...;</i> <i>Das war schwer, natürlich,...;</i> <i>Dann hat mein Vater ...;</i> <i>Dann ist mein Bruder gestorben.</i>	<i>Ну, тогда я была спокойна...;</i> <i>Я, примерно, ...;</i> <i>Это было тяжело, конечно,...;</i> <i>Ну, а потом мой отец ...;</i> <i>Потом умер мой брат.</i>
На морфологическом уровне			
Выпадение подлежащего, выраженного местоимением	<i>Dan ka:mn nax kolxos Karapsel.</i> <i>Als traktorist k'arvaitet.</i>	<i>Dann kamen wir in Kolchos Karapsel.</i> <i>Ich habe als Traktorist gearbeitet.</i>	<i>Затем (мы) приехали в колхоз Карансель.</i> <i>(Я) работал трактористом.</i>
Отсутствие артикля	<i>In trudarme:, es kam ferlas,</i>	<i>in der Trudarmee, es kam der Verlass,</i>	<i>В русском языке артикли</i>

	<i>vi:r habn monat kelebn,</i> <i>Arvait va:r ...</i>	<i>wir haben ein Monat gelebt,</i> <i>Die Arbeit...</i>	отсутствуют.
Выпадение глагола-связки	<i>Main pruder k'storben c голода.</i>	<i>Mein Bruder ist vor Hunger gestorben.</i>	<i>Мой брат умер от голода.</i>
Явление полинегативности	<i>Vi:r habn k'frakt, va:s ist dan k'se:en, hat uns kainə niçt g'antvortet.</i>	<i>Wir haben gefragt, was dann geschehen ist, hat keiner uns geantwortet.</i>	<i>Мы спросили, что произошло, никто нам не ответил.</i>
Замена немецкого инфинитива финитной формой русского глагола	<i>Aləs mus pripominat';</i> <i>Потом vi:r mustn ge:ən tsvaimal im monat otmetšat'sja.</i>	<i>Man muss an alles zurückdenken.</i> <i>Dann mussten wir uns zwaimal im Monat eintragen lassen.</i>	<i>Все нужно припоминать.</i> <i>Потом мы должны были ходить два раза в месяц отмечаться.</i>
«Расширение» грамматического значения предлогов	<i>Im 15. august habn zi:uns k'braxt nax Sibirien.</i> <i>Im 15. september va:ren vi:r komn nax der štadt Kansk.</i>	<i>Am 15. August haben sie uns nach Sibirien gebracht.</i> <i>Am 15. September waren wir in die Stadt Kansk gekommen.</i>	<i>15 августа нас привезли в Сибирь.</i> <i>15 сентября мы приехали в город Канск.</i>
Обозначение года путем дословного перевода с русского языка	<i>aintausentnoinhundert axtuntfi:rtsiç,</i> <i>aintausentnoinhundert draiuntfuftç,</i>	<i>neunzehnhundert–achtundvierzig,</i> <i>neunzehnhundert-dreiundfuenfzig,</i>	<i>тысяча девятьсот сорок восьмой,</i> <i>тысяча девятьсот</i>

			<i>тридцать пятый,</i>
	<i>aintausentnoinhundert ainuntfi:rtsiç,</i>	<i>neunzehnhundert- einundvierzig,</i>	<i>тысяча девятьсот сорок первый,</i>
	<i>in tsvaiuntfi:rtsiç,</i>	<i>im Jahre neunzehnhundert- zweiundvierzig,</i>	<i>в 1942 году (в сорок втором),</i>
	<i>in ainuntfi:rtsiç,</i>	<i>im Jahre neunzehnhundert- einundvierzig,</i>	<i>в 1941 году (в сорок первом),</i>
	<i>bis seksuntfuftsic</i>	<i>bis zum Jahre neunzehnhundert- sechsundfuenfzig,</i>	<i>до 1956 года (до пятьдесят шестого)</i>

Библиографический список

1. *Смирницкая, С. В.* Труды по германистике и истории языкознания / С. В. Смирницкая. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.
2. *Жлуктенко, Ю. А.* Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

DER GANG DER “DEUTSCHEN DIALEKTOLOGIE” VON VIKTOR SCHIRMUNSKI BIS HEUTE

*Dieter Stellmacher,
Göttingen*

Wer sich über die deutschen Dialekte und die Dialektologie des Deutschen informieren/unterrichten will, wird – wo er auch leben mag – an einem Buch nicht vorbeikommen: Die «Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und

Formenlehre der deutschen Mundarten» (Berlin 1962), Originaltitel «Немецкая диалектология» (Moskau/Leningrad 1956). Autor dieses in der deutschen Übersetzung von Wolfgang Fleischer 662 Seiten starken Buches (das Original umfasst 636 Seiten) ist der 1891 in St.Petersburg geborene und 1971 in Leningrad gestorbene Viktor Maximowitsch Schirmunski¹.

Schon der äußere Umstand, dass zwischen dem Erscheinen der Originalausgabe im Verlag der Sowjetischen Akademie der Wissenschaften und seiner deutschen Übersetzung im Berliner Akademie-Verlag nur sechs Jahre liegen, deutet an, dass es sich um ein außerordentlich wichtiges Werk der Sprachgermanistik handeln muss. Durch seine deutsche Übersetzung ist das Buch auch in Westeuropa bekannt geworden (eine englische oder französische Übersetzung gibt es nicht).

In dem Buch behandelt Schirmunski alle deutschen Mundarten/Dialekte im «geschlossenen Verbreitungsgebiet der deutschen Sprache», so wie er sich nach dem Zweiten Weltkrieg darstellt. Wie im Buch vorgegangen wird, soll ein kleines Beispiel zeigen, der *s*-Plural². Er ist in der deutschen Literatur-, Standardsprache auf eine kleine Substantivgruppe beschränkt: Kurzwörter mit vokalischem Ausgang (*Opas* — ‘дедушки’, *Sozis* — ‘социалисты’), Familiennamen (*die Schneiders*), Fachwörter (*Hoch-Tiefs* — ‘области высокого/низкого давления’ Seemannsprache), Abkürzungen (*PKW's*), Fremdwörter (*Parks* — ‘парки’). Dialektal finden sich die *s*-Plurale verbreitet im Niederdeutschen, Niederfränkischen und Ostmitteldeutschen (Nordthüringen, Obersachsen). Schirmunski systematisiert die betroffenen Substantive und erläutert die Entstehung der Pluralform im nördlichen und mittleren Deutsch. Beides, die Systematisierung und die Sprachgeschichte erfolgt umfassend. So wissen wir jetzt, dass es starke Maskulina und Neutra mit bestimmten Wortausgängen sind, Diminutive, Einsilbler und Verwandtschaftsbezeichnungen, im Westfälischen auch schwache Maskulina.

Methodisch schließt sich Schirmunski in seiner Darstellung von Erscheinungen der Laut- und Formenlehre der landschaftsgrammatischen

Vorgehensweise an, also ein historisches Bezugssystem (meist das Mittelhochdeutsche oder das Westgermanische), Zuordnung der dialektalen Laute und Formen, Beschreibung von durch die Sprachgeschichte hervorgerufenen Veränderungen. Das ist eine Methode, die die Schule der sog. Junggrammatiker im späten 19.Jh. entwickelt hat³. In dieser Weise haben Schirmunski und seine Mitarbeiter zahlreiche russlanddeutsche Dialekte untersucht, die “Deutsche Dialektologie”, die eine Summe all dieser Forschungen ist, folgt im Grundsatz auch dieser Methode. Deshalb heißt es bspw. “Langes a wurde in der weitaus überwiegenden Mehrzahl der hochdeutschen Mundarten in unterschiedlichem Ausmaß gehoben und gerundet zu å, □⁴”: *m□le* ‘malen’ - ‘рисовать’, *š□f* ‘Schaf - ‘овца’.

Mit dieser Vorgehensweise, Schirmunski nennt sie “linguistischer Modernismus”, befindet er sich auf der Höhe seiner Zeit, nämlich der dialektgeographischen und kulturmorphologischen Entwicklungsstufe der Dialektologie. Wir unterscheiden hier sechs Stufen, die zwar ineinander übergehen, aber doch auch deutlich voneinander zu unterscheiden sind: Die 1.Stufe ist die frühe Lautphysiologie (das ist die genaue phonetische Beschreibung mundartlicher Laute); die 2.Stufe ist die Dialektgeographie (das sind die Forschungen im Umkreis des Deutschen Sprachatlas); die 3.Stufe ist die Kulturraumforschung/Kulturmorphologie (das ist die Erklärung dialektgeographischer Befunde mit Hilfe historischer, geographischer, volkskundlicher und kultureller Verhältnisse); die 4.Stufe ist die Strukturgeographie (das ist die Anwendung strukturalistischer Vorstellungen und Methoden auf dialektale Gegebenheiten); die 5.Stufe ist die Sozio- und Pragmalinguistik (das ist die grundlegende Berücksichtigung sozialer und kommunikativer Umstände auf den Gebrauch oder Nichtgebrauch des Dialekts); die 6.Stufe ist die Varietätendynamik (das ist das Arbeiten mit grundsätzlich gleichbewerteten sprachlichen Varietäten, sprachlichen Existenzformen, und ihren unausweichlichen Veränderungen im Sprachleben).

Die Gliederung der Geschichte der Dialektologie in voneinander unterscheidbare Epochen hat schon einer der Begründer der deutschen Dialektgeographie vorgenommen, Ferdinand Wrede (1863-1934); nach ihm sind die statistische, die phonetische und die dialektologische Epoche zu unterscheiden⁵. Man darf sich diese Stufen nicht als streng voneinander geschieden vorstellen. Wie immer bei geschichtlichen Einteilungen und Periodisierungen gehen die Stufen ineinander über und bilden einen Entwicklungsweg, -strang, dessen Teile sich erst analytischer Betrachtungen erschließen. Wenn es der Lautphysiologie darum ging, “zuerst eine genaue lautphysiologische beschreibung aller im einzelnen dialecte vorkommenden laute zu geben”⁶, so ist das auch noch in der zweiten Stufe, der dialektgeographischen wichtig, aber nicht mehr das Hauptanliegen.

Die dialektologische Arbeit Schirmunskis lässt sich – wie schon erwähnt – der dialektgeographischen und der kulturmorphologischen Stufe in der Dialektologiegeschichte zuordnen, also der zweiten und der dritten Entwicklungsstufe. Mit seiner Berücksichtigung kulturmorphologischer Gesichtspunkte überwindet er die Reduzierung der Sprachinselforschung auf die Frage nach der Herkunft der Siedler, die “Heimatfrage”. Es finden sich bei Schirmunski aber auch schon strukturalistische Spuren, und zwar da, wo er bemüht ist, sprachliche Gesetzmäßigkeiten im Ab- und Umbau von Dialekten erklärbar und beschreibbar zu machen. Gemeint ist sein Konzept von den primären und sekundären Sprachmerkmalen. In den Worten von Schirmunski: “Wir bezeichnen ... die charakteristischen, d.h. am stärksten auffallenden Abweichungen einer Mundart gegenüber der Schriftsprache (oder anderen Mundarten) als primäre Merkmale, die weniger auffallenden Abweichungen als sekundäre Merkmale”⁷. Um diese Merkmale zu illustrieren greift Schirmunski Beispiele aus dem Schwäbischen auf: primär wäre die Diphthongierung von *ō, ē, (ö) > ao, ae*: *graos* ‘groß’ – ‘большой’, *haox* ‘hoch’ – ‘высокий’, *šnae* ‘Schnee’ – ‘снег’, *baes* ‘böse’ – ‘злой’. Sekundär ist die Senkung von *i, u* vor Nasal zu *e, o*: *reŋ* ‘Ring’ – ‘кольцо’, *joŋ* ‘jung’ – ‘молодой’.

Nach anfänglicher Zustimmung zu dieser plausibel erscheinenden Merkmalsunterscheidung, besonders in der deutschen Dialektologie (hier hat man darin auch eine Form der Dialektalitätsmessung gesehen)⁸, erwies es sich in der praktischen Arbeit als außerordentlich schwierig, objektive Kriterien dafür beizubringen, was als primäres und als sekundäres Merkmal anzusehen ist. Das ist dann der Grund, dass der tschechische Linguist Pavel Trost (1907-1987) dem Schirmunskischen Merkmalkonzept einen Erkenntnisfortschritt absprach⁹. Für die weitere dialekttheoretische Arbeit ist Trosts Hinweis wichtig geworden, dass es bei allen Sprachwandelvorgängen nicht auf einzelne Merkmale ankomme, sondern auf Systemverschiedenheiten.

Damit sind strukturalistische Arbeitsweisen gemeint, die vierte Stufe in der Entwicklung der Dialektologie. Dazu hat der österreichische Dialektologe Ingo Reiffenstein auf einem Symposium "Zur Theorie des Dialekts" 1977 in Marburg ein Beispiel gegeben, in dem das Merkmalkonzept Schirmunskis insofern modifiziert wird, als – in Bezug auf die lautliche Sprachebene – Inventarunterschiede kontaktierender Dialekte primär sind gegenüber die den Inventaren zugrundeliegenden Regeln, die als sekundär gelten. In sprachlichen Konfliktsituationen, die häufig einen Sprachwandel verursachen, erscheinen primäre Sprachunterschiede weniger resistent zu sein als die sekundären Unterschiede. Das heißt: Lautveränderungen durch Wortsatz wird weniger Widerstand entgegengebracht als Regeländerungen, die vielleicht einen Wandel der bisherigen Artikulation erfordern¹⁰. Was hier gemeint ist, kann dieses Beispiel veranschaulichen: In Norddeutschland gibt es die Sprachkontakt(-konflikt)situation von Niederdeutsch und deutscher Literatur-, Standardsprache ("Hochdeutsch"). Zwischenvokalisch hat das Nordniederdeutsche ein *-d-*, wo das Hochdeutsche ein *-t-* kennt: *Fudder* 'Futter' – 'корм', *Modder* 'Mutter' – 'мать'. Ersetzt der Niederdeutsche sein *Fudder*, *Mod(d)er* durch *Futter*, *Mutter*, dann übernimmt er die literatursprachlichen Wörter in seine Sprachen (=lexikalische Übernahmen), verändert aber nicht sein Konsonantensystem, wo es in dieser Distribution

kein *t*, sondern nur ein *d* gibt (Media statt Tennis), d.h. die Regel bleibt erhalten, nach Reiffenstein der sekundäre Unterschied zwischen Nieder- und Hochdeutsch¹¹.

Von der Weitsichtigkeit Schirmunskis zeugt es, dass er bei der Erörterung des Unterschiedes von primären und sekundären Sprachmerkmalen den Gegensatz von “‘lautgesetzlicher’ Entwicklung” und “Wortverdrängung” durchaus gesehen hat¹². Versucht man nun darüber nachzudenken, warum ein Wort oder eine Sprachmode übernommen wird, die deutschen Sprachpfleger und nicht nur sie, diskutieren derzeit besonders über die vielen englischsprachigen Einflüsse im Deutschen¹³ dann gelangt man in die fünfte Entwicklungsstufe der Dialektologie, zur sozio- und pragmlinguistisch geprägten. Hier wird berücksichtigt, dass sprachliche Varietäten = Sprachformen eine soziale Dimension haben und verschiedene kommunikative Wertigkeiten, d.h. z.B. das gesellschaftliche Ansehen eines Dialekts, einer Sprache, kann höher sein als das eines anderen Dialekts, einer anderen Sprache. So ganz neu erscheint diese Sprachbetrachtung nicht, denn schon die deutschen Sprachgeographen um Ferdinand Wrede und Theodor Frings (1886-1968) als auch die russischen Dialektologen um Viktor Schirmunski haben erkannt, dass der “Schritt von der individualistischen Sprachbetrachtung (die 1. Entwicklungsstufe der Dialektologie, die Lautphysiologie geprägt hat, D.Ste.) zur soziologischen Sprachbetrachtung, zur geschichtlich gewordenen Sprachgemeinschaft, ihren Geschicken und Bindungen im Raum, die Vereinigung von Sprachwissenschaft und Culturgeschichte” gegangen werden muss, wenn das wirkliche Sprachleben erforscht werden soll¹⁴. Von einer eigenständigen sozialwissenschaftlichen Entwicklungsstufe der Dialektologie können wir im deutschsprachigen Raum aber erst seit den späten 1960er Jahren sprechen, als man in Deutschland die sprachsoziologischen Arbeiten des englischen Soziologen Basil Bernstein (1924-2000) kennenlernte und auf die westdeutschen Sprachverhältnisse zu übertragen versuchte. Dabei hat man den Fehler begangen, den englischen *restricted code* mit den deutschen Dialekten gleichzusetzen, den *elaborated code* mit

der Literatursprache. Das stärkte latent vorhandene Vorbehalte gegen Dialekte und die alte, aber immer noch verbreitete Auffassung, dass Dialekte verdorbene Literatursprache, bei uns schlechtes Deutsch seien. Überwunden wurde die Bernstein-Phase in der deutschen Dialektologie durch die Übernahme von Elementen der Sprachpragmatik, wie sie griffeg der amerikanische Inhaltsanalytiker Harold Dwight Lasswell (1902-1978) zusammengefasst hat (“Lasswellsche Formel”): “Who says what to whom (=Sender, Botschaft, Empfänger) in which channel (=die Sprachform, das Medium) with what effect (=Wirkung)?”¹⁵. Anders als in den älteren Stufen ist in der kommunikativ-pragmatischen der Dialektsprecher nicht mehr der bloße Informant, der sog. Gewährsmann, sondern der sprachlich Tätige, also jemand, der mit der Sprache sozial handelt. Hierbei kommt der Gelegenheit, in der gesprochen wird, der Sprachsituation, große Bedeutung zu. Von der Situation hängt oft auch das Kommunikationsthema ab, über das gesprochen wird. Da es nicht für jedermann einen uneingeschränkten Zugang zu allen möglichen Kommunikationssituationen geben kann, ist aus der sozialen Stellung eines Menschen und seiner Biographie abzuleiten, welchen sprachlichen Anforderungen er ausgesetzt sein wird, d.h. auch welche sprachlichen Formen/Varietäten er beherrschen muss, um durchs Leben zu kommen. Damit ist der Übergang zur derzeit aktuellsten dialektologischen Stufe erreicht, der Varietätendynamik.

Diese Stufe schließt direkt an die vorhergehende an oder – anders ausgedrückt – ist aus ihr organisch herausgewachsen, indem sie die Beobachtung der sprachlichen Variation zum zentralen Forschungsgegenstand erhebt. Voraussetzung für die Variation ist die Heterogenität der Sprache, die Sprachen in der Sprache, was wiederum eine fortwährende sprachliche Anpassung (Synchronisation)¹⁶ veranlasst oder veranlassen kann. Dabei ist nicht mehr vom Dialekt zur Literatursprache, also eine vertikale Konvergenz, die Rede, sondern auch von einer horizontalen Konvergenz, indem sich großflächige Regiolekte bilden, die hochsprachliche Funktionen wahrnehmen, der sog. Substandard.

Geläufiges Beispiel für die vertikale Konvergenz ist das Aufgeben dialektaler Merkmale zugunsten literatursprachlicher (das, was Schirmunski mit den primären Merkmalen meint). Es kommt aber auch vor, dass Dialektmerkmale, die mit literatursprachlichen übereinstimmen zugunsten von Dialektmerkmalen, die nicht mit literatursprachlichen übereinstimmen, aufgegeben werden. Das ist in der Pfalz um Kaiserslautern aufgefallen. Hier verdrängt die sog. Koronalisierung (Aussprache des Reibelautes *ich* wie *isch* ‘я’, *Milch* wie *Milsch* ‘молоко’) die alten Dialektformen *ich*, *Milch*. Auf diese Weise bildet sich hier ein sog. Regiolekt im Sinne eines Substandards durch eine ganz spezifische Auswahl aus den Inventaren des Basisdialekts und der Literatursprache. Diese Prozesse sind aktuell und veranschaulichen den Wandel in den Sprachvarietäten. Aber auch das hat Schirmunski bei der Erörterung von “Mischmundarten” schon beobachten können, indem er Mischungen zwischen dem Fränkischen mit dem Hessischen oder Schwäbischen im Schwarzveergebiet beschreibt und hervorgebt, “dass Resultat nicht selten gegen die schriftsprachliche Norm ausfällt”¹⁷.

Für die russlanddeutsche Dialektforschung bedeutet das, dass sie sich nicht mehr auf die Remittlung der Urheimat der Dialektsprecher ausrichten sollte (hierzu hat Nina Berend das Nötige gesagt)¹⁸. Dafür ist herauszufinden, wie die den Russlanddeutschen zur Verfügung stehenden Sprachvarietäten, -formen beschaffen/strukturiert sind und welche Varietät in welcher Kommunikationssituation zur Geltung kommt. Auch ist es wichtig zu erfahren, wie die Varietäten eingeschätzt werden (im Sinne von emotionaler Zu- oder Abneigung).

Meine Damen und Herren, ich habe meine Vorlesung zur Dialektologie des Deutschen mit Viktor Schirmunskis “Немецкая диалектология” begonnen. Es ist deutlich geworden, dass ich die dialektologische Leistung des großen russischen Wissenschaftlers außerordentlich schätze. Darüber ist aber nicht zu vergessen, dass Schirmunski viel mehr war als nur ein Dialektologe. Er war Linguist (arbeitete vergleichend-historisch, dialektologisch, sprachsoziologisch und

sprachtheoretisch) und Literaturwissenschaftler (vergleichende Literaturforschung, bes. Epenforschung), Volkskundler und Wissenschaftsorganisator.

Aus Anlass seines 110. Geburtstages hat eine wissenschaftliche Konferenz vom 1. bis 4. Oktober 2001 in St.Petersburg die Leistungen Schirmunskis auf den verschiedenen Wissenschaftsfeldern gewürdigt, indem – wie es in der Wissenschaft sein soll – aktuelle Fragen behandelt wurden. Die Geschichte der Dialektologie gehörte nicht dazu, wenn ich den Konferenzbericht von Larissa Naidič richtig gelesen habe¹⁹. Umso wichtiger war es mir, an Ihrer Universität dieses Thema und seine Relevanz darzustellen, denn die Astafjew- Universität schickt sich an, mit einem Dialektologischen Zentrum zur Erforschung des Russlanddeutschen eine Erbe Schirmunskis aufzugreifen und unter den heutigen Bedingungen fortzuführen: 1924, also vor 83 Jahren hat Schirmunski ein Seminar zur Erforschung der kolonialen Dialekte eingerichtet, das später den widrigen politischen Verhältnissen zum Opfer gefallen ist. Ähnlich erging es den beiden anderen dialektologischen Forschungsstellen in Saratow und in Odessa, deren Leiter Schüler und Weggefährten Schirmunskis waren.

Unter den viel besseren Umständen von heute sollte sich Ihr Dialektologisches Zentrum zu einer kräftigen Forschungseinrichtung entwickeln. Das wünsche ich Ihnen und allen, für die die Dialektologie der Deutschen ein förderungswerter germanistischer Wissenschaftsbereich ist: bei Ihnen in Russland, bei uns in Deutschland und überall dort, wo die Sprachen des Volkes geliebt werden.

Anmerkungen

¹ Zu V.M. Schirmunski vgl. Wolfgang Fleischer, Nekrolog auf V. Schirmunski, in: PBB (H) 1972, S. 1-7; Rudolf Große/Ernst Eichler, Viktor Maximowitsch Schirmunski. 2. VIII. 1891-31.1.1971, in: Jahrbuch 1971-1972 der SAW zu Leipzig. Berlin 1974, S. 219-265 (mit einer Bibliographie Schirmunskis); Larissa Najdič, Viktor Maximowitš Žirmunskij als Dialektologe, 1891-1971, in ZDL 58 (1991), S. 131-146.

² Schirmunski, Deutsche Mundartkunde, S. 422-425.

³ Die Junggrammatik hat Schirmunski bei seinen Studien in Leipzig (bei Eduard Sievers) und in München (bei Hermann Paul) genau kennengelernt.

⁴ Schirmunski, Deutsche Mundartkunde, § 212.

- ⁵ F. Wrede, Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Mundartenforschung, in: Zeitschrift für Deutsche Mundarten 14 (1919), S. 3-18.
- ⁶ Philipp Wegener, Über deutsche Dialectforschung (1879), in: Zur Theorie des Dialekts, Aufsätze aus 100 Jahren Forschung mit biographischen Anmerkungen zu den Autoren, hg. von J. Göschel, N. Nail, G. van de Elst, Wiesbaden 1976, S. 1-29, Zitat S. 8.
- ⁷ V. Schirmunski, Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten, in: Ders., Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Rußland und Transkaukasien, hg. von Claus-Jürgen Hutterer, München 1992, S. 116 (zuerst in "Germanisch-Romanische Monatsschrift" 18 (1930), S. 113-122, 171-188).
- ⁸ Siehe Joachim Herrgen/Jürgen E. Schmidt, Systemkontrast und Hörerurteil. Zwei Dialektalitätsbegriffe und die ihnen entsprechenden Vessverfahren, in: ZDL 52 (1985), S. 20-42, bes. S. 21; "... die Differenzierung von 'primären' und 'sekundären' Merkmalen wurde von unserer Dialektologie weitgehend übernommen (Wolfgang Fleischer wie Fußnote 1, S. 4)".
- ⁹ Pavel, Trost, Primäre und sekundäre Dialektmerkmale, in: Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses, Marburg/Lahn 5.-10. September 1965. Band II, Wiesbaden 1968, S. 823-826, bes. S. 823.
- ¹⁰ Ingo Reiffenstein, Zur Theorie des Dialektabbaus, in: Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des Internationalen Symposions "Zur Theorie des Dialekts", 5.-10. September 1977. Hg. von Göschel, P. Ivič, K. Kehr. Wiesbaden 1980, S. 97-105.
- ¹¹ Dazu Dieter Stellmacher, Lebendes Niederdeutsch. Zur Beurteilung von Interferenzen und Echoformen in einer phonologischen Untersuchung niedersächsischer Mundarten, in: Klaus Mattheier/Peter Wiesinger (Hg.), Dialektologie des Deutschen. Forschungsstand und Entwicklungstendenzen. Tübingen 1994, S. 39-43, bes. S. 40.
- ¹² Vgl. V. Schirmunski, Linguistische und ethnologische Studien (wie Fußnote 7), S. 132 und 197.
- ¹³ Dazu Jürgen Spitzmüller, Metasprachdiskurse. Einstellungen zu Anglizismen und ihre wissenschaftliche Rezeption, Linguistik – Impulse und Tendenzen 11. Berlin 2005; Wörterbuch überflüssiger Anglizismen, hg. von Rudolf Bartzsch/Reiner Pogarell/Markus Schröder. 7. Auflage. Paderborn 2007.
- ¹⁴ Theodor Frings, zitiert nach Herbert Kolb, Theodor Frings 23.07.1886-06.06.1988, in: Jahrbuch für Internationale Germanistik 2.1 (1970), S. 179-202, Zitat S. 201.
- ¹⁵ H.D. Lasswell/D. Lerner/I. De Pool, The Comparative Study of Symbols. Stanford 1952, S. 12.
- ¹⁶ Jürgen Erich Schmidt, Sprachdynamik. In: E. Eggers/J.E. Schmidt/D. Stellmacher (Hg.), Moderne Dialekte – Neue Dialekte. Wiesbaden 2005, S. 15-44.
- ¹⁷ V. Schirmunski, Linguistische und ethnographische Studien (wie Fußnote 7), S. 121.

¹⁸ N. Berend, Zur Geschichte Der Erforschung der Deutschen Mundarten in der Sowjetunion, in: Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde 32 (1989), S. 316-333, bes. S. 325.

¹⁹ L. Najdič, Konferenz anlässlich des 110. Geburtstages von ViktorŽirmunskij in St. Petersburg, 1. bis 4. Oktober 2001, in: ZDL 70 (2003), S. 58-61.

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ-ВОСПОМИНАНИЙ

*М.М. Степанова,
Красноярск, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева*

Говоры немцев Красноярского края относятся к островным говорам в силу того, что их носителями были немецкие крестьяне-колонисты, переселившиеся в российское Поволжье из различных районов Германии и Швейцарии. До 1941 года поволжские немцы жили в условиях компактного поселения в разных районах Саратовской области. Средством их общения в основном был какой-либо из немецких говоров, так как большинство же колонистов происходило из сельской местности, где образование детей ограничивалось курсом семилетней, восьмилетней или средней школы. Многие из опрошенных нами немцев старшего поколения (65 лет и старше), проживающих в настоящее время в Красноярском крае, чей «школьный возраст» выпал на время депортации или комендантского режима после Великой Отечественной войны, успели закончить только начальную школу или остались абсолютно неграмотными. Немецкий язык (говор) они выучили «на слух». В их воспоминаниях и сегодня сохраняются старые формы немецких говоров. Наряду с этим прослеживается влияние русского языка на немецкие говоры.

Взаимодействие русского языка и немецких говоров объясняется следующими факторами:

- средством общения немцев на работе, среди знакомых, в школе после 1941 года был и остается русский язык;
- смешанные браки способствуют вытеснению немецкого языка на внутрисемейном уровне.

В результате такого взаимодействия говоры немцев имеют некоторые специфические особенности. Под специфическими особенностями говоров следует понимать совокупность изменений в них на грамматическом и лексическом уровнях.

Грамматические особенности

Немаловажным оказывается влияние русского языка на употребление артиклей в говорах. Э. Кресс (1995) указывает на то, что при употреблении имен существительных в языке российских немцев весьма ощутимо сказывается отсутствие артиклей в русском языке. Поэтому артикли зачастую либо совсем опускаются, либо употребляются без различия между определенной и неопределенной формами.

В воспоминаниях немцев есть ряд примеров, демонстрирующих влияние русского языка на употребление артикля: [*iç hu:n bru:dr unt švēstr*] (*Ich habe einen Bruder und eine Schwester*); [*erstə sentjabr*] (*der erste September*); [*fa:tr hat kšaft*] (*Der Vater hat geschafft*); [*hən mi:r dəs haus kauft*] (*Wir haben ein Haus gekauft*).

Из-за несовпадения рода имен существительных в русском и немецком языках страдает правильное употребление рода в говорах. Авторы воспоминаний могут употреблять слова в соответствии с нормой русского языка, например: [*dr erstə kint*] (*das erste Kind*).

В речи носителей немецких говоров отмечены случаи «включения» в немецкую фразу русского слова в грамматической форме, соответствующей контексту эквивалентного по смыслу и по структуре русского предложения. Особенно отчетливо это проявляется в тех случаях, когда русское

существительное стоит в косвенном падеже: [*vn va:rə fi:l lebedej*] (*и было много лебедей*); [*dan hatn vi:r oreçi auf di: ert gəšvəlt*] (*затем мы катали по полу ореху*); [*ıç ha:p gəarvait kladovšikom*] (*Я работала кладовщиком*). В предложении [*di: glɔkə zvonili*] (*колокола звонили*) русский глагол относится к немецкому существительному во множественном числе, но употребляется по правилам русской грамматики.

Влияние русского языка проявляется в смешении элементов русского и немецкого синтаксиса.

Синтаксическая модель предложений построена по образцу русского предложения с нарушением типичной для немецкого языка рамочной конструкции. Рамочная конструкция нарушается в предложениях в перфекте, где сказуемое представлено вспомогательным глаголом и причастием вторым: [*er ist kštɔrvə in draivntfertsıç*] (*Er ist 1943 gestorben*); [*dr fa:tr hɔt gəšaft im kolxo:s*] (*Der Vater hat im Kolchos gearbeitet*).

Нарушение рамочной конструкции прослеживается в предложениях со сказуемым модальный глагол + инфинитив: [*ne:mən dvɔft man ga:r niçts*] (*Man durfte gar nichts nehmen*).

Части сказуемого не образуют рамочной конструкции, а располагаются в непосредственной близости друг от друга, представляя собой единую словоформу, за которой закреплено одно (а не два) место в предложении, что характерно для русского языка [Смирницкая, Баротов, 1997: 94-95].

Предложения с неопределенно-личным местоимением *man* могут начинаться с глагола под влиянием аналогичных русских конструкций: [*mvs mar za:yə*] (*Man muss sagen*); [*mvs mar aiər fərbn*] (*Man muss Eier färben*).

Русский глагол может использоваться информантами в связке с немецким вспомогательным глаголом *haben*, образуя таким образом, «двуязычное сказуемое» [Кресс, 1995]. Вместе с глаголом заимствуется русская форма окончания глагола в прошедшем времени. Сам глагол становится партиципальной частью немецкого перфекта, например: [*Kalinin*

hət prikas podpisal] (Калинин подписал приказ). Такие сочетания названы Э. Крессом «парадигматическими мутантами».

Диалектные отрицательные предложения характеризуются полинегативностью, свойственной русскому языку. Влияние русского языка на немецкие говоры обуславливает наличие двух (и более) отрицаний в предложениях: [*kain gelt hatn vi:r niçt*] (*Wir hatten kein Geld*); [*iç hat kainə fami:lĭə niçt*] (*Ich hatte keine Familie*); [*dɔrt va:r niks nət*] (*Dort war nichts*).

Отдельные словосочетания и предложения в диалектной речи часто связываются с помощью русских соединительных элементов: [*teper ha:bə iç fo:rgətra:gə doytšə špra:γə*] (*теперь я преподавала немецкий язык*); [*potom tvst iç na:x tasejevo*] (*потом я должна была ехать в Тасеево*); [*tam va:r dr tsu:x*] (*там был поезд*); [*ni vo:pšəm, das ist di: kirç*] (*ну, в общем, это церковь*); [*ni mir zint lyte:rišə*] (*ну, мы лютеране*); [*vot iç ha:p nɔx bi:çr*] (*вот, у меня еще есть книги*); [*vo:bšə va:r švax*] (*вообще было тяжело*); [*tam vns auskəla:də*] (*там нас выгрузили*).

Лексические особенности

Анализ лексических особенностей воспоминаний показал, что помимо исконной диалектной лексики в текстах присутствует ряд заимствований из контактного (русского) языка. Причины, по которым заимствуется лексика из другого языка, могут быть экстралингвистическими и языковыми. На заимствования наших информантов, в первую очередь, повлияли некоторые экстралингвистические факторы, названные О.С. Хлыновой. К ним относятся: а) исторические контакты и наличие определенного рода двуязычия; б) необходимость номинации новых предметов, процессов, понятий.

Интенсивные миграции, связанные с депортацией в 1941 году и переселениями послевоенного периода, прервали сложившиеся на Волге культурные и языковые традиции и привели к еще большей распыленности и

гетерогенности новых послевоенных немецких поселений [Смирницкая, Баротов, 1997: 84].

События XX столетия, коснувшиеся поволжских немцев, способствовали активному овладению ими русским языком, черты которого прослеживаются в их родном языке. Немцы старшего поколения, проживающие в Красноярском крае, свидетельствует о том, что большинство из них овладевало русским языком после переселения в Красноярский край и Хакасию. Следовательно, русские слова, укоренившиеся в говорах информантов, относятся к военному и послевоенному периоду. Расширение контактов с населением сибирских сел привело к распространению двуязычия среди поволжских немцев. Русские слова не сразу закреплялись в диалектах, их восприятие представляло собой длительный процесс. Иноязычные лексемы употреблялись единичными носителями немецких диалектов, затем приобретали статус заимствованных лексических единиц, относясь к заимствованиям «сосуществующей системы» [Киршнер, 1984: 14]. Так, например, укоренились в речи поволжских немцев в период проживания в Красноярском крае лексические единицы, обозначающие бытовые понятия. Их можно распределить следующим образом:

7. названия плодов, овощей: *potədo:rə* – помидоры, *arbu:zə* – арбузы;

8. названия блюд, продуктов, распространенных в Сибири: *štši* – щи, *poxljorkə* – похлебка, *portsiə* – порция, *prɛ:nikə* – пряники, *konfɛkt* – конфеты, *pljuškə* – плюшки, *prodvktə* – продукты, *krupa:* – крупа, *kotletn* – котлеты;

3) названия посуды: *samova:rə* – самовар, *kastru:l* – кастрюля;

названия построек: *krilits* – крыльцо, *amba:r* – амбар, *ba:nja* – баня
kuznitsa – кузница;

название профессии, обозначение рода деятельности: *dajarkə* – доярка, *zavxo:s* – завхоз;

слова школьной тематики: *vedomost* – ведомость, *tabl* – табель, *spetsškola* – спецшкола, *zavutš* – завуч.

Из приведенных выше примеров видно, что информанты заимствовали слова и в том случае, если в их диалекте было соответствующее понятие. Н. Беренд отмечает, что такие заимствования привели к возникновению пар слов (лексических дуплетов).

Большое количество заимствований в немецких говорах обусловлено необходимостью выразить новые понятия, появившиеся в процессе общения немцев с носителями русского языка.

У трудармейцев эти заимствования связаны с жизнью и работой в лагерях: *astrok* – *острог*, *vago:nə* – *вагоны*, *katorga* – *каторга*, *komisariat* – *комиссариат*, *kərava:nə* – *караван*, *tjagatš* – *тягач*, *briga:də* – *бригада*, *vtšastok* – *участок*, *tšurki* – *чурки*, *stanki* – *станки*, *palatkə* – *палатка*, *rajok* – *наек*, *prika:s* – *приказ*, *ešelo:nə* – *эшелон*, *bara:k* – *барак*.

Ряд заимствований, связанный с новыми понятиями, относится как к довоенному, так и послевоенному времени: *repre:sia* – *репрессия*, *lespromxos* – *леспромхоз*, *stolo:və* – *столовая*, *pensia* – *пенсия*, *komissia* – *комиссия*, *semina:rə* – *семинар*, *otpusk* – *отпуск*, *kolxo:s* – *колхоз*, *kombainə* – *комбайн*, *kolēkti:f* – *коллектив*, *traktər* – *трактор*, *kanto:r* – *контора*.

Воспоминания свидетельствуют о том, что приведенные выше примеры заимствований прижились в говорах немцев Красноярского края. Отчасти они сохранили фонетический облик русского языка, отчасти претерпели произносительную и грамматическую адаптацию. Заимствованные существительные употребляются с артиклями и атрибутивными местоимениями по правилам немецкого языка: [*man hat ainə birkə an de:n gro:sn tse:ən angəbʊndn*] (*Man hat ein großes Schildchen an die große Zehe angebunden, wo der Name gestanden hat*). Информанты используют заимствования в качестве компонента сложного слова: *tru:tarme:ə* (*трудармия*), *balandəsupə* (*суп-баланда*), *milçferma* (*молочная ферма*).

Русские слова используются в речи этнических немцев не только для обозначения сугубо «русских» реалий, но и понятий и реалий

современного повседневного быта, например: [hʉn zɪ: vns in di: konjuxovka kəbraxʈ] (Они привезли нас на конюшню); [di: tu:dr ɪst uf di: teleška kəfa:rə] (мать ехала на тележке).

Язык авторов воспоминаний изобилует русскими «вкраплениями»: [di: vo:rə fɔn bru:s] (Sie waren aus Balken – они были из бруса); [pajok hən si: vns ge:və] (Sie haben uns Ration gegeben – они давали нам паек); [in den zemljankə] (in der Erdhütte – в землянке); [dr vo:r niçt zo: kulturnə] (Er war nicht so kultiviert/gebildet – он был не такой культурный); [du: bist gramotnə] (Du bist schriftkundig – ты грамотный).

Русские вкрапления наблюдаются и у носителей немецких говоров младшего поколения (моложе 40 лет), например: [vas gɔkst du: in main storona] (Что ты смотришь в мою сторону?).

Присутствие русских слов в немецкой речи объясняется и тем, что некоторые носители немецких говоров читают прессу и литературу на русском языке. Это подтверждается употреблением ими лексики из русского языка «не бытовой» и «не сельской» тематики: институт, техникум, учеба, гибрид, переливание крови, операция, документы, приток, Южный Казахстан, крыша над головой, строительство, переживания и др.

Кальки

Воздействие русского языка на язык переселенцев обусловило появление в их речи калек – слов или выражений, «представляющих собой перевод по частям иноязычного слова или оборота речи с последующим сложением переведенного в одно целое» [Розенталь, Теленкова, 2001: 159]. Калька лексическая трактуется как «слово, созданное по иноязычной словообразовательной модели, но из материала данного языка» [Там же].

Отличие калькирования от прямого заимствования заключается в том, что словообразовательные кальки, хотя и возникают как передача чужого слова с его структурой, все же представляют собой

слова данного языка, неизвестные в этом виде в других языках [Логутенкова, 1993: 93].

Роль калек для языка-реципиента важна потому, что «в них реализуются какие-то нехарактерные, неограниченные для данного языка черты – либо в формальной, либо в содержательной стороне слова, словосочетания» [Крысин, 2002: 31].

Информанты демонстрируют лексические кальки из-за отсутствия обозначений некоторых понятий в их родном языке (говоре): *dʒrfsɔvjet* – сельсовет, *fʌlksfaint* – враг народа, *anfəŋʃu:lə* – начальная школа, *zi:bnja:rʃu:lə* – семилетняя школа, *a:bntʃu:lə* – вечерняя школа, *kultu:rpalast* – дворец культуры.

Контактирование носителей говоров с русскоязычным населением объясняет наличие синтаксических конструкций, образованных по модели русского языка, – так называемых синтаксических калек. Полными кальками с русского языка являются варианты: [*in di: draisiçstə ja:rə*] (*в тридцатых годах*); [*dəs va:r in nainhundertzeksontfuftsiç*] (*Это было в 1956*); [*finf ja:r tsurik*] (*пять лет назад*).

Числительные, обозначающие даты, копируют соответствующие русские конструкции: [*iç bin gəbo:rən im ja:rə tauzntnʤynhondrtfi:rɔnttsvantsiç am nʤynɔnttsvantsiçstə augvst im kanto:n vntervaldn in den dʒrf betiŋər*] (*Ich bin am 29. August im Jahre 1924 im Kanton Unterwalden im Dorf Bettinger geboren*). Вместо немецкого эквивалента числительного «девятнадцать сотен двадцать четыре» употребляется конструкция, построенная по русскому образцу «тысяча девятьсот двадцать четыре». По русскому образцу строится конструкция с предлогом без слова Jahr (год): *main fa:dr ist gəbo:rə in tauzentaxthundərnoynuntaxtsiç* (Мой отец родился в 1889 году).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что заимствования из русского языка прочно вошли в язык немцев Красноярского края. Для обозначения некоторых понятий и реалий лексический состав немецких диалектов пополнился кальками.

Немецкие говоры представителей немецкой национальности старшего поколения не только не утратили свои особенности, но и обогатились новыми словами, обрели «комплексность» [P. Wiesinger, 1980], что свидетельствует о их взаимодействии на межъязыковом уровне. Младшее поколение немцев повсеместно использует русский язык и почти не владеет немецкими говорами. Это ведет к тому, что «диалект быстро теряется» (K.J. Mattheier), так как младшее поколение не сможет передать родной язык своим детям.

Библиографический список

1. *Киришнер, В. Г.* Словарные заимствования из славянских языков в верхненемецком говоре Кокчетавской области Казахской ССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Г. Киришнер. – Львов, 1984. – 22 с.
2. *Кресс, Э.* Российские немцы на перекрестке языковых культур: дис. ... канд. филол. наук / Э. Кресс. – Москва, 1995. – 94 с.
3. *Крысин, Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий /Л.П. Крысин //Вопросы языкознания. – 2002. – № 56. – С. 27-34.
4. *Логутенкова, Т. Г.* Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода / Т.Г. Логутенкова. – Тверь: ТГУ, 1993. – 170 с.
5. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов /Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Изд. Астрель»; ООО «Изд. АСТ», 2001. – 624 с.
6. *Смирницкая, С. В.* Немецкие говоры Северного Таджикистана /С. В. Смирницкая, М.А. Баротов. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 120 с.
7. *Хлынова, О. С.* Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Хлынова. – Волгоград, 2001. – 24 с.
8. *Berend, N.*, Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie / N. Berend, H. Jedig. – Marburg: Elwert, 1991. – 408 S.
9. *Mattheier, K. J.* Pragmatik und Soziologie der Dialekte / K. J. Mattheier. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1980. – 233 S.
10. *Wiesinger P.* «Sprache», «Dialekt» und «Mundart» / P. Wiesinger // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1980. – S. 176-194.

**ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКИ В ПОСЛОВИЦАХ
И ПОГОВОРКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕАЛИЙ - НАЗВАНИЙ
ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ)**

Л. М. Штейнгатт

*Красноярск, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева*

Пословицы и поговорки репрезентируют особенности картины мира определенного народа. Необходимо отметить, что наиболее выраженным национально-культурным значением обладают пословицы и поговорки, в структуре которых можно выделить какие-либо реалии [< позднелат. *realis* вещественный], т.е. слова, обозначающие предметы и явления, характерные для одной культуры [СИС 1985: 419].

Касаясь самых различных сторон жизни народа, реалии отражаются в языке самыми разными способами. Они могут быть культурными, историческими, географическими, этнографическими, мифологическими, фольклорными и т.п. Каждый народ обладает целым набором бытовых реалий, к которым можно отнести денежные единицы, единицы измерения, транспортные средства, пищу, напитки, одежду, обувь, украшения, жилье, посуду, танцы, игры, музыкальные инструменты и др. Именно такого рода лексика скрывает в себе «дополнительные смысловые оттенки, являющиеся результатом национального «видения мира» или культурно-исторического развития народа – носителя языка» [Томахин 1988: 220].

Тесная связь слов, обозначающих предметы-, понятия-, явления-реалии, с носителями языка, с одной стороны, и историческим отрезком времени - с другой, обуславливает наличие в этих словах таких сем, как «локальность», «национальная принадлежность», «историческая соотнесенность». В силу

данной особенности слов-реалий языковые единицы, имеющие их в своем составе, характеризуются национальной маркированностью. Национально-культурная самобытность охватывает все означаемое слова-реалии (его денотативный, сигнификативный и коннотативный аспекты) и четко прослеживается в силу уникальности фактов материальной и духовной культуры. Кроме того, значительную степень имплицитности можно объяснить еще и тем, что значение реалий входит в целостное значение пословиц и поговорок и влияет на актуализацию прототипического признака объективируемого ими концепта. Пословицы и поговорки, концептуализирующие действительность с помощью упоминания реалий, представляют, таким образом, интерес как в плане выявления концептуального содержания целостной языковой единицы, так и в плане декодирования ее генетического прототипа как способа возникновения данной пословицы или поговорки.

РЕАЛИИ – НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В пословицах и поговорках российских немцев отражена духовная культура, являющаяся важным элементом человеческого существования. В эту группу выделяются паремии, связанные с историей народа, его письменностью, а также ритуалами и традициями. Данные реалии относятся к внеязыковому виду прототипа, что подчеркивает огромную роль экстралингвистических факторов в образовании и становлении пословиц и поговорок.

В качестве примера паремий, возникших в связи с определенными историческими событиями, приведем следующие: „Wu die Kontrrevolution am größte, is dr Kulak am nächste“ („Wo die Kontrrevolution am größten ist, ist der Kulak am nächsten“); „Der Kulak lekt, wie die Made im Speck“ („Wie eine Made im Speck sitzen“ (в значении: Im Wohlstand gut leben)); „Des is so geizig und habgierig wie `n Kulak“ („Er ist so geizig und habgierig wie ein Kulak“); „Früher hat der Kulak im Nest gesezte, jetzt sitzt `r ufm Ast“ („Früher hat der Kulak im

Nest gegessen, jetzt sitzt er auf einem Ast“ (в значении: Früher lebte der Kulak im Wohlstand und jetzt geht es ihm schlechter)); „‘s gibt ka schlechte Kolchose, sondern schlechte Leiter“ („Es gibt keine schlechten Kolchose, sondern schlechte Leiter“); „Do gehts zu, als wann der Pugatschef dort gewesen ist“ („Da geht es so zu, als ob der Pugatschhof dort gewesen sei“); „Die kann jeden Tag bald in eenem, bald in anerem Magazin oder Warenhaus Schlange stehen“ („Sie kann jeden Tag bald in einem, bald in anderem Warenhaus Schlange stehen“) (ПиПНП) и др.

Начиная с 1763 г. и до настоящего времени история немцев тесно связана с историей России, что и нашло свое отражение в приведенных выше пословицах и поговорках: восстание под предводительством Е.Пугачева, история России в царское время, кулаки как класс, победа Великой Октябрьской Социалистической революции, контрреволюция, становление колхозов и др.

Ритуалы и традиции представляют собой явления, передающиеся из века в век. Их связь с народным бытом привела к тому, что многие из них нашли отражение в пословицах и поговорках, выступая в качестве их прототипических сцен.

В пословичном фонде российских немцев можно выделить пословицы, возникшие в связи с определенными традициями и обычаями, например, со свадьбой. Пословица „Di sitzt do wi e braut“ („Sie sitzt da wie eine Braut“) актуализирует такой признак концепта «невеста», как скромность. Актуализация данного признака возможна только благодаря извлечению имплицитного смысла языковой единицы, что, в свою очередь, возможно при обращении к внутренней форме исследуемой пословицы, т. к. именно во внутренней форме содержится такой смысл, который придает ей национально-культурный колорит. Анализируемая пословица возникла из прототипической ситуации – свадьбы. Внутренняя форма приведенной языковой единицы основана на наблюдении народа за невестой во время свадьбы. Невеста сидит в углу стола тихо и спокойно и ведет себя во время торжества скромно. Рассматриваемая пословица имеет

переносный смысл. Она применяется в качестве образного обобщения к любым ситуациям, где речь идет о скромно сидящем человеке.

Приведем еще пример: поговорка „Heirate macht `s Johr aus“ („Heiraten macht das Jahr aus“). Актуальное значение данной языковой единицы является нагруженным культурно-историческими ассоциациями. Для ее понимания необходимо привлечение культурно-исторической информации, а именно знаний о том, что, когда служанка выходила замуж, ее могли преждевременно уволить со службы. Владение этим блоком экстралингвистической информации позволяет объяснить ассоциативную связь между лексическими элементами поговорки „Heiraten“ (замужество) и „Jahr“ (год).

Рассматриваемая нами поговорка „Däs hosta noch uf m Kerbholz“ („Das hast du noch auf dem Kerbholz“) имеет в своем составе уникальный компонент „Kerbholz“ (= längs gespaltener Stock, von dem jeder der beiden Geschäftspartner eine Hälfte bekam, in die Kerben als Merkzeichen für Zahlungen usw. geschnitten wurden [WDW 1992: 736]). Для извлечения полного имплицитного смысла данного высказывания необходимо детальное понимание смысла эксплицитного, заключающегося в знании принятого в старину способа отмечать долги на бирке: длинная деревянная дощечка делилась на две половины, и на каждой делались зарубки (одинаковое количество) о долге, об обязательствах поставить товар, об отработанных часах и т.д. Каждый „партнер по договору“ получал свою половинку бирки. Выражение приобрело значение «иметь долги, быть должным кому-либо» [Мальцева 2002: 115]. Наложение на данное эксплицитно выраженное высказывание наблюдения о том, что человеку свойственно совершать поступки, ущемляющие интересы других лиц, и грозящие субъекту серьезными неприятностями, привело к образованию имплицитной образной языковой единицы „Däs hosta noch uf m Kerbholz“, вербализующей концепт «быть виновным», который является частью концептуальной сферы «человек и его сущность».

Таким образом, пословицы и поговорки, содержащие реалии, имеющие в своей основе исторические события, обряды и поверья, требуют дополнительной историко-этимологической информации, так как их внутрифразовый контекст, часто воспринимаемый как обыкновенная немотивированная метафора, является отражением определенных национально-исторических и культурных реалий, ранее действительно существовавших и тем самым детерминировавших особенности категоризации реальной действительности российскими немцами.

РЕАЛИИ – НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Представляется важным подчеркнуть, что пословицы и поговорки российских немцев в большинстве случаев содержат названия предметов и явлений не только духовной, но и материальной культуры.

Среди лексических единиц, репрезентирующих реалии-названия предметов материальной культуры, наиболее часто употребляемыми являются:

- 1) названия денежных единиц;
- 2) названия блюд;
- 3) названия единиц измерения.

Первую группу представляют единицы, относящиеся к тематическому фрейму «деньги», причем упоминаются как денежные единицы, имевшие хождение на территории Германии в разные периоды ее истории: *Batzen* (alte Münze, in Deutschland 4 Kreuzer, in der Schweiz 10 Rappen [WDW 1992: 233]), *Heller* (Silbermünze, seit dem 19. Jh. Kupfermünze, in Österr. bis 1924 1/100 Krone [WDW 1992: 626]), *Groschen* (kleinste Münze, 1/100 Schilling [WDW 1992: 586]), так и денежные единицы на территории России и бывшего Советского Союза: *Kopeke* (russ. Silbermünze; heute russ. Scheidemünze, 1/100 Rubel [WDW 1992: 779]), *Rubel* (Währungseinheit der Sowjetunion, 100 Kopeken [WDW 1992: 1080]), например: „A gudi Ausred is

drei Batze wert“ („Gute Ausrede ist drei Batzen wert“), „Do leiht dr Grosch im Ritz“ (в значении: Der Groschen bleibt hängen), „Sei Heller zu etwas gewa“ („Seinen Heller zu etwas geben“ (в значении: Seine Meinung sagen, überall hineinreden)), „Dr Kopie (Kopeke) macht dr Ruwel voll“ („Die Kopeke macht den Rubel voll“), „Ich geb dr drei Kopje, her uff“ („Ich gebe dir drei Kopeken“ (в значении: Es ist nicht viel wert)), „Dem worsch nur um die Ruwl zu tun“ („Dem war es nur um die Rubel zu tun“), „Der bringt dr Ruwel uff'n bie (Kopeke)“ („Er bringt den Rubel auf eine Kopeke“) (ПиППП).

Во второй группе можно выделить несколько наиболее значимых для российских немцев блюд, отнесенных нами к тематическому фрейму «еда». Одним из них считается традиционное немецкое блюдо – жареная колбаска: „Der Bauer liebt lange Bratwürste und kurze Predigten“ („Der Bauer liebt lange Bratwürste und kurze Predigten“), „Däs is grad wie wamr ä Brotworscht in `n Hundstahl schmeisst“ („Das ist gerade so, als ob man eine Bratwurst in den Hundestahl schmeisst“), „Dr Hunger dreibt Brotwerscht nunner“ („Der Hunger treibt `s rein“), „Der hot `n Schinke noch dr Brotworscht gschmisse“ („Er hat mit dem Schinken nach der Bratwurst geworfen“) (ПиППП) и др. Значение данных пословиц формировалось с учетом значений этой лексемы.

Частое употребление названия вышеприведенной реалии в пословицах и поговорках носителей диалекта обусловлено тем, что жареная колбаска – это одно из наиболее часто употребляемых в пищу национальных блюд. В этих пословицах и поговорках реалия „Bratwurst“ реализует свое конкретное денотативное значение, что облегчает извлечение имплицитного смысла, предполагающего знание о данном традиционном блюде немцев.

Среди лексических единиц, репрезентирующих реалии-названия предметов материальной культуры, относящихся к тематическому фрейму «еда», кроме «жареной колбаски», необходимо назвать следующие: каша, сыр, колбаса и соль, причем в основном упоминается

каша. Проиллюстрируем это на примерах пословиц и поговорок носителей диалекта: „Wann `s Herschebrei regnet, hot mr kaa Leffel“ („Wenn es Hirsebrei regnet, so hat man keinen Löffel“), „Die geht um die Brenn rum, wie die Katz um `n haasse Brei“ („Sie geht um das Brennen herum, wie die Katze um den heißen Brei“), „Wenn der Brei gekocht ist, gibts viele Esser“ („Wenn der Brei gekocht ist, gibt es viele Esser“), „Zuviel Salz verdirbt den Brei“ („Zu viel Salz verdirbt den Brei“), „Dem sieht mr Käs im Brot im Leib leie“ („Dem sieht man den Käse auf dem Brot im Leib liegen“), „Ja, wanns Käs wär“ („Ja, wenn es Käse wäre“), „Des is `n Kerl wie `n Pund Worscht“ („Das ist ein Kerl wie ein Pfund Wurst“), „Dir werd ka Worscht gebrote“ („Dir wird keine Wurst gebraten“), „Wurst, wieder Wurst, keine umsonst“ („Wurst wider Wurst“), „Alles hot a En, nor die Lewerworscht hot zwaa Enner“ („Alles hat ein Ende, nur die Leberwurst hat zwei Enden“), „Den kann ich soviel leide wie `s Salz in dr Schnitzsupp“ („Den kann ich so viel leiden wie das Salz in der Schnitzsuppe“), „Die hot `s noch em Salz leiha“ („Sie hat es noch im Salz liegen“), „Die (der) hots Salz in der Supp net vrdient“ („Sie (er) hat das Salz in der Suppe nicht verdient“), „Salz un Brot macht Backe rot“ („Salz und Brot macht Wangen rot“) (ПиППП) и др.

В третью группу включены такие единицы измерения, как пуд (*Pud* = altes russ. Gewicht, 16,38kg [WDW 1992: 1022]), верста (*Werst* = russ. Längenmaß, etwa 1km [WDW 1992: 1428]), аршин (*Arschin* = früheres russ. Längenmaß, 71cm [WDW 1992: 187]), фунт (*Pfund* = Gewichtseinheit, 0,5kg, 500g [WDW 1992: 987]) и устаревшая мера объема мальтер (*Malter* = altes Getreidemaß, 100 – 700l [WDW 1992: 858]), например: „Mr muß mit `m Mensch ä Bud Salz esse, bis mr `n kenne lernt“ („Man muß mit einem Menschen einen Pud Salz essen, bevor man ihn kennen lernt“), „Un däs war kan Katzesprung, zwanzig Werscht“ („Und das war kein Katzensprung, zwanzig Werst“), „Dere (dem) fehlt `n Vertl an dr Arschin“ („Dem fehlt ein Viertel am Arschin“), „Geht wie wann `r ä Arschin geschluckt hätt“ („Er geht, als wenn er einen Arschin verschluckt

hätte“), „Messt nach ihre (seiner) Arschin“ („Er misst andere nach seinem Arschin“), „Des is `n Kerl wie `n Pund Worscht“ („Das ist ein Kerl wie ein Pfund Wurst“), „`s Alter is a schweres Malter“ („Alter ist ein schweres Malter“) (ПиПП) и др.

Рассмотрим пословицу „Mr muß mit `m Mensch ä Bud Salz esse, bis mr `n kenne lernt“ („Man muß mit einem Menschen einen Pud Salz essen, bevor man ihn kennen lernt“) (ПиПП), имеющую в своем составе русскую реалию – пуд (Pud). Для извлечения имплицитного смысла анализируемой языковой единицы необходимо понимать эксплицитный смысл, который заключается в знании, что пуд – наиболее часто употребляемая в старину среди русских мера веса, равная 16,38 кг. При наложении на данное эксплицитно выраженное высказывание наблюдения о том, что, для того чтобы хорошо узнать человека, необходимо тесно и долго общаться с ним, возникла имплицитная образная языковой единицы „Mr muß mit `m Mensch ä Bud Salz esse, bis mr `n kenne lernt“ – пуд соли. Благодаря этой образной становится ясной мотивированность рассмотренной пословицы.

Обратимся к пословицам и поговоркам, одним из компонентов которых выступает лексическая единица „Arschin“ – аршин (см. выше). Если говорить о мотивационной основе данных фразеологических единиц, то речь идет об элементах специального языкового знания (аршин), а также о детальном энциклопедическом знании. Аршин в России был центральной метрической единицей прошлого. Введение торгово-ремесленной средой этой новой меры в конце XV в. стало важным культурным и историческим событием. Аршин [перс. arš] значит, собственно, «локоть» [Мокиенко 1990: 83]. Историки предполагают, что первоначально аршином мерили восточные ткани, а отечественные – привычными локтями. По точности, однако, аршин был далеко не идеален, т. к. турецкие аршины весьма отличались друг от друга размерами. В русском обиходе под *аршином* понималась то длина в четыре четверти, то трети сажени

или длины всей руки от плеча, иногда же просто – длина среднего человеческого шага. Аршинами назывались и деревянные или металлические линейки длиной в аршин. Каждый купец, учитывая приблизительность этой ходовой меры, стремился пользоваться своими аршинами, подменяя их в зависимости от того, покупал он товар или же продавал его. При покупке, естественно, «свой аршин» всегда был длиннее, чем при продаже. Благодаря данному факту становится ясной мотивированность поговорки „Messt nach ihre (seiner) Arschin“ („Er misst andere nach seinem Arschin“), подчеркивающей личную заинтересованность, корысть и явную субъективность того, кто мерит что-либо лишь собственной меркой. В литературном немецком языке в аналогичном выражении вместо аршина фигурирует весьма близкая мерка *mit gleicher Elle messen* – буквально «мерить одинаковым локтем». В Германии до 1871 года существовало около 100 «эллей» – локтей, размеры которых колебались от 50 до 78 см.

Аршинная мерка имеется в виду и в поговорке „Geht wie wann `r ä Arschin geschluckt hätt“ („Er geht, als wenn er einen Arschin verschluckt hätte“), характеризующей человека, который держится неестественно прямо и скованно. „Der hat eine Elle verschluckt“ – «Этот проглотил локоть», – презрительно говорят немцы о каком-нибудь напыщенном «прямоходце» [Мокиенко 1990: 82-86]. Как видно из приведенных примеров, меры длины отличаются у немцев и российских немцев. Обозначение «аршин» является реалией для российских немцев, а для немцев – „Elle“. Данные расхождения в процессе реализации одинаковых концептов объясняются различиями в образе жизни, что, в свою очередь, отражается на национальных особенностях мировосприятия. Для актуализации концептов реальной действительности каждый народ выбирает свои близкие понятия, ориентируясь на реципиента своей культуры.

Таким образом, упоминание тех или иных реалий в пословицах и поговорках российских немцев акцентирует особую роль

экстралингвистических факторов, необходимых для выявления их внутренней формы и, соответственно, для понимания ассоциативных связей, положенных в основу образной реализации концепта.

Библиографический список

1. *БЭСЯ* – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 443 с.
2. *Мальцева, Д. Г.* Немецко–русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием: около 1300 фразеологических единиц / Д. Г. Мальцева. – М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 350 с.
3. *Мокиенко, В. М.* Загадки русской фразеологии: науч.-попул. изд. / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
4. *ПуПНП* – Пословицы и поговорки немцев Поволжья: сб. [Междунар. союз нем. культуры] / сост. Е. М. Ерина и др.– М.: Готика, 2000. – 207 с.
5. *СИС* – Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 608 с.
6. *Томахин, Г. Д.* Реалии – американизмы: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 238 с.
7. *JL A-Z* – Butzmann, G. Jugendlexikon A-Z / G. Butzmann [et al.]. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1987. – 728 S. : Ill. (z.T. farb.).
8. *WDW* – Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1992. – 1493 S .

СОДЕРЖАНИЕ

Александров О. А., Богословская З. М. ОСТРОВНОЙ ГОВОР ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ДИАЛЕКТНАЯ СУБСИСТЕМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	4
Бабенко Н. С., Карпов В. И. ДИАЛЕКТ В СИСТЕМЕ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА).....	10
Байкова О. В. К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДИАЛЕКТНОЙ ИНТОНАЦИИ В ГЕРМАНИИ.....	27
Галмагова Г.М. ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ КЛАССИЧЕСКОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ.....	34
Гамалей И. Г. РУССКИЕ СТРУКТУРЫ В СИНТАКСИСЕ ОСТРОВНОГО СЕВЕРНОБАВАРСКОГО ГОВОРА АЛТАЯ.....	38
Heinz Viktor HUGO JEDIG UND DIE OMSKER ARBEITSSTELLE FÜR MUNARTFORSCHUNG.....	44
Дятлова В. А. ТРАДИЦИИ ОМСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ СИБИРИ	58
Ермякина Н. А. РЕАЛИЗАЦИЯ РАМОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОСТРОВНЫХ СРЕДНЕНЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ	66
Заречнева В. А. ВКЛАД ПРОФЕССОРА Г.Г. ЕДИГА В РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИСТИКИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ.....	75
Любочко М. А. К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ «полевОй метод» и «пОлевый подход» В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	78
Меркурьева В. Б. LITERARISCHE UND PUBLIZISTISCHE TEXTE DER RUSSLANDDEUTSCHEN AUS LINGUISTISCHER SICHT.....	90

Минич Т. В. ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ КЛАССИЧЕСКОМУ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ.....	100
Орехова Н.Н., Ивонина В.Н., Перевощикова Н.А. ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ ГЛАЗОВА СЕГОДНЯ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	109
Сагина В. И. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ).....	119
Сержанова Ж.А. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	127
Stellmacher Dieter DER GANG DER “DEUTSCHEN DIALEKTOLOGIE” VON VIKTOR SCHIRMUNSKI BIS HEUTE.....	137
Степанова М.М. ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ-ВОСПОМИНАНИЙ.....	147
Штейнгарт Л.М. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕАЛИЙ - НАЗВАНИЙ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ).....	156